

ДЖАСТИН КРОНИН

КОНЕЦ СВЕТА БЫЛ ТОЛЬКО НАЧАЛОМ

ПРЕМИЯ «ГУДРИДС» — ЛУЧШИЙ РОМАН УЖАСОВ

ДВЕНАДЦАТЬ

Хоррор. Черная библиотека

Джастин Кронин

Двенадцать

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Кронин Д.

Двенадцать / Д. Кронин — «Эксмо», 2012 — (Хоррор. Черная библиотека)

ISBN 978-5-04-095175-8

Перед вами вторая часть трилогии Джастина Кронина «Перерождение». Прошло сто лет с момента, как мир разделился. День принадлежит людям, а ночь – жутким тварям. Люди научились с этим жить, быть всегда начеку, а некоторые стали прислуживать врагу. Для Зараженных время Пира давно миновало, и им тоже нужно выживать, пока человечество вновь расплодится. Мир снова стоит на пороге перемен, ведь Двенадцать бросают свои легионы на растерзание солнцу. Что ими движет? Куда их зовет голос Зиро? Питеру, бессмертной Эми и другим выжившим вновь суждено вступить в битвы.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-095175-8

© Кронин Д., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	8
Глава третья	9
Глава четвертая	10
I. Призрак	11
1	12
2	16
II. Фамильяр	20
3	22
4	28
5	35
6	41
7	46
8	57
9	69
10	74
11	83
12	86
13	96
14	98
15	101
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Джастин Кронин Двенадцать

Justin Cronin
The Twelve

© М. Новыш, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Лесли, шаг за шагом

*В конце моих страданий
Дверь была.
Послушай же меня:
Я помню то,
Что смертью вы зовете.
Шорох, шум ветвей вверху,
Потом – ничто. И тусклый солнца свет,
Мерцающий над твердью.
Ужас – жить,
Когда сознание твое
Погребено в земле сырой.*

Луиза Глюк, «Дикий ирис»

Пролог

Из Записей Первого Летописца («Книга Двенадцати»)

Представлено на Третьей Всемирной Конференции по периоду Североамериканского
Карантина

Центр культурологии и конфликтологии

Университет Нового Южного Уэльса, Индо-Австралийская Республика

16–21 апреля 1003 г. П. З. (После Заражения)

[начало цитаты]

Глава первая

1. И пришли времена, когда возросло в мире зло, и наполнились сердца людские враждою, и совершали люди великие непотребства ко всему живому, превращая землю в обитель смерти.

2. Со скорбью великой взирал Бог на творение свое, ибо не пребывал более с родом людским дух Его.

3. И сказал Господь: «Яко во дни Ноевы, настанет потоп великий, очищая землю, и станет он потопом крови. Сущие в сердцах людских чудища обретут плоть и станут пожирать все на пути своем. И нарекут их Зараженными».

4. Первый из них появится среди вас в облике человека достойного, скрыв внутри зло свое; но придет время, и болезнь одолеет его, отчего обретет он облик демона ужасающего. И станет он отцом всеобщей гибели, и нарекут его Зиро.

5. И скажут иные: «Не суть ли существо это – сильнейший из воинов? Неужели войско врагов наших не бросит оружие свое, дабы закрыть глаза свои от одного вида его?»

16. И с самого верха придет приказ, выбрать двенадцать преступников, дабы разделили они с Зиро кровь его, также обратившись в демонов; и имена их сольются воедино, став одним, Бэбкок-Моррисон-Чавез-Баффлз-Тьюрелл-Уинстон-Соуза-Эколз-Лэмбрайт-Мартинес-Райнхардт-Картер, суть Двенадцать.

17. Но выберу Я среди вас одного, чистого сердцем и душой, ребенка, кто восстанет против них; и пошлю Я знамение, дабы все могли узнать его, и знамением этим будет великое волнение среди зверей разных.

18. И была тем ребенком Эми, имя которой – Любовь, Эми – Повелитель Душ, Девочка Из Ниоткуда.

19. И свершилось знамение в месте с названием Мемфис, когда завывли, закричали и затрубили звери всякие, но узрела то лишь Лэйси, Сестра из служащих Господу. И сказал Господь Лэйси:

10. «Ты тоже избрана, дабы стать Эми опорой и указать ей путь. Куда она, туда и ты; и будет твой путь полон испытаний, и продлится многие поколения.

11. Станешь ты матерью чаду, которое послал Я, дабы исцелить этот мир оскверненный; ибо внутри ее восставлю я ковчег спасения душ праведных».

12. И с той поры исполняла Лэйси заповеданное ей Богом до последнего дня своего.

Глава вторая

11. Пришло время, когда оказалась Эми в месте с названием Колорадо, узницей людей, исполненных зла; ибо в месте том пребывали Зиро и Двенадцать, заключенные в цепи, и желали пленившие Эми сделать ее единой с Двенадцатью, телом и духом.

12. И дана была ей кровь Зиро, и погрузилась она в забытье, будто умерев; но не умерла она и не обратилась в чудовище. Ибо не было в замысле Божиим, чтобы случилось такое.

13. Днями пребывала Эми в забытии том, пока не случилась беда столь великая, что поделено было вовеки время на До Нее и После Нее, ибо освободились из заточения Двенадцать и Зиро и понесли с собой смерть по всей земле.

14. Но один человек подружился с Эми, сжалившись, и умыкнул ее из места того. Звали его Уолгаст, был он мужем праведным и непорочным в роде своем, возлюбленным Богом.

15. И отправились в путь Эми и Уолгаст, и оказались в месте с названием Орегон, среди гор; и пребывали там во времена, позже названные Годом Зиро.

16. Ибо во времена те ужасный голод Двенадцати одолевал земли человеческие. Пожирали они всякую тварь живую на пути своем, а кого не пожирали – призывали к себе, объединяя в уме своем. Так умножились Двенадцать миллионкратно, породив Двенадцать Колен Зараженных, в каждом – Легионы скитающихся без имени и памяти, истребляющих все живое на пути своем.

17. Так лето сменило весну, и осень – лето, и стал Уолгаст отцом Эми, тот, у кого не было детей своих; и возлюбил он ее как родную, и она его.

18. И понял он, что не такова Эми, как он сам, иная, чем любой другой живущий в землях человеческих. Ибо не выросла она, боли не испытывала, как и потребности в еде и отдыхе. Страшился он лишь того, кем станет она, когда сам он покинет мир сей.

19. И было так, что пришел к ним человек из места, Сиэттлом называемого; и умертвил его Уолгаст, избегая, дабы не превратился тот в демона, рядом с ними обретаясь, ибо стал мир обителью чудовищ, не осталось в нем иных живущих.

10. Так они и жили, как отец с дочерью, ухаживая друг за другом, до ночи той, когда небо озарил свет ослепительный, нестерпимый глазу; утром же воздух наполнился смрадом, и осыпал все пепел.

11. Тот свет был сиянием смерти, и от него Уолгаст заболел болезнью смертельной. И не стало Уолгаста, и скиталась Эми в одиночестве по земле опустошенной, и одни лишь Зараженные стали собратьями ее.

12. И прошло время немалое, девять десятков лет и два года.

Глава третья

1. И было так, что на девяносто восьмой год жизни ее в земле с названием Калифорния Эми пришла в город; и была то Первая Колония, где девять десятков человек пребывали в стенах, а были они потомками детей, пришедших сюда во Времена Прегние из места, называвшегося Филадельфией.

2. И испугались люди, узрев Эми, ибо не ведали они ничего о мире, и многое было сказано против нее, и была она заточена. Случилось же великое смятение, после чего вынуждена она была бежать вместе с другими.

3. Были же вместе с ней Питер, Алиша, Сара, Майкл, Холлис, Тео, Масами и Сапог, всего восемь; сердце каждого из них было исполнено добродетели, и желали они узреть мир за пределами стен, в которых пребывали прежде.

4. И первым среди них был Питер, вторая – Алиша, третья – Сара, а четвертый – Майкл; и благословенны они все были в глазах Божиих.

5. Вместе покинули они то место под покровом тьмы, дабы узнать тайну мира гбнущего, что скрыта была в месте с названием Колорадо, и половину года провели они в скитаниях, претерпев многие мытарства, величайшим из которых стало Пристанище.

6. Ибо в месте с названием Лас-Вегас были они пленены и оказались лицом к лицу с Бэбкоком, Первым из Двенадцати; обитатели же города того были суть рабы Бэбкока и Легиона его, каждую луну жертвуя одного из числа своего, дабы остальные живыми оставались.

7. И бросили Эми и остальных на место жертвоприношения, и бились они с Бэбкоком, на вид ужасающим; и погибли многие. Но сбежали они из места того, иначе не избежать было им гибели.

8. И погиб один из них, мальчишка, по прозванию Сапог; похоронили его Эми и остальные, сделав могилу его местом поминовения.

9. Печаль глубокая охватила их, ибо более других любили они Сапога, но не могли они мешкать, ибо Бэбкок и Легион его преследовали их.

10. И время минуло, и нашли Эми и друзья ее дом, над которым не властно время, ибо благословил его Бог, сделав его землей священной. Позднее нарекли дом тот Фермой. Там пребывали они в безопасности, целых семь дней.

11. И двое из них решили остаться в месте том, ибо женщина ждала ребенка. Ребенком же тем был Калев, возлюбленный Богом.

12. Так двое остались, другие же двинулись в путь.

Глава четвертая

11. Шло время, днями и ночами шли в Колорадо Эми и товарищи ее, и встретили они солдат, всего десять десятков. Именовалось же то войско Экспедиционным Отрядом, из места с названием Техас.

12. Ибо в те времена Техас стал убежищем человеческим; солдаты же странствовали за пределы его, сражаясь с Зараженными, и каждый из них хранил клятву умереть за товарищей своих.

13. И один из пришедших решил встать в ряды солдат тех, стать воином Экспедиционного Отряда; и была то Алиша, прозванием которой стало Алиша Клинок. Взамен же присоединился к идущим один из воинов, Луций Праведный.

14. Могли бы они задержаться там, но зима близилась; хотя четверо из них и избрали путь иной, отправившись вместе с солдатами в Техас, Эми и Питер вдвоем продолжили путь уготованный.

15. И было так, что пришли они в место, где свершилось превращение Эми, и на высочайшей из вершин узрели они Ангела Господня. И сказал Ангел Эми:

16. Не убоишься же, ибо я – та самая Лэйси, кою помнишь ты. Долгие годы ждала я тебя здесь, дабы указать тебе путь, и Питеру тоже; ибо он Муж Избранный, что будет опорой тебе.

17. Ибо, как во времена Ноевы, создал Бог промыслом своим ковчег великий, во избавление от вод гибельных, и Эми была ковчегом тем. Питеру же суждено было привести товарищей своих к суше спасительной.

18. Так Господь вознамерился воссоединить разрушенное и дать утешение душам праведным. И станет известно это под именем Перехода.

19. И призвала ангел Лэйси Бэбкока, Первого из Двенадцати, изо тьмы; и была битва великая. И умертвила Лэйси Бэбкока вспышкой света, и отошла душа ее к Господу.

10. И освободился от Бэбкока Легион его; и вспомнили они себя людьми, какими были во Времена Прежние: мужчинами и женщинами, мужьями и женами, родителями и детьми.

11. И ходила среди них Эми, благословляя каждого, ибо таков был промысел Божий, что станет она ковчегом, что избавит души их от долгой ночи беспомыслия. Покинули души их землю, и так они умерли.

12. Так узнали Эми и товарищи ее, что суждено им; но труден был путь, им предстоящий, и то было лишь начало его.

I. Призрак

*Не забывай меня, когда уйду
В далекий тихий край разлуки.*

*Кристина Росетти
«Не забывай»*

Лето 97-го года П. 3.
Пять лет после разрушения Первой Колонии

1

Кервилл, Техас, приют Сестер

Позже, после ужина, вечерней молитвы и помывки (если был банный день), когда миновали все хлопоты, завершающие день («Сестра, можно нам еще немножечко спать не ложиться, пожалуйста!»), когда дети наконец-то засыпали и становилось совсем тихо, Эми смотрела на них. Это не было под запретом; остальные сестры уже привыкли к тому, что она не спит по ночам. Тихо, как привидение, она переходила из одной безмолвной спальни в другую, скользя мимо рядов кроватей, в которых лежали дети с безмятежными лицами и отдохновением в теле. Самым старшим было тринадцать, они уже были на пороге взрослой жизни, самые маленькие были практически младенцами. У каждого из них была своя история, и всегда невеселая. Многие были третьими детьми в семье, за которых родители не смогли выплачивать налог, другие стали жертвами более суровых обстоятельств: матери, умершие родами, или незамужние, которые не смогли снести позор; отцы, исчезнувшие среди хитросплетений тайной жизни города; или найденные за пределами стен. Разные по происхождению, все они в будущем делили одну судьбу. Девочки вступали в Орден, посвящая свою жизнь молитве и созерцанию, а еще заботе о детях, таких же, какими были они сами. Мальчики становились солдатами, вступая в Экспедиционный Отряд и принимая иные, но ничуть не менее строгие обеты.

Но в глубине души они оставались детьми, подумала Эми. Собственное детство стало для нее столь отдаленным воспоминанием, что превратилось практически в абстракцию, но сейчас, глядя на спящих детей, на то, как подергиваются их веки, она вдруг ощутила себя ближе к этой памяти. К тем временам, когда она была крохотным существом в огромном мире, не ведая того, что ждет ее впереди. Долгая дорога, слишком долгая жизнь. Она ощущала это время внутри себя, будто огромную пустоту. Слишком много лет, чтобы отличить один год от другого. Вот, наверное, зачем она ходит и смотрит на детей. Чтобы помнить.

К кровати Калеба она всегда подходила в последнюю очередь, зная, что он будет ждать ее. Малыш Калеб. Да не малыш уже, мальчишка пятилетний, брызжущий энергией, как и все дети, непредсказуемый, веселый и пугающий одновременно. От матери ему достались высокие изящные скулы и смуглая кожа ее соплеменников; от отца – непреклонный взгляд, мрачные раздумья и густые жесткие черные волосы, которые обычно стригли очень коротко. В Колонии такие волосы называли «джексоновскими». Смешение черт, будто головоломка, которую собрали из кусочков его предков. Эми видела их, глядя на него. Он был Масами, он был Тео, но он оставался всего лишь собой.

– Расскажи мне о них.

Всегда, каждый вечер, один и тот же ритуал. Так, будто мальчишка уснуть не мог, не услышав рассказ о прошлом, том, памяти о котором у него не могло быть. Эми, как обычно, присела на край его кровати. Маленькое детское тело едва угадывалось под одеялом. Рядом спали еще два десятка детей, дружно тихо посапывая.

– Ну... – тихо заговорила она. – Давай. Твоя мать была очень красивая.

– Воин.

– Да, – с улыбкой ответила Эми. – Прекрасная воительница. С длинными черными волосами, заплетенными в косу, как полагается воину.

– Чтобы не мешали из лука стрелять.

– Точно. А еще она была очень своевольной. Знаешь, что это значит, быть своевольным? Я тебе уже говорила.

– Упрямой?

– Да, но в хорошем смысле этого слова. Если я скажу тебе вымыть руки перед едой, а ты откажешься, это не слишком хорошо. Это плохое упрямство. Я же хочу сказать, что твоя мать всегда делала то, что считала правильным.

– И поэтому решила, что должен появиться я, – сосредоточенно ответил Калев. – Потому что... что было правильным принести в мир свет.

– Хорошо. Ты запомнил это. Всегда помни, Калев, что ты – яркий луч света.

Лицо мальчика растаяло от радости.

– А теперь расскажи мне про Тео. Про моего отца.

– Твоего отца?

– Пожа-а-алста!

Эми рассмеялась.

– Ладно, хорошо. В первую очередь он был очень храбрый. Очень храбрый мужчина, и он очень любил твою маму.

– Но грустил.

– Это так, он печалился. Но, знаешь, именно это и делало его таким храбрым. Он совершил самый смелый из поступков. Знаешь, какой?

– Он стал надеяться.

– Да. Он стал надеяться, когда вокруг никто уже не надеялся. И это ты тоже всегда помни.

Она наклонилась и поцеловала его в лоб, теплый и влажный.

– Ладно, уже поздно. Пора спать. Утро вечера мудренее.

– Они... любили меня?

Эми была ошеломлена. Не самым вопросом – он множество раз задавал его, всякий раз желая убедиться, – а неуверенностью в его голосе.

– Конечно, Калев. Я же тебе много раз говорила. Они очень любили тебя. И до сих пор тебя любят.

– Потому что сейчас они на небесах.

– Правильно.

– Где все мы будем вместе, когда-нибудь. Куда отправляются все души.

Он глянул в сторону.

– Они говорят, что ты очень старая, – вдруг сказал он.

– Кто говорит, Калев?

– Я не знаю.

Скрытый в коконе одеяла, он пожал крохотными плечами.

– Все. Другие Сестры. Я слышал, как они говорили.

Раньше об этом речь не заходила. Насколько было известно Эми, об этом знала только Сестра Пег.

– Что ж, – начала она, собравшись с духом. – Я старше тебя, это я точно могу сказать. Достаточно стара, чтобы сказать тебе, что пора спать.

– Я иногда вижу их.

Эти слова застали ее врасплох.

– Калев? Как ты можешь их видеть?

Но мальчик не смотрел на нее, его взгляд будто обратился внутрь.

– Ночью. Когда я сплю.

– Видишь сны, ты хотел сказать.

На это мальчику нечего было ответить. Она коснулась его руки, скрытой одеялом.

– Все нормально, Калев. Расскажешь мне, когда будешь готов.

– Это не одно и то же. Это не то же самое, что сон.

Он поглядел на ее лицо.

– И тебя я вижу, Эми.

– Меня?

– Но ты другая. Не такая, как сейчас.

Она подождала, но продолжения не было. В каком смысле другая?

– Я скучаю по ним, – сказал мальчик.

Эми кивнула, терпеливо, стараясь не заострять его внимание.

– Я знаю. Ты еще увидишься с ними. А сейчас у тебя есть я. У тебя есть дядя Питер. Он скоро вернется домой, ты знаешь.

– С... Экспи... дицией.

Мальчик просиял, выговорив трудное слово.

– Когда я вырасту, то хочу быть солдатом, как дядя Питер.

Эми снова поцеловала его в лоб и встала, собираясь уходить.

– Если ты хочешь им стать, то станешь обязательно. А теперь спи.

– Эми?

– Да, Кaleb.

– А тебя кто-нибудь так любил?

Она стояла у детской кровати, и воспоминания захлестнули ее. Весенний вечер, кружащая карусель, вкус сахарной пудры, запах озера, запах избушки в лесу, ощущение того, как большая рука держит ее руку. Слезы застряли у нее в горле.

– Наверное, любили. Надеюсь, что любили.

– Дядя Питер?

Она нахмурилась, ошеломленная.

– А почему ты спросил, Кaleb?

– Не знаю.

Он снова пожал плечами, немного смущенно.

– Он так на тебя смотрит. Всегда улыбается.

– Что ж.

Она изо всех сил постаралась не подать виду. Получилось ли?

– Думаю, он улыбается потому, что рад видеть тебя. А теперь спи. Обещаешь?

Кaleb умоляюще посмотрел на нее.

– Обещаю.

За стенами горел яркий свет. Не такой невыносимо яркий, как в Колонии, Кервилл слишком большой, чтобы устроить здесь такое же освещение, но было светло, как вечером на закате, когда уже видны первые звезды. Эми выбралась со двора приюта, держась в тени. Увидела лестницу у основания стены. Не стала даже пытаться скрываться, подымаясь по ней. Наверху ее встретил часовой, крепкий мужчина средних лет, с винтовкой поперек груди.

– Что это ты такое делаешь?

Больше не прозвучало никаких слов. Часовой уснул на месте, и Эми, подхватив его, аккуратно опустила на помост. Привалила спиной к стене и положила винтовку ему на колени. Когда он проснется, у него останутся лишь обрывочные воспоминания, будто от галлюцинации. Девушка? Одна из Сестер, в тунике Ордена, из грубой серой ткани? Может, он и не сам проснется, может, его обнаружит один из его товарищей и выберет за то, что уснул на посту. Пара дней гауптвахты, и все. В любом случае никто ему не поверит.

Она пошла по помосту к пустующей платформе наблюдательного поста. Патрули ходят каждые десять минут, это все, что у нее есть. Свет струился на землю вниз, будто сияющая жидкость. Закрыв глаза, Эми очистила сознание и направила свои мысли вовне, над просторами за пределами стен.

– Иди ко мне.

– Иди ко мне иди ко мне иди ко мне.

Они пришли, скользя во мраке. Один, еще один, и еще, и еще, выстраиваясь сверкающей фалангой на границе тьмы и света. Она услышала в голове голоса, как всегда, как всегда – один вопрос.

Кто я?

Она ждала.

Кто я кто я кто я?

Как же Эми тосковала по нему. Уолгаст, тот, кто любил ее. Где ты, подумала она, и ее сердце сжалось от одиночества. Так случалось каждый раз, каждую ночь с тех пор, как она ощутила это, нечто новое, происходящее внутри ее. Она так остро ощущала его отсутствие. Почему ты оставил меня? Но Уолгаста нигде не было – ни в ветре, ни в небе, ни в звуках земли, медленно продолжающей свое вращение. Того человека, каким он был, больше не было.

Кто я кто я?

Она ждала до последнего. Шли минуты. Послышались приближающиеся шаги на помощи. Часовой.

– Вы есть я, – ответила она им. – Вы есть я. А теперь идите.

И они растворились в темноте.

2

В 76 милях к югу от Розуэлла, Нью-Мексико

Теплым сентябрьским вечером, за много миль и недель пути домой, лейтенант Алиша Донадио – Алиша Клинок, Новая Жизнь, дочь великого Найлза Коффи снайпер-разведчик Второго Экспедиционного Отряда армии Техасской Республики, нареченная и принесшая клятву – проснулась, ощутив в воздухе запах крови.

Ей было двадцать семь лет, рост – метр семьдесят, с крепкими плечами и бедрами, рыжие волосы были коротко стрижены, почти наголо. Глаза, когда-то голубые, теперь светились оранжевым, будто два уголька. Она путешествовала налегке, ничего лишнего. На ногах сандалии из брезента и полос жесткой резины, джинсовые штаны, протертые на коленях и сзади, джинсовая куртка с обрезанными рукавами, чтобы быстрее двигаться.

На груди – две кожаные перевязи накрест, в которых шесть коротких стальных клинков – ее фирменное оружие, а на спине – арбалет на крепком пеньковом шнуре. В кобуре на бедре – самозарядный «браунинг» 45-го калибра с девятью патронами, оружие на самый крайний случай.

Восемь и один, как говорится. Восемь – для Зараженных, девятый – для себя. Восемь и один, и готово.

Этот городок когда-то называли Карлсбадом. Годы не пощадили его, пройдясь по нему, будто гигантской метлой. Но некоторые строения остались – пустые остовы домов, ржавые сараи и навесы, безмолвное свидетельство хода времени. Весь день Алиша отдыхала в тени заправочной станции, чей металлический навес каким-то образом все еще не упал. Когда стало смеркаться, она проснулась, чтобы выйти на охоту. Сняла зайца из арбалета, одним выстрелом в горло, освеживала его и стала жарить на костре из веток мескита, отрывая с ляжек полоски мяса, пока потрескивал огонь.

Спешить ей было некуда.

Она была человеком правил и ритуалов. Она не убивала Зараженных спящими. Не пользовалась пистолетом, если не было необходимости. Все эти стрелялки слишком шумные, неуклюжие и недостойные того, чем она занимается. Она поражала врага клинком, быстро, или из арбалета, мгновенно и без сожаления, но всегда – с состраданием в сердце. «Отправляю вас домой, братья и сестры мои, освобождаю вас из заточения вашего существования», – всегда говорила она. Когда дело было сделано, извлекая клинок из смертельной раны, она касалась его рукоятью лба, а потом груди, у сердца, освящая избавление созданий надеждой на то, что, когда придет день, отвага не оставит ее, и ей тоже будет даровано избавление.

Дождавшись, пока стемнеет, она потушила огонь костра и отправилась в путь.

День за днем она шла по низинным равнинам, заросшим кустарником. На юге и западе возвышались туманные силуэты гор, будто стряхнувшие с себя землю долин. Если бы Алиша когда-нибудь видела море, то, наверное, сравнила бы эти места с ним. Равнины, как дно моря, посреди суши, и горы, замершие в вечности, изрытые дырами пещер, остатки гигантского хребта, с тех времен, когда земли и воды населяли невероятные чудовища.

Где же вы сейчас, подумала она, где вы прячетесь, мои братья и сестры по крови?

Она прожила три жизни – две были в прошлом, третья длилась сейчас. В первой она была просто маленькой девочкой. Мир вокруг был наполнен бегущими фигурами и сверкающими огнями, он пронесся сквозь нее, будто ветер, разметавший волосы, ничего ей не оставив. В ту ночь, когда Полковник забрал ее за пределы стен Колонии и оставил безо всего, даже без ножа, ей было восемь. Она всю ночь сидела под деревом и плакала, но когда утреннее солнце осветило ее, она стала другой. Прежней девочки не стало. «Теперь понимаешь, – спросил ее Пол-

ковник, сев на корточки рядом с ней, в пыли. Не обнял, чтобы утешить, а пристально смотрел на нее, как офицер на солдата. – Теперь понимаешь?»

Да, она поняла. Ее жизнь, мелкая случайность того, что она существует, не значит ничего. Она оставила ее и в тот же день дала клятву.

Но это было очень давно. Она была ребенком, потом стала женщиной, а потом... чем? Третья Алиша, Новая Жизнь, не Зараженная, но и не человек, и то и другое одновременно. Смешение, сплав, смесь несовместимого. Она ходила меж Зараженных, будто незримый дух, отчасти – одна из них, отчасти – нет, призрак в их сумеречном мире. В ее крови жил вирус, но его уравновешивал второй, взятый у Эми, Девочки Из Ниоткуда. Из одной из двенадцати пробирок из лаборатории в Колорадо. Остальные уничтожила сама Эми, бросила в огонь. Кровь Эми спасла Алише жизнь, но в каком-то смысле и не спасла. Лейтенант Алиша Донадио, снайпер-разведчик Экспедиционного Отряда, стала единственной в своем роде, во всем мире.

Алиша не могла даже самой себе точно объяснить, что же она такое.

Она подошла к сараю, дырявому и облупленному, наполовину погрузившемуся в песок, с покатою железной крышей.

Она что-то... *ощутила*.

И это было странно, такого раньше никогда не случалось. Вирус не дал ей такой способности, какая была у Эми. Алиша была Инь, дополняющим Ян у Эми, наделенная физической силой и быстротой Зараженных, но отделенная от той невидимой паутины мысли, которая связывала воедино остальных.

Однако разве не так? Неужели она что-то ощутила? Ощутила *их*? Будто слабое покалывание в основании черепа, будто тихий шорох в ее сознании, едва различимые слова.

Кто я? Кто я кто я кто я кто я?

Их там трое. Все трое – женщины, вдруг поняла Алиша. Более того – Алиша ощутила – как такое возможно? – что в каждой из них одно и то же ядро, одна основа памяти. Рука, закрывающая окно, шум дождя. Поющая птица с яркими перьями в клетке. Вид полутемной комнаты, от двери, двое маленьких детей, мальчик и девочка, спят в кроватках. Алиша будто видела это собственными глазами, слышала собственными ушами, вдыхала запахи, ощущала чувства. Смесь всего, составляющая ощущение реальности, светящаяся в ее мозгу, будто три крохотных огонька. На мгновение это заворожило ее, она в немом благоговении пребывала перед лицом этих воспоминаний об ушедшем мире. Мире в Пржежие Времена.

И что-то еще. Каждый огонек этих воспоминаний покрывала тьма, необъятная и безжалостная. Такая, от которой Алиша задрожала всем телом. Что же это, подумала она, и поняла. Воспоминания одного из них, того, кого звали Мартинесом. Хулио Мартинес из Эль-Пасо, штат Техас, Десятый из Двенадцати, приговоренный к смерти за убийство блюстителя порядка. Тот, за которым шла Алиша.

В этом сне Мартинес вечно насиловал женщину по имени Луиза. Ее имя было вышито витиеватыми буквами на кармане ее блузки. Насиловал, одновременно душа ее электрическим проводом.

Дверь сарая косо висела на ржавых петлях. Тесно. Алиша предпочла бы, чтобы места было побольше, особенно когда надо разобраться с троими. Быстро поразмыслив, она тихо положила клинок на землю. И, крадучись, двинулась вперед, выставив вперед арбалет.

Двое Зараженных висели вниз головой, уцепившись ногами за стропила, третья, скрючившись в углу сарая, с чавканьем грызла кусок мяса. Они только что сожрали антилопу, разорванные останки которой были разбросаны по полу. Куски шкуры, кости, шерсть. Осоловев от еды, Зараженные не заметили, как Алиша вошла.

– Вечер добрый, леди.

Первую из висевших на стропилах она сняла из арбалета. Глухой удар, резко оборвавшийся визг, грохот тела, упавшего на пол. Две другие очнулись. Та, что висела на стропилах,

отпустила хват и, поджав колени к груди, перевернулась в воздухе и приземлилась на когтистые лапы спиной к Алише. Алиша бросила арбалет и одним слитным движением выхватила клинок и метнула в третью Зараженную, которая вскочила, чтобы кинуться на нее.

Две готовы, одна осталась.

Все должно было быть просто. Как бы не так. Алиша выхватила второй клинок, но Зараженная взмахнула рукой, ударив по руке Алиши с такой силой и скоростью, что нож улетел в темноту. Прежде чем создание успело ударить еще раз, Алиша прыжком ушла в кувырок, откатываясь в сторону. На выходе из кувырка у нее в руке уже был следующий нож. Но Зараженная исчезла.

Блин.

Схватив с пола арбалет, Алиша зарядила его и ринулась наружу. Где же она, черт подери? Два шага, прыжок, и Алиша с лязгом приземлилась на крышу сарая. Мгновенно огляделась. Никого, нигде.

В этот момент Зараженная вскочила позади нее. Ловушка, поняла Алиша. Пряталась, прижавшись к дальнему краю крыши. В следующее мгновение случились две вещи одновременно. Алиша резко развернулась, вскинув арбалет, раздался треск дерева и скрежет металла, и крыша под ней провалилась.

Она грохнулась на пол лицом вверх, а Зараженная свалилась на нее. Арбалета в руке не было. Алише надо было бы выхватить еще один клинок, но обе ее руки были заняты тем, что удерживали Зараженную. Одновременно ей приходилось уворачиваться от зубов. Тварь то и дело делала выпады вперед, влево, вправо, снова влево, пытаясь дотянуться до горла Алиши и щелкая зубами. Неостановимая сила против несдвигаемого объекта. И сколько так может продолжаться?

Дети в кроватках, поняла Алиша. Перед ней та самая женщина, что смотрела от двери на спящих детей. «Подумай о детях», – послала мысль Алиша. А потом сказала это вслух.

– *Подумай о детях.*

Зараженная замерла. На ее лице появилась тоска. На кратчайший миг, не более чем на половину секунды, их взгляды встретились в темноте.

Мэри, подумала Алиша. Тебя звали Мэри. Ее рука достала клинок.

«Я отправляю тебя домой, Мэри, сестра моя, – подумала Алиша. – Я освобождаю тебя из заточения существования твоего».

И резким восходящим ударом вонзила клинок в уязвимое место, по самую рукоять.

Алиша отбросила труп в сторону. Двое других лежали там же, где и умерли. Алиша выдернула кинжал и арбалетный болт из первых двух, насухо вытерла, а затем присела у тела последней противницы. Обычно по окончании схватки она ощущала лишь еле заметную пустоту внутри, но сейчас с удивлением поняла, что у нее дрожат руки. Как она узнала это? Ведь она знала, совершенно точно знала, что имя этой женщины – Мэри.

Выдернув клинок из раны, она коснулась лезвием груди и лба.

Спасибо тебе, Мэри, что ты не убила меня прежде, чем я сделала свое дело. Надеюсь, ты теперь вместе с твоими малышами.

Глаза Мэри были открыты и смотрели в никуда. Алиша кончиками пальцев опустила ей веки. Нельзя ее так оставлять. Подхватив тело на руки, Алиша вышла наружу. Над горизонтом поднимался диск луны, заливая все бледным светом и оттеняя мрак ночи. Нет, уж теперь Мэри лунный свет не нужен, подумала Алиша, хватит с нее сотни лет под ночным небом. Она положила мертвую женщину на рыхлую землю. Утром солнце осветит ее, и прах ее развеется по ветру.

Алиша лезла вверх.

Миновали ночь и день. Она оказалась в горах и теперь поднималась по высохшему руслу ручья в узком ущелье. Ощущение близости Зараженных становилось все сильнее. Она приближалась к чему-то. Мэри, подумала она, что же ты пыталась сказать мне?

Когда она достигла вершины хребта, начинало светать. Горизонт внезапно ушел вдаль. Внизу, в продуваемой всеми ветрами черноте, раскинулась долина, вверху, в такой же черноте, были рассыпаны звезды. Алиша знала, что при желании можно было соединить их в рисунки, фигуры людей и животных, пусть они и расположились в небе будто бы в случайном порядке, но сама она так и не научилась делать это. Для нее звезды всегда оставались хаотичной россыпью, так, будто каждую ночь рассыпались по небу заново.

И тут она увидела. Черная пасть мрака внутри чашеобразной впадины. От низа до верха проема футов сто, не меньше. Высеченные в скале изогнутые ступени, будто скамьи древнего амфитеатра. В воздухе мелькали летучие мыши.

Это были врата ада.

«Ты же там, так ведь, – подумала Алиша и улыбнулась. – Нашла я тебя, сукин ты сын».

II. Фамильяр

*«Теперь пора ночного колдовства.
Скрипят гроба, и дышит ад заразой».*

*Шекспир
«Гамлет», акт III, сцена II*

Июнь
Год Зиро

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК
ЦЕНТРАЛЬНОЕ КОМАНДОВАНИЕ ВС США
7115 БУЛЬВАР САУТ БАУНДЭРИ
БАЗА ВВС МАК-ДИЛЛ, ФЛОРИДА 33261-5101

5.00 01.06.16

БОЕВОЙ ПРИКАЗ ПО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМАНДОВАНИЮ ВС
США – ОПЕРАЦИЯ «НЕПОРОЧНЫЕ»

ПРИЛАГАЕТСЯ: ПРИКАЗ ПРЕЗИДЕНТА 929621, БП 18-26 по 1-й
РВБ, Карта лист 108

СТРУКТУРА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ: Объединенная Тактическая Группа
(ОТГ) «ПЛАМЯ», в составе подразделений 338-го истребительного авиакрыла
(338 ИАК), 23-й истребительной авиагруппы (23 ИАГ), 62-й группы ПВО
(62 ГПВО), сухопутных войск Национальной Гвардии Колорадо (СВ НГКол),
сухопутных войск Национальной Гвардии Канзаса (СВ НГКан), сухопутных
войск Национальной Гвардии Небраски (СВ НГНб) и сухопутных войск
Национальной Гвардии Айовы (СВ НГАй)

1. ОПЕРАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ

- a. Силы противника: неизвестны, 800К +/-
- b. Ландшафт – возвышенности, выгоны, городская местность.
- c. Погодные условия: различные, видимость в дневное время средняя,
видимость в ночное время низкая, в отсутствие лунного света – очень низкая.
- d. Дислокация противника: на момент 5.00 01.06.16 763 группы
(«стаи») инфицированных людей наблюдались в Назначенных Районах 1-26.
Перемещение противника ожидается сразу после захода солнца (21.00).

2. БОЕВАЯ ЗАДАЧА

ОТГ «ПЛАМЯ» проводит боевую операцию с 21.00 01.06.16 по
24.00 05.06.16 в означенной Карантинной Зоне с целью уничтожения всех
зараженных.

3. ЗАДАЧИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

Суть задачи: ОТГ проводит комбинированную наземно-воздушную
операцию в Карантинной Зоне. Первоочередной задачей СОГ «ПЛАМЯ»
является уничтожение всех зараженных в Карантинной Зоне. Все люди, в том
числе гражданские лица, находящиеся в Карантинной Зоне, по умолчанию
считаются зараженными и подлежат уничтожению в соответствии с Приказом

Президента 929621. Операция завершается с уничтожением всех зараженных в Карантинной Зоне.

Порядок проведения операции: операция состоит из двух этапов:

ЭТАП 1: ОТГ задействует подразделения тактической авиации 338 ИАК, 23 ИАГ и 62 ГПВО не позднее 21.00 01.06.16 для массированной бомбардировки Назначенных Районов 1–26. ЭТАП 1 завершается по выполнении бомбардировки 100 % площади Карантинной Зоны. По завершении ЭТАПа 1 немедленно выполняется ЭТАП 2.

ЭТАП 2: ОТГ задействует шесть мотопехотных дивизий, организованных из пехотных подразделений СВ НГКол, СВ НГКан, СВ НГНб и СВ НГАй с целью огневого уничтожения оставшихся сил противника в Назначенных Районах 1–26. ЭТАП 2 завершается по уничтожению 100 % зараженных в пределах Карантинной Зоны.

4. МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

а. Вводные МТО. Все подразделения выступают в бой в полном снаряжении, в соответствии с тактическим приказом ОТГ.

б. Пополнение припасов. Возлагается на 62 ГПВО в соответствии с тактической инструкцией ОТГ.

с. Эвакуация раненых и госпитализация. Эвакуация осуществляется вертолетами 62 ГПВО в соответствии с тактическим приказом ОТГ. Подразделения, находившиеся в непосредственном контакте с зараженными, подлежат немедленному помещению в карантин до дальнейших распоряжений вышестоящего командования.

5. СУБОРДИНАЦИЯ И СВЯЗЬ

а. Субординация. В соответствии с тактическим приказом ОТГ.

б. Связь. В соответствии с тактическим приказом ОТГ.

УТВЕРЖДЕНО:

УИЛФРИД Т. ОРВИС

ГЕНЕРАЛ

Командующий Центрального Командования ВС США

3

Бернард Китридж, ставший известным миру под именем «Стоящий Насмерть в Денвере», понял, что пора уходить, когда с утра отключилось электричество.

Интересно, почему этого не случилось намного раньше, подумал он. Городская электросеть не будет работать без людей, ее обслуживающих, а насколько Китридж мог увидеть с 19-го этажа – в городе Денвер не осталось ни души. Человеческой.

Не в том смысле, что в городе никого не было, кроме него.

Он провел ранние утренние часы – безоблачное утро первой недели июня, теплое, но не жаркое, – загорая на балконе пентхауса, который он занимал начиная со второй недели всего этого кризиса. Внизу, возможно, среди теней еще таились чудовища, пьющие кровь. Огромный пентхаус, будто дворец, взлетевший в воздух, одна кухня размером со всю квартиру Китриджа. Владелец пентхауса явно любил строгий стиль – изящные кожаные кресла, на которые приятно смотреть, но на которых неудобно сидеть, сверкающие полы, покрытые искрящимся травертином, небольшие ворсистые коврики, стеклянные столы, будто парящие в воздухе. Вломиться сюда оказалось на удивление просто. К тому времени, когда Китридж принял решение, полгорода погребло, сбежало или пропало. Полицейских уже давно не было. Сначала он хотел забарикадироваться в одном из роскошных домов на Черри Крик, но, судя по тому, что он успел увидеть, лучше было выбрать местечко повыше. Он был немного знаком с владельцем пентхауса – тот был постоянным клиентом магазина, где работал Китридж. Его звали Уоррен Фило. По сущему везению, он пришел в магазин за день до того, как все началось, закупиться перед охотой на Аляске. Молодой парень, слишком молодой, чтобы иметь столько денег. Наверное, с Уолл-стрит денежки или с какого-нибудь бизнеса по хайтеку. В тот день все в мире, как обычно, радостно шумело, а Китридж помог Уоррену донести покупки до машины. «Феррари», конечно же. Стоя рядом с машиной, Китридж задумался. Почему бы просто не прицепить себе вместо номера табличку, «МЕШОК ДЕРЬМА № 1»? Наверное, этот вопрос был написан у него на лице, поскольку сразу же, как эта мысль пришла ему в голову, Уоррен покраснел от возмущения. Он был не в костюме, как обычно, просто в джинсах и футболке с надписью «Бизнес-школа Слоуна». Он ведь хотел, чтобы Китридж засмотрелся на машину, это же очевидно, но теперь, когда это произошло, вдруг понял, насколько это глупо, хвастаться такой машиной перед рядовым менеджером из «Аутдор Уорлд», у которого годовой доход вряд ли перевалит за пятьдесят штук. (Сорок шесть на самом деле.) Китридж позволил себе усмехнуться, про себя. Из того, чего этот мальчишка в жизни еще не видел, можно книгу составить. И снова промолчал, подчеркнуто. «Понимаю, понимаю, – затараторил Уоррен. – Наверное, это слишком. Сам себе всегда говорил, что никогда не стану одним из тех придурков, что ездят на «Феррари». Но, если честно, ты бы знал, как она едет».

Китридж нашел адрес Уоррена на счете. К тому времени, когда он решил перебраться, Уоррен, вероятно, был в целостности и сохранности на Аляске, довольный собой. Надо было лишь найти нужный ключ в кабинете администратора, вставить в слот у лифта и доехать на девятнадцатый этаж, прямо в пентхаус.

Он начал выгружать снаряжение. Набитый чемодан с одеждой, три ящика оружия, походный фонарь с радиоприемником, очки ночного видения, фальшфейеры, аптечка первой помощи, бутылки с хлоркой, небольшой сварочный аппарат, чтобы заварить двери лифта, а еще верный старенький ноутбук с небольшой антенной-тарелкой для выхода в Интернет через спутник. Коробка с книгами и еда с водой на месяц.

С балкона, выходящего на западную сторону здания, открывался обзор на 180 градусов, от стадиона «Майл Хай» до Федеральной трассы 25. Он установил камеры с датчиками движения по краям балкона, одну в сторону улицы, другую – с обзором на стену дома на противопо-

ложной стороне. Так, наверное, много хороших кадров получится, подумал он, но в нынешней ситуации самые хорошие кадры – кадры уничтожения. Для этой цели он выбрал «Ремингтон 700Р» калибра 318 – идеальный баланс между точностью и поражающим воздействием, дальность прямого выстрела 300 метров. На винтовку он поставил оптический прицел с видеокамерой и прибором ночного видения. Цели он будет искать с помощью бинокля, а установленная на сошке на краю балкона винтовка сделает остальное.

В первую ночь, безветренную и темную, с луной в последней четверти, Китридж подстрелил семерых – пятерых на улице, шестого на крыше дома напротив, а седьмого – через окно отделения банка на первом этаже. Именно последний выстрел сделал его знаменитым. Создание – вампир, или кем там еще оно являлось – официально их именовали «Зараженными Людьми» – смотрело прямо в объектив прицела, когда Китридж всадил ему пулю в уязвимое место. Загрузил видео на YouTube, и оно в считанные часы разошлось по всему миру. К утру его перепостили во всех сетях. Кто же сделал это, спрашивали все. Что это за бесстрашный безумец, самоубийца, забаррикадировавшийся на верхнем этаже дома в Денвере, чтобы стоять насмерть?

Так он и получил свое прозвище. «Стоящий Насмерть в Денвере».

Он с самого начала был готов к тому, что его прикроют, это лишь вопрос времени. ЦРУ, АНБ или Министерство Внутренней Безопасности. Слишком много шуму он поднял. Однако в его пользу работало то, что этим людям придется прийти в Денвер, чтобы «отключить» его. IP-адрес Китриджа было практически невозможно отследить, поскольку он подключался через длинную цепочку серверов, каждую ночь меняя порядок подключения. Большая часть серверов находилась за границей – в России, Китае, Индонезии, Израиле, Судане. Тех местах, куда ни одно федеральное агентство не доберется. Его видеоблог, который набрал два миллиона просмотров в первый же день, был дублирован на трех сотнях «зеркал», и Китридж постоянно увеличивал их число. Не прошло и недели, как он стал подлинной мировой знаменитостью. Он и пальцем не пошевелил, а его съемки уже разошлись в «Твиттере», «Фэйсбуке», Headshot и Sphere. У одного из его фан-сайтов уже было больше четырех миллионов подписчиков, а на eBay, как горячие пирожки, разлетались футболки с надписью «Я Стоящий Насмерть в Денвере».

Самое главное в жизни, сынок, – внести свой вклад, говорил ему отец. Кто бы подумал, что вкладом Китриджа в жизнь этого мира станет видеорепортаж из эпицентра апокалипсиса?

Но в мире все шло своим чередом. Солнце вставало и садилось. Безразличные горы на западе ничуть не обеспокоились исчезновением человека. Какое-то время было очень много дыма – целые кварталы выгорели дотла, – но теперь дым рассеялся, и картина разрушений предстала перед ним во всей зловещей отчетливости. В ночи город пятнами погружался в крошечную темноту, но были и места, где свет еще не погас. Мигали уличные фонари, горело освещение на заправках и в круглосуточных магазинах, светились лампы у входов в дома, будто ожидая возвращения хозяев. Китридж нес свою вахту на балконе, а внизу, в девятнадцати этажах от него, размеренно переключался светофор. Зеленый, желтый, красный, снова зеленый.

Он не чувствовал одиночества. Одиночество уже давно его покинуло. Ему тридцать четыре. Весу чуть больше, чем хотелось бы, но с его ногой сбросить вес было трудновато. Сил еще достаточно. Когда-то он был женат, но недолго. Воспоминания сохранили для него 18 месяцев супружеского счастья, обильно сдобренного сексом, и еще столько же месяцев ругани, криков, взаимных обвинений, до тех пор пока тот брак не пошел камнем ко дну. В конечном счете хорошо хоть, что от этого союза детей не появилось. С Денвером его ничто не связывало – ни родственное, ни романтическое. После того как он решил вопросы с Министерством по делам ветеранов, он приехал сюда, да так и остался. Все говорят, что ветерану с боевыми наградами несложно найти работу. Может, и так. Но Китридж никуда не торопился. Большую часть первого года после увольнения из армии он просто читал. Сначала всякую дрянь, потом

детективы и триллеры, а потом принялся и за более серьезные книги. «Когда я умирала», «По ком звонит колокол», «Приключения Гекльберри Финна», «Великий Гэтсби». Целый месяц потратил, продираясь сквозь «Моби Дика» Мелвилла. Книги, которые, по его ощущению, он был просто обязан прочесть, но почему-то пропустил, когда учился в школе. По большей части они ему очень нравились. Сидя в тишине в своей квартире-студии, он уносился умом в другие времена, переживал чужие жизни так, будто выпил чего-то крепкого после многих лет жажды. Даже записался на пару курсов в ближайшем колледже и, весь день работая в «Аутдор Уорлд», читал задания и писал в обеденный перерыв и по ночам. Во всех этих страницах было нечто, что давало ему силы легче переносить жизнь. Будто спасательный плот, за который он держался руками, прежде чем темные волны воспоминаний снова смоют его в пучину. Временами ему даже казалось, что у него получается. Мелочи жизни, терпеть можно.

А потом, конечно же, настал конец света.

В то утро, когда вырубилось электричество, Китридж как раз закончил загружать в Интернет съемки прошедшей ночи и сидел в патио, читая «Повесть о двух городах» Диккенса. Тот эпизод, когда англичанин-адвокат Сидни Картон признается в вечной любви Люси Манетт, невесте злополучного Шарля Дэрнэ. И тут Китриджу пришла в голову мысль, что для полноты счастья ему не хватает мороженого. На огромной кухне Уоррена, где при желании можно было бы устроить пятизвездочный ресторан, почему-то совершенно не было еды, а заплесневевшие остатки готовой еды в коробках Китридж уже давно выбросил. Больше в холодильнике ничего не было. Однако у парня явно была слабость на тему шоколадного мороженого «Бен и Джерри», «Чоколад Фудж Брауни», и вот его-то в холодильнике было полно. Не «Чанки Манки» или «Шерри Гарсия», или «Фиш Фуд», даже не старая добрая «Ванилла». Только «Чоколад Фудж Брауни». Китридж не отказался бы от толики разнообразия, учитывая, что, кроме мороженого, есть практически нечего. Был только готовый суп в банках и крекеры, так что жаловаться не приходилось.

Аккуратно пристроив книгу на подлокотник кресла, он встал и вошел внутрь пентхауса, открывая стеклянные раздвижные двери.

К тому времени как он дошел до кухни, он уже почувствовал, что что-то не так, хотя пока не мог понять, что именно. Понял лишь тогда, когда открыл картонную коробку и ткнул ложкой в расплывшееся месиво, в которое превратился «Чоколад Фудж Брауни».

Ткнул выключатель. Ничего. Прошел по комнатам, пытаясь включать лампы в разных местах. Одно и то же.

Остановился посреди гостиной и сделал глубокий вдох. О'кей, подумал он. О'кей. Этого следовало ожидать. Причем уже давно. Он поглядел на наручные часы. 9:32. Солнце зайдет в начале девятого. Значит, у него десять с половиной часов, чтобы смотать отсюда.

Он быстро собрал рюкзак. Протеиновые батончики, бутылки с водой, чистое белье и носки, аптечка первой помощи, теплая куртка, флакон «Зиртека» (всю весну его мучили разнообразные аллергии), зубная щетка и бритва. Подумал, не взять ли с собой «Повесть о двух городах», но счел это непрактичным, и с сожалением отложил книгу. Пошел в спальню, надел викингскую спортивную футболку с длинным рукавом и штаны-карго, жилет-разгрузку и легкие походные ботинки. Пару минут раздумывал, какое взять оружие. В результате выбрал нож-боуи, пару пистолетов «глок 19» и старомодного вида польский АК со складным прикладом. Для дальней стрельбы бесполезен, но в ближнем бою, который его скорее всего ожидает, подойдет отлично, а еще он очень надежный. В нагрудных кобурах на перекрещенных ремнях «глоки» смотрелись просто понтово. Китридж набил карманы жилета обоймами и магазинами, пристегнул АК на плечевой ремень, надел рюкзак и вернулся в патио.

И тут краем глаза заметил светофор. Зеленый, желтый, красный. Зеленый, желтый, красный. Может, ему повезло, но он в этом почему-то сомневался.

Они его нашли.

Трос он привязал к сливному желобу крыши. Влез в обвязку, застегнулся и перекинул через перила балкона здоровую ногу. А потом больную. Высоты он не боялся, но все равно не стал смотреть вниз. Стоя на краю балкона, лицом к окнам пентхауса, он услышал вдалеке стрекот приближающегося вертолета.

Стоящий Насмерть в Денвере, конец связи.

Он оттолкнулся от балкона и заскользил вниз, раскачиваясь. Один этаж, второй, третий. Канат плавно скользил в его ладонях. Он приземлился на балконе квартиры четырьмя этажами ниже. Левое колено пронзила хорошо знакомая боль, и он скрипнул зубами. Вертолет приближался, хруст лопастей несущего винта, рассекающих воздух, эхом отражался от стен домов и пустых улиц. Китридж вылез из обвязки, вынул из кобуры «глок» и одним выстрелом разбил стекло балконной двери.

Воздух внутри был затхлый, будто в домике, простоявшем закрытым всю зиму. Массивная мебель, зеркала в позолоченных рамах, над камином – картина маслом, с изображением коня. Откуда-то несло запахом разложения. Китридж двинулся сквозь безмолвие, даже не глядя по сторонам. У двери остановился и прицепил к планке на АК фонарь. Вышел в коридор и пошел к лестнице.

У него в кармане были ключи от «Феррари», припаркованной в подземном гараже, восемнадцатью этажами ниже. Китридж плечом открыл дверь на лестницу и мгновенно крутанул стволом АК, освещая пространство перед собой фонарем. Чисто. Он достал из кармана жилета фальшфейер и зубами открутил пластиковую крышку, прикрывающую запальную головку, а затем чиркнул. Фальшфейер с хлопком загорелся, разбрасывая искры. Китридж выставил руку в пролет лестницы, примерился и отпустил его. Если внизу кто-то есть, он очень скоро это узнает.

Он смотрел вслед падающему фальшфейеру, за которым тянулся дымный хвост. Вскоре фальшфейер задел за перила и отскочил в сторону. Китридж досчитал до десяти. Ничего, никакого движения.

Он начал спускаться. На то, чтобы дойти до низа, у него ушло еще три фальшфейера. В гараж вела массивная железная дверь с аварийным замком и небольшим окошком из армированного стекла. На полу было полно мусора – банок от газировки, оберток от батончиков, банок из-под готовой еды. В углу валялся скомканный матрас и груда заплесневевшей одежды. Когда-то тут кто-то спал. Прятался, как и он сам.

Китридж осмотрел подземный гараж в тот же день, когда пришел сюда. «Феррари» припаркована у юго-западного угла, примерно в шестидесяти метрах от этой двери. Наверное, лучше было бы заранее переставить ее поближе, но у него ушло три дня на то, чтобы найти ключи. Кому могло прийти в голову прятать ключи от машины в шкафчике в ванной? К этому времени Китридж уже окончательно забаррикадировался в пентхаусе.

На брелке было три кнопки – замок, сигнализация и, как надеялся Китридж, дистанционный запуск мотора. Ее-то он и нажал.

Из глубины гаража донесся отрывистый резкий сигнал, а потом басовито зарокотал мотор «Феррари». Еще одна ошибка. Машина стоит передом к стене. Надо было подумать об этом. Это не только замедлит его, еще он не сможет сразу осмотреться в гараже, включив фары. Сквозь небольшое окошко он мог разглядеть лишь пятно света вдали и тихий, будто кошачье урчание в темноте, звук мотора. Большая часть гаража была погружена во мрак. Зараженные любят висеть на чем-нибудь вниз головой – на потолочных балках, трубах, чем угодно, за что можно ухватиться когтями. Малейших неровностей им достаточно. И нападают они сверху.

Настал решающий момент. Кинуть еще один фальшфейер и посмотреть, что будет? Попытаться скрытно пробраться в темноте, от укрытия к укрытию? Или просто распахнуть дверь и рвануть со всех ног?

И тут Китридж услышал скрип двери, где-то наверху. Затаил дыхание, прислушиваясь к каждому звуку. Их там двое. Понимая, что, может, и не стоит этого делать, он отошел от двери и задрал голову, глядя вверх. Десятью этажами выше на стенах танцевали два красных огонька.

Он распахнул дверь и со всех ног бросился вперед.

Пробежал половину пути до «Феррари», когда позади него спрыгнул на пол первый Зараженный. Времени оборачиваться и стрелять не было, и Китридж бежал дальше. Боль в колене жгла, будто огнем, прокалывала, словно вонзившийся в середину кости нож для колки льда. Периферийное зрение и остальные чувства сказали ему о том, что проснулись остальные твари. Гараж ожил.

Он распахнул дверь «Феррари», бросил на пассажирское сиденье АК и рюкзак, запрыгнул внутрь и захлопнул дверь. Машина оказалась настолько приземистой, что у него было ощущение, что он сидит прямо на асфальте. Приборная панель с кучей загадочных циферблатов и переключателей светилась, как пульт управления космическим кораблем. Чего-то не хватает. Где же рычаг переключения передач?

Глухой гул металла, и в следующее мгновение Китридж увидел перед собой Зараженного, который запрыгнул на капот и припал к нему, низко, будто рептилия. У Китриджа замерло сердце. Мгновение создание холодно смотрело на него, хищник, оценивающий добычу. На нем ничего не было, только часы на запястье, сверкающий, будто кубик льда, «Ролекс».

Уоррен?

Именно такие часы были у парня на руке, когда он подвел Китриджа к машине.

Уоррен, дружище, ну уж если это ты? Если так, я бы не отказался от совета, как воткнуть скорость у этой штуковины.

И тут он нащупал кончиками пальцев две клавиши, слева и справа на нижней стороне руля. Подрулевые лепестки. Об этом тоже надо было заранее подумать. Правый на ускорение, левый – на торможение, как на мотоцикле. А кнопка заднего хода должна быть где-то на панели.

Та, что с буквой R, придурок. Вот эта.

Он нажал кнопку и вдавил педаль газа. Слишком резко. Раздался визг, запахло горелой резиной, и «Феррари» резко рванула назад, тут же ударившись в бетонный столб. Китриджа вжало в кресло, а потом бросило вперед, и он ударился лбом в толстое лобовое стекло с громким стуком. Мозги зазвенели, словно камертон, перед глазами мелькали серебристые звездочки. Было в них что-то завлекательное, завлекательное и прекрасное, но внутренний голос сказал, что наслаждаться этим хотя бы мгновение – значит умереть. Зараженный, слетев с капота от рывка, уже поднимался на ноги, чтобы снова прыгнуть. Конечно, попытается достать его прямо через лобовое стекло.

На груди Зараженного появились две красные точки.

Резким, будто птичьим движением, Зараженный перевел взгляд, уже не смотря на Китриджа, и ринулся на солдат, которые вышли из двери, ведущей на лестницу. Китридж резко крутанул руль, нажимая на правую клавишу, и снова нажал на газ. Снова рывок, и Китриджа вжало в кресло. Он услышал позади грохот автоматных очередей. Уже думал, что окончательно потерял управление, как вдруг машина выровнялась и понеслась прямо. Стены гаража расплылись в его глазах. Солдаты дали ему лишь момент времени, Китридж понял это, мельком глянув в зеркало заднего вида и узрев в свете задних габаритов разлетающееся в клочья человеческое тело, будто взорвавшееся. Второго уже нигде не было видно, но, если бы Китриджу предложили угадать, то он сказал бы, что тот уже мертв и разодран в кровавые клочья.

И он не стал смотреть назад.

Выезд на улицу был двумя этажами выше, в дальнем конце гаража, выстроенного, словно лабиринт, и проехать по прямой возможности не было. Китридж сбросил скорость перед первым поворотом, выкручивая руль. Ревел мотор, визжали покрышки, и тут перед ним с потолка свалились еще двое Зараженных. Один попал под колеса и исчез с влажным хрустом, но второй

подпрыгнул вверх над несущейся вперед «Феррари» и оседлал ее, точно барьерист. Китридж ощутил смесь удивления и восхищения. Еще в школе им рассказали, что нельзя просто так муху рукой поймать, поскольку время в мозгу мухи идет с другой скоростью, не как у человека. Секунда для мухи – будто час для человека, час – будто год. Вот так и с Зараженными. Они словно из иного времени.

Они уже были повсюду, выскакивая изо всех укрытий. Бросались на машину, как самоубийцы, движимые безумным голодом. Китридж продирался сквозь них, сквозь летящие тела, чудовищные перекошенные лица, ударяющиеся в лобовое стекло за мгновение до того, как улететь прочь. Еще два поворота, и он на свободе, но один повис на крыше. Китридж резко затормозил на повороте, машина завалилась на влажном бетоне, и сила торможения сбросила Зараженного на капот. Женщина. Ради всего святого, на ней свадебное платье. И она встала на четвереньки, уцепившись когтистыми пальцами за выемку под лобовым стеклом. Ее рот, точно медвежий капкан, широко открытый, с окровавленными зубами внутри. Крохотный золотой крестик на горле.

Жаль, что твоя свадьба закончилась так, подумал Китридж, доставая пистолет и стреляя сквозь лобовое стекло.

Он пролетел последний поворот. Впереди, будто золотой столб, спускался сверху дневной свет. Китридж вылетел на выездной пандус на скорости больше сотни, продолжая разгоняться. Решетчатые ворота были закрыты, но в нынешних обстоятельствах это казалось сущей мелочью. Прицелившись в середину, Китридж вдавил педаль газа и пригнулся.

Раздался ужасающий грохот, и две секунды, тянувшиеся, словно целая вечность, «Феррари» летела в воздухе. Ракетой вылетела на залитую солнечным светом улицу и приземлилась на асфальт с жестким ударом, пронзившим тело Китриджа. Из-под машины летели искры. Свобода наконец-то, но теперь у него другая проблема – как остановиться. Если он не остановится, то влетит напрямик в вестибюль банка на противоположной стороне улицы. Колеса громыхнули на разделительной полосе, и Китридж вдавил педаль тормоза, выкручивая руль влево и приготовившись к удару. Но это оказалось лишним. Раздался визг колес, которые снова задымились, и в следующее мгновение Китридж уже летел по дороге в свете утреннего солнца.

Да, признаться, Уоррен был прав. Как он там сказал? *Ты бы знал, как она едет.*

Чистая правда. Никогда в жизни Китридж так не ездил.

4

Долгое время, время, которое и не было временем вовсе, человек, которого знали под именем Лоуренс Грей, бывший заключенный мужской ИТК в Бивилле, отсидевший за преступления сексуального характера, поднадзорный Департамента общественной безопасности штата Техас, вольнонаемный сотрудник в Проекте «НОЙ» Отдела Специальных Вооружений, Грей-Источник, Освободивший Ночь, Фамильяр Того, кого Зовут Зиро – был нигде. Был ничем, в никаком месте, уничтоженное существо, не имеющее ни памяти, ни истории, с сознанием, размытым в безбрежном море, лишенном измерений. Огромном темном море голосов, повторяющих его имя. *Грей, Грей.* Они были там и не были, внутри его и вне его, призывая его. Он же скользил в одиночестве в этом море, наедине с тьмой, в океане вечности, над которым лишь звезды.

Не только звезды. И пришел свет – мягкий золотой свет над его лицом. Клинки мрака рассекали его, вращаясь, будто спицы колеса, и вместе со светом явился звук – будто пульс в аорте, будто биение сердца, будто равномерный стук вращающегося колеса. Грей глядел на этот чудесный водоворот света, и в его сознании зародилась мысль о том, что он узрел Бога. Свет был Богом в небесах Его, летающим над водами, касающимся лика мира, словно край колышущейся завесы, благословляющим творение Его. Это понимание сладостно расцвело внутри его. Какое счастье! Какое понимание и прощение! Свет есть Бог, и Бог есть любовь, Грею надо лишь вступить в него, вступить во свет, чтобы вечно чувствовать эту любовь. И сказал голос:

Пришло время, Грей.

Иди ко мне.

Он почувствовал, что возносится, парит. Грей возносился, и небо распростерло свои крылья, принимая его, неся его во свет, почти невыносимый, а потом свет ослепил его и стер его, и раздался крик, его крик.

Грей, вознесшийся. Грей, переродившийся.

Открой глаза, Грей.

Он повиновался. Открыл глаза. Зрение сфокусировалось. Наверху что-то неприятно вертелось.

Потолочный вентилятор.

Он сморгнул слезу в глазах. Во рту ощущался горький вкус, будто мокрый пепел. Комната, в которой лежал Грей, была безошибочно идентифицирована как дешевый мотель. И по виду, и по ощущениям. Дешевое кусачее одеяло. Дешевая поролоновая подушка, продавленный матрас, бугристый потолок, затхлый воздух, который гоняет по кругу кондиционер. Как он мог оказаться в таком месте – непонятно. В голове было пусто, будто в дырявом ведре, тело – бесформенная масса, будто желатин. Просто повернуть голову казалось чем-то запредельным.

Сквозь занавески в комнату проникал липкий желтоватый дневной свет, а вентилятор над головой все вертелся и вертелся, раскачиваясь на крепежном узле и ритмично поскрипывая изношенным подшипником. Ощущение было отвратительное и резкое, будто от нюхательной соли, но Грей не мог отвести взгляд. Что там с этим пульсирующим звуком во сне? Ослепительный свет, возносящий его? Он уже не мог вспомнить.

– Хорошо, ты очнулся.

На краю соседней кровати сидел человек, опустив взгляд. Невысокий, пухлый, выпирающий из комбинезона, будто колбаса в вязанке. Еще один из вольнонаемных в Проекте «НОЙ». Такие, как Грей, их называли уборщиками. Их работой было убирать дерьмо, сохранять информацию с дисков и часами пялиться в телевизор, постепенно свихиваясь. Все до одного – осужденные за сексуальные преступления, презираемые, всеми забытые, лишенные истории, нака-

чанные гормонами, которые кастрировали их телесно, умственно и духовно, как стерилизуют домашних собачек.

– Я подумал, что вентилятор сработает. По правде говоря, даже смотреть на него не могу.

Грей попытался ответить, но не смог. Язык будто зажарили в тостере, словно он миллиард сигарет выкурил. В глазах снова поплыло, а чертова голова раскалывалась. Прошло уже много лет с тех пор, как он выпивал больше пары банок пива за раз – с этими лекарствами ты становишься слишком сонным и безразличным ко всему. Но сейчас Грей вспомнил, что такое похмелье. Вот оно как. Точно самое худшее похмелье, какое только может быть в этом мире.

– В чем дело, Грей? Кошка язык отъела?

Он усмехнулся собственной шутке, понятной ему одному.

– Смешно, знаешь. Учитывая обстоятельства. Я бы не отказался сейчас от соуса из кошки.

Он повернулся к Грею и выгнул брови.

– Не смотри так изумленно. Скоро поймешь, о чем я. Пару дней пройдет, но когда пройдет, то примет не по-детски.

Грей вспомнил имя этого человека. Игнасио. Правда, тот Игнасио, которого помнил Грей, был старше и потрепаннее, с морщинистым лбом и порами в коже, в которые машину поставить можно. И щеками, обвисшими, как у бассет-хаунда. Тот Игнасио, что был перед ним сейчас, был кровь с молоком – буквально, с розовыми, налитыми кровью щеками, гладкой, как у младенца, кожей и блестящими, как цирконы, глазами. Даже волосы стали выглядеть как у молодого. Но спутать его с кем-то было невозможно, увидев татуировку – выцветшую тюремную татуировку в виде кобры, в просвете открытого ворота комбинезона.

– Где я?

– Я с тебя угораю, как всегда. Мы в «Ред Руф».

– Где?

Игнасио тихо фыркнул.

– В долбаном «Ред Руф», Грей. Ты что, думал, они нас в «Ритц» отправят?

Они? Что за «они», подумал Грей. Что имел в виду Игнасио, говоря «отправят»? Отправят для чего? И в этот момент Грей увидел в руке Игнасио какой-то предмет. Пистолет?

– Игги? А для чего тебе эта штука?

Игнасио неторопливо поднял пистолет, вернее, длинноствольный револьвер калибра 45, хмурясь, будто не понимая, что это такое.

– Ни для чего на самом деле.

Он повернул голову к двери.

– Другие ребята тоже здесь были некоторое время. Но теперь их здесь больше нет.

– Какие ребята?

– Ладно тебе, Грей. Ты ребят знаешь.

Игнасио пожал плечами.

– Худой, Джордж. Эдди, как там его. Джад, с волосами в хвост.

Он поглядел в сторону Грея, на занавески.

– Если по правде, он мне всегда не нравился. Слышал кое-что о том, что он натворил, пусть и не мне о таком говорить, но он совершенно мерзок.

Игнасио говорил о других уборщиках. Что они все делали тут? Что *он* тут делает? Пистолет – значит, дело плохо, но Грей не мог вспомнить ничего о том, как получилось, что он здесь оказался. Последнее, что он помнил, – как ужинал в столовой в центре. Говядина по-бургундски с обильной подливкой, картофельным gratin и зеленой фасолью да вишневая «Кока-кола», чтобы запить. Его любимое блюдо, он всегда ждал ужина, чтобы его съесть, однако сейчас, лишь подумав о ее жирном вкусе, он ощутил тошноту. В горло ударила струйка желчи. Мгновение он даже дышать не мог.

Игнасио лениво махнул стволом револьвера в сторону двери.

– Посмотри сам, если хочешь. Но я совершенно уверен, что они ушли.

Грей сглотнул.

– Ушли куда?

– Как получится. Туда, куда предполагалось, что уйдут.

Грей окончательно перестал что-либо понимать. Уже даже не понимал, что и спрашивать. Уверен был лишь в том, что ответы ему не понравятся. Может, лучше всего просто лежать молча. Он надеялся лишь, что не натворил чего-нибудь ужасного, как в прежние времена. Во времена Прежнего Грея.

– Ну, – начал Игнасио, прокашлявшись, – раз уж ты очнулся, наверное, мне лучше идти дальше. У меня впереди долгая дорога.

Он встал и вытянул руку с револьвером.

– Вот.

Грей замешкался.

– И зачем мне пушка?

– На случай, если застрелиться захочешь, типа того.

Грей не нашелся, что ответить. Последнее, что ему сейчас нужно, – это пушка. Если кто-нибудь поймает его с пушкой, то его точно в тюрягу упекут. Он не шелохнулся, и тогда Игнасио положил револьвер на прикроватный столик.

– Ладно, по-любому подумай. Не тяни резину, как это делал я. Чем дольше тянешь, тем тяжелее будет. Погляди только, как я поправился.

Игнасио пошел к двери и остановился, чтобы в последний раз оглядеть комнату.

– Мы правда сделали это. Если ты вдруг еще не понял.

Он мрачно вздохнул, надувая щеки, и искоса глянул на потолок.

– Смешно, но я на самом деле не понимаю, как заслужил такое. Не настолько плох я был, если честно. Половину того, что я натворил, я делать-то не собирался. Просто я так был устроен.

Он снова поглядел на Грея. Его глаза влажно блестели.

– Мозгоправ всегда мне так говорил. Игнасио, ты просто так устроен.

Грей понятия не имел, что ответить. Иногда ответить нечего, и он решил, что сейчас как раз такой случай. Лицо Игнасио напомнило ему лица других заключенных, тех, кого он знал в Бивилле, людей, которые столько лет провели взаперти, что стали похожи на зомби из старых фильмов. Люди, у которых не осталось ничего, кроме прошлого, и которых ждало впереди бесконечное ничто.

– Ладно, на хрен, – сказал Игнасио и шмыгнул носом, потирая его тыльной стороной ладони. – Теперь без толку жаловаться, как я понимаю. Что посеешь, то и пожнешь. Подумай насчет того, что я сказал, о'кей? Увидимся, Грей.

В открывшуюся дверь хлынул солнечный свет, и он ушел.

И как все это понимать? Долгое время Грей лежал не шевелясь, а мысли в его голове буксовали, как лысая резина на льду. Отчасти он не был уверен в том, проснулся ли или все это ему снится. Попытался вспомнить факты, чтобы на чем-то сосредоточиться. Он лежал на кровати. Кровать в мотеле «Ред Руф». Мотель где-то в Колорадо, по всей вероятности, если предположить, что он не мог далеко уйти. Судя по свету за окном, сейчас утро, весна или начало лета. Видимых травм нет. Он вырубился где-то в течение последних двадцати четырех часов, плюс-минус. Не больше суток наверняка.

Не слишком много, но хоть что-то. С этого можно начать.

Он оперся на локти и приподнялся. В комнате пахло табачным дымом и потом. Комбинезон в грязных пятнах и драный на коленях, ноги босые. Он пошевелил пальцами ног, и суставы защелкали. Похоже, все работает.

Если задуматься, вроде он себя чувствует получше, да? Не просто лучше – намного лучше. Головная боль и тошнота прошли. В глазах прояснилось. Руки и ноги стали сильными и крепкими, будто пружины, наполнившись новой энергией. Только вот этот мерзкий вкус во рту. Первым делом найти зубную щетку или жевательную резинку. Помимо этого, Грей чувствовал себя совершенно здоровым.

Он спустил ноги на пол. Комната была маленькая, места едва хватило, чтобы поставить здесь две кровати, покрытые коричнево-оранжевыми покрывалами, и небольшой столик с телевизором. Он взял в руку пульт, но по всем каналам показывали лишь синий экран да шум, похожий на гудок в телефонной трубке. Он переключал каналы – местные, федеральные, кабельные, CNN, WarChannel, GOVTV. Ничего. Ну, это еще ничего не значит. Надо будет администратору сказать. Правда, он не припоминал, чтобы платил за номер, а бумажник у него отобрали несколько месяцев назад, когда он только прибыл на базу.

База, подумал Грей. Слово рухнуло в низ живота, будто камень. Как бы то ни было, у него куча проблем. Нельзя просто встать и уйти. Он вспомнил Джека и Сэма, двух уборщиков, которые удрали в самоволку, и как тогда Ричардс разозлился. А это не тот человек, которого стоит злить, мягко говоря. От одного его взгляда у Грея живот сводило.

Может, поэтому уборщики и сбегали. Может, просто Ричардса боялись.

И вдруг он ощутил жажду. Безумную жажду, такую, будто он не пил несколько дней. Дошел до туалета и сунул голову под кран, жадно глотая воду и поливая себе лицо. «Тише, Грей, – подумал он, – если так пить будешь, тебя стошнит».

Но было поздно. Вода обрушилась в его желудок разрушительной волной, и в следующее мгновение он уже стоял на коленях, ухватившись обеими руками за унитаз, а вода хлестала из него обратно.

Ну, протупил. Некого винить, только себя. Он стоял на коленях, ожидая, когда закончатся спазмы, и вдыхая запах собственной рвоты. Вода по большей части, но еще сгусток слизи, будто яичный желток. Непереваренные остатки мяса по-бургундски, конечно. Наверное, перенапрягся еще. В ушах начало звенеть, это был тихий, на грани различимого, писк, будто в глубине его головы заработал крохотный моторчик.

Он с трудом встал и смыл рвоту. Увидел на полке над раковиной небольшую бутылочку с ополаскивателем для рта, рядом – мыло, шампунь и лосьоны, нетронутые. Набрав полный рот, он хорошенько прополоскал горло и сплюнул в раковину. А потом поглядел на свое лицо в зеркале.

Сначала он подумал, что над ним кто-то подшутил – грубо, совершенно не смешно, заменив зеркало на окно. Окно, за которым стоял мужчина, куда моложе его, отлично выглядящий. Грей не удержался и коснулся рукой зеркала. Человек в зеркале в точности повторил его движение. Какого хрена, подумал Грей.

– Какого хрена? – повторил он вслух. Перед ним было гладкое привлекательное лицо с чистой кожей. Волосы спадали поверх ушей, будто роскошная грива, ярко-каштановые. Глаза яркие и чистые, прямо искрятся. Грей никогда в жизни так хорошо не выглядел.

Потом его взгляд привлекло нечто иное. Какая-то отметина на шее. Он наклонился поближе к зеркалу и запрокинул голову. Два ряда симметричных вмятин, каждая размером с горошину, почти по кругу, от ключицы и почти до нижней челюсти. Розоватые ранки, будто недавно зажившие. Как, черт подери, это произошло? Он прекрасно знал, как выглядят раны от зубов, в детстве его один раз собака укусила. Ворчливый старый пес, которого взяли из приюта. Но Грей все равно любил его, это было единственное, что у него было. До того дня, как он укусил Грея за руку – просто так, Грей всего лишь хотел дать ему печенье. Отец вытащил пса на двор. Два выстрела, которые Грей запомнил на всю жизнь. Захлебывающийся визг после первого, и полная тишина после второго. Пса звали Бастер. Грей уже много лет о нем не вспоминал.

Эта хрень на шее. Откуда она взялась? Что-то знакомое, какое-то дежавю, так, будто память об этом просто убрали не на ту полку в голове.

Грей, разве ты не знаешь?

Тихий, будто шуршание сухих листьев, голос. Грей резко обернулся.

– Игги?

Молчание.

Он вернулся в спальню. Открыл шкаф, потом стал на колени и поглядел под кроватями. Никого.

Грей. Грей.

– Игги, ты где? Хватит прикалываться, на хрен.

Ты не помнишь, Грей?

Что-то с ним не так, капитально. Это не голос Игги. Этот голос у него *в голове*.

Его охватил ужас. Все вокруг, казалось, начало пульсировать, будто живое. Он протер глаза, но стало лишь хуже. Ощущение было такое, будто он не только видит все вокруг, но одновременно касается, чувствует запах и вкус, точно у него в голове что-то перемкнуло.

Ты не помнишь, как... умер?

И в этот момент Грей вспомнил, мгновенно. Воспоминания пронзили его, будто вонзившаяся в грудь стрела. Синее освещение в разделительной камере, медленно открывающаяся дверь. Объект Зиро, стоящий над ним, огромный и кошмарный, Грей, вопящий от ужаса, вновь и вновь, ощущение, когда челюсти Зиро смыкаются на его шее, зубы пронзают кожу, ряд за рядом. Зиро уходит, оставив его, орет сирена, грохочут выстрелы, вопят умирающие. Он, шатаясь, выходит в коридор и видит перед собой сущий ад. Кровь покрывает пол и стены, валяются окровавленные останки, как на бойне, руки, ноги, туловища, из которых вывалились внутренности. Липкая кровь брызжет из-под его ладони, которой он прикрыл шею, артериальное кровотечение. Воздух с шумом выходит из его легких, он оседает на пол, медленно, его окутывает тьма, в глазах плывет, все.

О боже.

Иди ко мне, Грей. Иди ко мне.

Он выскочил из номера. В глаза ударил яркий солнечный свет. Это безумие. Он безумен.

Он побежал через стоянку, будто громадное обезумевшее животное, ничего не видя перед собой, не зная, куда бежит, прижимая руки к ушам. На стоянке было совсем немного машин, они стояли как-то косо, будто их оставили в спешке, с открытыми дверями. Но Грей был настолько не в себе, что не видел этого, как и не видел других, более тревожных знаков происшедшего. Разбитые окна в передней стене мотеля, шоссе, на котором нет ни одной машины, пустая заправка напротив, окна залиты красным, а рядом с колонкой тело человека, будто раньше времени задремавшего в сиесту. Затихший «Макдоналдс», с опрокинутыми стульями и столами, пакетиками кетчупа и наборами «Хэппи Мил», клиентами всех возрастов и цветов кожи, которых выбросили сквозь окна. Едкий химический запах дыма от разбитого автотягача, все еще горящего вдали, в паре миль. Птицы. Огромные стаи больших черных птиц, ворон, воронов и грифов, стервятники, неторопливо кружащие в небесах. Будто поле ужасающей битвы, купающееся в безжалостном свете летнего солнца.

Ты видишь, Грей?

– Прекрати! Заткнись!

Он споткнулся обо что-то мягкое. Мокрое и мягкое, органическое. Упал на карачки, скользя по мокрому асфальту.

Смотри на мир, который мы создали.

Он зажмурился, ему очень хотелось проснуться. Тяжело дышал. Незачем было даже смотреть. Мокрое и мягкое под ним – тело. Пожалуйста, подумал он, даже не зная, к кому или к чему он обращается. К себе. К голосу в голове. К Богу, в которого он никогда не верил, но

в которого ему очень хотелось верить сейчас. Мне очень жаль, что я это сделал. Мне жаль, жаль, жаль.

Надежда окончательно оставила его, и он открыл глаза. Тело женщины. Кожа настолько туго обтянула ее череп, что сложно было угадать, сколько ей лет. В спортивных штанах и футболке с низким вырезом с тоненькой полоской розовых кружев. Наверное, лежала в постели, услышала шум и вышла, чтобы посмотреть, что происходит. Сейчас она лежала на тротуаре, ее тело скрутилось – плечи в одну сторону, бедра – в другую. Вокруг уже жужжали мухи, садясь ей на губы и глаза. Одна рука откинулась в сторону и лежала ладонью вверх, другая была согнута на груди, а пальцы касались раны на горле. Не разрез, не ссадина, куда там. Ее горло просто выгрызли, до самого позвоночника.

И она была здесь не одна. Поле зрения Грея начало расширяться так, будто подняли камеру над сценой, чтобы дать общий план. Слева, метрах в шести, стоял пикап-полутонник, «Шевроле». Дверь с водительской стороны была открыта. Дюжего мужчину в брюках с подтяжками выдернули из кресла, и теперь он повис, наполовину в машине, наполовину снаружи, лицом вниз, к подножке автомобиля. Вот только лица не было, поскольку не было головы. Голова была где-то в другом месте.

У входа в мотель лежали тела других людей. Строго говоря, не отдельные тела, а просто куча из частей человеческих тел. Женщине-полицейскому выпустили внутренности сразу же, как она вышла из патрульной машины. Она сидела на асфальте, привалившись спиной к бамперу и все еще сжимая в руке пистолет. А ее грудная клетка была вскрыта, словно распахнувшиеся полы пальто. Мужчина в блестящем лиловом спортивном костюме, на шее золота столько, что хватило бы на пиратский сундук. Его подкинули вверх, и верхняя часть тела застряла в ветвях клена. А нижняя лежала на капоте «Мерседеса» цвета «черный алмаз». Ноги были скрещены – нижняя половина тела сидела, будто не зная, что лишилась верхней.

Грей почувствовал, что погружается в транс. Невозможно смотреть на такое и позволять себе чувствовать хоть что-то.

Но добило его не то, что было вокруг, а то, чего не было. Две машины, «Хонда Аккорд» и «Крайслер Кантрисайд», столкнувшиеся лоб в лоб на выезде, передние части сложились в гармошку. Водителя седана выбросило через лобовое стекло. В остальном машина была цела, а вот минивэн будто выпотрошили. Сдвижную дверь оторвали и кинули через всю стоянку, будто фрисби. На асфальте рядом с проемом раскидана куча вещей – чемоданы, игрушки, пакеты с подгузниками, а среди них лежало тело женщины с вытянутой рукой. У самой руки опрокинутое пустое детское кресло. Что же случилось с ребенком, подумал Грей.

Ох.

Грей выбрал себе пикап. Он был бы не против проехаться на «Мерседесе», но, судя по тому, что он уже увидел, пикап будет более разумным выбором. Когда-то, в прошлой жизни, которая теперь, похоже, не имела никакого значения, у него был полутонник «Шевроле». Хоть что-то знакомое, за что можно уцепиться. Он вытащил из машины обезглавленного водителя и положил на асфальт. Неприятно, что у парня головы нет, и неизвестно, где она. Как-то неправильно оставлять его так, без головы. Но Грей не смог найти ее, да и он уже насмотрелся достаточно. Огляделся, пытаясь найти себе обувь подходящего размера – 13 ЕЕЕ. Что бы там Зиро с ним ни сделал, ноги от этого меньше не стали. Наконец он остановился на мокасинах, тех, что были на ногах мужчины из «Мерседеса». Итальянские, из кожи ягненка, мягчайшие, вот только немного узкие в носках. Ладно, такая кожа быстро растянется. Он залез в пикап и завел мотор. Бак был почти полный, больше трех четвертей. Грей прикинул, что этого должно хватить на половину пути до Денвера.

Он уже собирался уезжать, когда в голову пришла еще одна мысль. Поставив машину на ручник, он вернулся в номер. Взял револьвер и, держа его чуть в стороне от себя, вернулся к пикапу и положил оружие в бардачок. В компании револьвера он и двинулся в путь.

5

Мама была в спальне. Мама была в спальне и не шевелилась. Мама в спальне, туда нельзя. Если точнее, мама была мертва.

Когда меня не станет, не забывай кушать, ты иногда забываешь. Мойся через день. Молоко в холодильнике, «Лаки Чармс» в буфете, гамбургеры с запеканкой, которые разогревают, в морозилке. На сто восемьдесят градусов на час, и не забывай выключать плиту, когда разогреешь. Будь большим мальчиком, Дэнни. Я всегда любила тебя. Просто большие уже не могу бояться. С любовью, мама.

Она сунула эту записку между солонкой и перечницей, на кухонном столе. Соль Дэнни нравилась, перец – нет, он от него чихал. Прошло десять дней. Дэнни знал это, каждое утро делая отметки в календаре. Записка была все там же. Он не знал, что с ней делать. Пахло ужасно, как пахнет енот или опоссум, если их машиной переехали несколько раз, несколько дней назад.

Молоко тоже нехорошее. Электричество отключили, и молоко стало теплым и кислым. Потом липким и неприятным. Он попытался есть «Лаки Чармс», залив их водой из-под крана, но это не то, совсем не то. Все стало по-другому, потому что мама в спальне. По ночам он сидел в своей комнате, закрыв дверь, в темноте. Он знал, где у мамы хранятся свечи, в буфете над раковиной, там же, где бутылка алкоголя, на те случаи, когда у нее нервы сдавали, но спички не для него. Они были в списке. На самом деле никакого списка не было, просто были вещи, которые он не должен был делать и которые не должен был трогать. Тостер, поскольку он снова и снова нажимал кнопку, и тосты сгорали. Пистолет в тумбочке у кровати мамы, так как это не игрушка – можно самого себя застрелить. Девочки в его автобусе, потому что им это не понравится, и тогда ему больше не разрешат водить двенадцатый номер, а это плохо. Для Дэнни Чейса это будет хуже всего на свете.

Нет электричества, значит, нет телевизора, и он больше не мог смотреть «Томаса»¹. Дэнни знал, что мультфильмы про Томаса для маленьких детей, мама миллион раз ему это говорила, но врач, доктор Фрэнсис, сказал, что это нормально – смотреть, если Дэнни будет делать и другие вещи.

Больше всего ему нравился Джеймс. Дэнни нравился красный цвет, и тендер² в тон, и голос, как его изображал диктор, такой успокаивающий, что в горле щипало. С лицами у Дэнни были проблемы, но выражения лиц паровозиков в «Томасе» были совершенно понятны, их легко было изобразить, и его веселило то, что они делали друг с другом, розыгрыши, которые они устраивали. Перевести стрелки, чтобы Перси врезался в углепогрузчик, облить шоколадом Гордона, который возит экспресс, просто потому, что он слишком заносчивый паровозик. Дети в автобусе иногда смеялись над Дэнни, называя его Топхэм Хэтом³ и распевая песенку, в которой меняли нормальные слова на плохие, но Дэнни по большей части не обращал внимания. Был, правда, один ребенок. Его звали Билли Найс, но хорошим он вовсе не был. В шестом классе. Но Дэнни решил, что его, наверное, пару раз на второй год оставили, учитывая, что ростом он был со взрослого мужчину. Он каждое утро садился в автобус с единственной книгой в руках, глядя на Дэнни с презрительной ухмылкой, пока поднимался по ступеням, потом лениво шел по проходу, здороваясь с другими мальчишками, а за ним шлейфом тянулся запах сигарет.

¹ Мультсериал.

² Тендер – специальный железнодорожный вагон, прицепляемый к паровозу, предназначенный для перевозки запаса топлива для локомотива (дров, угля или нефти) и воды.

³ Толстый Контролер из сериала «Томас».

Эй, Топхэм Хэт, как дела на острове Содор? Правда, что Леди Хэт нравится давать в зад?

Ха-ха-ха, смеялся Билли. Ха-ха-ха. Дэнни никогда не отвечал, знал, что только хуже будет. Никогда ничего не жаловался мистеру Первису, поскольку знал, что тот скажет. *«Проклятье, Дэнни, чо ты позволяешь этому дерьмецу так с тобой обходиться? Господь свидетель, ты гадкий утенок, но ты должен научиться, как за себя постоять. На этом корабле ты капитан. Только позволь бунтовать, и все полетит к чертям».*

Дэнни нравился мистер Первис, их диспетчер. Мистер Первис всегда дружил с Дэнни, и с мамой тоже. Мама работала официанткой в столовой, там они и познакомились. Мистер Первис частенько заходил к ним, что-нибудь чинил – дробилку, расшатавшуюся доску на крыльце, хотя у него и жена была, миссис Первис. Рослый лысый мужчина, он любил посвистывать сквозь зубы и постоянно подтягивал штаны. Иногда даже приходил поздно вечером, когда Дэнни уже ложился спать. Дэнни слышал, как болтает телевизор в гостиной, как они разговаривают и смеются.

Такие вечера нравились Дэнни. От них было хорошее чувство, будто щелкнули выключателем радости. Если маму кто-то спрашивал, она всегда отвечала, что отца Дэнни «нет в их картине». Совершенно верно. Дома были картины с мамой, картины с Дэнни, картины их обоих вместе. Но он не видел ни одной картины с отцом. Дэнни даже не знал его имени.

Идею насчет автобуса подал мистер Первис. Научил Дэнни водить, на стоянке в автобусном парке, натаскал его на экзамен на категорию «Б», помог ему заполнить заявление. Мама сначала сомневалась, думая, что лучше бы Дэнни помогал ей по дому, был ее хорошим паровозиком здесь, да и деньги от государства по программе социального страхования не лишние. Но Дэнни знал настоящую причину. Дело в том, что он другой, особенный. С работой такое дело, объясняла мама осторожно, там человек должен «адаптироваться». Случаются разные вещи. Вот, например, в столовой. Иногда они подают хот-доги, иногда – лазанью, иногда – куриные котлеты. В меню написано одно, но вдруг придется подать другое, заранее не знаешь. Не вызовет ли это у него беспокойство?

Но автобус – не столовая. Автобус – это автобус, он едет по четкому расписанию. Когда Дэнни садился за руль, то чувствовал, как щелкает выключатель радости, намного сильнее, чем когда-либо в его жизни. Водить автобус! Большой желтый автобус, с сиденьями, стоящими ровными рядами, с коробкой передач, шесть вперед и одна назад, все в идеальном порядке, прямо под рукой. Конечно, не поезд, но близко к тому. Каждое утро, выезжая из парка, он представлял себя Гордоном, Генри или Перси. Или даже самим Томасом.

Он никогда не выбивался из графика. Сорок две минуты от парка до конечной, 8,2 мили, девятнадцать остановок, двадцать семь пассажиров, все точно. *Роберт-Шелли-Бриттани-Мэйбет-Джоуи-Дерла/Дениз (близняшки) – Педро-Дэмиен-Джордан-Чарли-Оливер (Оу-Мэн) – Саша-Билли-Молли-Лайл-Дик (Дикхэд) – Ричард-Лайза-Маккенна-Анна-Лили-Мэтью-Чарли-Эмили-Джон-Джон-Кейла-Шон-Тимоти.* Иногда они стояли на углу вместе с родителями, мама в домашнем платье или отец в куртке и при галстукке, с кружкой кофе. «Как дела нынче, Дэнни?» – говорили они, улыбаясь и желая ему доброго утра. «Сам знаешь, по тебе часы проверять можно».

«Будь моим хорошим паровозиком», – всегда говорила ему мама, и Дэнни всегда таким и был.

Но теперь детей не стало. Не только детей. Никого. Мамы, мистера Первиса, быть может, всех людей в этом мире. Ночами было темно и тихо, свет не горел нигде. Некоторое время было очень шумно – люди вопили, завывали сирены, по улицам ездили армейские грузовики. Он слышал, как хлопают выстрелы. Хлоп! Хлоп-хлоп-хлоп-хлоп! Во что они стреляют, хотел узнать Дэнни, но мама не сказала. Сказала, что надо оставаться дома, строгим голосом, не смотреть телевизор и не подходить к окнам.

«Как же автобус?» – спросил Дэнни.

«Проклятье, Дэнни, теперь не до автобуса, – ответила мама. – В школе сегодня не учатся».

«А завтра?» – спросил Дэнни.

«И завтра тоже не будут», – ответила мама.

Без автобуса он и не знал, чем заняться. В голове все дергалось и прыгало, как попкорн на сковородке. Хорошо бы мистер Первис пришел, посмотрел телевизор с мамой, ей всегда от этого становилось лучше. Но он так и не пришел. И в мире стало тихо, точно так, как сейчас. Снаружи чудовища. Дэнни сам это понял. Например, вон та женщина из дома напротив, миссис Ким. Миссис Ким учила игре на скрипке, дети приходили заниматься к ней домой летними днями, когда открывали окна. Дэнни слышал, как они играют, «Мерцай, звездочка», «У Мэри был ягненок», другие песенки, названий которых он не знал. А теперь скрипки не слышно, а миссис Ким повисла на перилах крыльца, и никто не пришел, чтобы помочь ей.

Однажды ночью Дэнни услышал, как мама плачет в спальне. Иногда она так плакала, в одиночестве, нормально и естественно, Дэнни не о чем беспокоиться, но сейчас она плакала иначе. Дэнни долго лежал в постели, прислушиваясь и раздумывая, как это, что надо чувствовать, настолько печальное, чтобы так плакать, но никак не мог понять. Будто пытался достать вещь со шкафа, но она лежала слишком высоко. Позже он проснулся во тьме от ощущения, что кто-то коснулся его волос. Открыл глаза и увидел ее, сидящую на краю кровати.

Дэнни не любил, когда к нему прикасаются, у него всегда было мерзкое ощущение чего-то ужасного, но когда это делала мама, он так не дергался. По большей части потому что привык.

«Что такое, мама? – спросил Дэнни. – Что случилось?»

«Тише, тише, Дэнни, – ответила она тихим голосом. У нее что-то лежало на коленях, завернутое в полотенце. – Я люблю тебя, Дэнни. Знаешь ли ты, как я тебя люблю?»

«Я тоже тебя люблю, мама», – сказал он, поскольку это было правильным ответом на то, когда кто-то говорит «я-люблю-тебя». Она гладила его по волосам, и он уснул. А утром дверь в ее спальню оказалась закрыта и так и не открылась. И Дэнни понял. Ему даже не надо было заглядывать.

Наконец он все-таки решил поехать на автобусе.

Потому, что вдруг он не единственный, оставшийся в живых. Потому, что от этого у него щелкнет выключатель счастья, когда он поведет автобус. Потому, что он не знал, что еще ему делать, когда мама в спальне, молоко прокисло, а дни все идут.

Он выложил свою одежду с вечера, как мама всегда делала. Брюки цвета хаки, белую рубашку с воротничком, коричневые ботинки со шнурками. Собрал ланч. Еды практически не осталось, только арахисовое масло и крекеры, да пакет несвежих зефирок. Еще он приберет бутылку «Маунтин Дью». Он сложил все это в рюкзак, положил карманный нож и счастливую монетку, а потом пошел к шкафу, чтобы взять кепку, синюю полосатую кепку инженера, которую мама купила ему в «Трэйнтауне». Трэйнтауном назывался парк, где дети катались на поездах, как в «Томасе». Дэнни ходил туда с тех пор, как еще маленьким был, это было его любимое место в мире, но затем детские поезда стали слишком тесными для Дэнни, когда его руки и ноги стали длинными. Он просто смотрел и смотрел, как поезда ездят, попыхивая дымом. Мама разрешала ему надевать кепку только тогда, когда они шли в «Трэйнтаун», говорила, что иначе люди будут над ним смеяться. Дэнни решил, что сейчас ее можно надеть.

Он вышел из дома на рассвете. Ключи от автобуса лежали у него в кармане, прижатые к бедру. До парка 3,2 мили, в точности по Мэнхейм-авеню. Он не прошел и квартала, когда увидел первые тела. Некоторые в машинах, другие – на газоне, на мусорных контейнерах, некоторые даже висели на деревьях. Их кожа стала серо-синего цвета, такая же, как у миссис Ким, а одежда натянулась, поскольку тела раздулись от летней жары. Будто сосиски «Джимми Дин», зажаренные прямо в шкурке. Смотреть было неприятно. Неприятно, странно, но даже

интересно. Будь у него побольше времени, Дэнни остановился бы и присмотрелся получше. Куча мусора, клочки бумаги, пластиковые чашки, магазинные пакеты. Это Дэнни не нравилось. Людям не следует мусорить.

К тому времени как он дошел до парка, солнце уже грело ему плечи. Большая часть автобусов на месте, но не все. Ровные ряды со свободными местами, будто рот, в котором не хватает зубов. Однако автобус Дэнни, номер двенадцать, ждал его на своем обычном месте.

В мире есть множество разных автобусов, маршрутные автобусы, городские автобусы, заказные автобусы, междугородные автобусы – Дэнни знал о них все. Ему это нравилось. Нравилось знать все о чем-то одном. Его автобус, «Редберд 450», модель «Форсайт». Сделанный по последнему слову инженерной мысли, постоянный полный привод, газлифт капота «Изи Худ», информационный дисплей, отображающий все данные о работе систем автобуса, полезный и водителю, и техникам. Специально разработанный кузов «Редберд Комфортрайд» с полным обзором делал модель 450 наилучшей в плане безопасности, качества и ресурса среди всех современных автобусов.

Дэнни забрался внутрь, воткнул ключ в замок зажигания, и громадный дизель зарычал, пробуждаясь ото сна. Дэнни ощутил, как его живот наполнило ощущение тепла, и сомнения покинули его. Он посмотрел на часы. 6:52. Когда длинная стрелка дошла до двенадцати, он включил скорость и тронулся.

Сначала было как-то странно, ехать по пустым улицам, когда вокруг никого нет, но к тому времени, когда Дэнни подъехал к первой остановке – Мэйфилды, Роберт и Шелли, – то уже вошел в свой привычный утренний ритм. Было легко представить себе, что сегодня совершенно обычный день. Он остановил автобус. Ну, Роберт и Шелли иногда опаздывали. Он обычно сигналил, и они выходили, мама вслед говорила им, чтобы вели себя хорошо, и махала рукой. Дом – обычное бунгало, ненамного больше, чем у Дэнни и мамы, но красивее, выкрашенный в цвет тыквы, с широким крыльцом и качелями. По весне на перилах крыльца всегда висели корзины с цветами. Корзины все еще висели, но все цветы уже завяли. И газон уже стричь пора. Дэнни вытянул шею и поглядел через лобовое стекло. У окна на втором этаже такой вид, будто его выдрали из рамы. На том месте, где раньше было стекло, висела вывалившаяся наружу, будто язык, штора. Дэнни снова посигналил и подождал с минуту. Но никто так и не вышел.

7:08. У него впереди еще остановки и люди. Дэнни поехал дальше. Выехав из-за угла, объехал лежащий на боку «Приус». По дороге встретилось много всего. Перевернутая полицейская машина, раздавленная в лепешку. Машина «Скорой помощи». Мертвая кошка. У многих домов на дверях были нарисованы большие кресты, краской из баллона. В углах крестов – буквы и цифры. К тому времени как ему удалось доехать до следующей остановки, квартала таунхаусов, называвшегося «Касл Оукс», он уже опаздывал на двенадцать минут. *Бриттани-Мэйбет-Джоуи-Дерла-Дениза*. Дэнни дал протяжный сигнал, потом еще один. В этом не было смысла. Он сделал это чисто механически. «Касл Оукс» превратился в дымящиеся развалины, сгорел дотла, весь.

Следующие остановки. Везде одно и то же. Он вел автобус в западном направлении, по Вестерн, в сторону Черри Крик. Здесь стояли дома побольше, от дороги их отделяли широкие газоны и высокие деревья с густой листвой, отбрасывающие на дорогу тень, будто занавес. Здесь было тихо и более спокойно. Дома выглядели как обычно, и тел Дэнни не видел. Но и детей тоже не было.

Обычно к этому моменту у него в автобусе сидело двадцать пять детей. Тишина выводила его из себя. Обычно в автобусе становилось шумно, все более шумно, с каждой новой остановкой шум усиливался, с каждым ребенком, заходящим внутрь. Точно музыка в фильме, которая становится все громче перед финалом. Финалом был «лежащий полицейский». «Лежа-

чий полицейский» на Линдлер-авеню. «Сделай этого полицейского, Дэнни! – кричали дети хором. – Сделай его!»

Хотя такого делать и не полагалось, Дэнни всегда немного прибавлял газу, и автобус подпрыгивал, а вместе с ним и дети. В этот краткий миг он чувствовал себя заодно с ними. Он никогда не был таким же ребенком, как они, простым ребенком, который ходит в школу. Но, когда автобус подпрыгивал, на мгновение им становился.

Дэнни раздумывал обо всем этом. О том, что ему скучно без детей, даже без Билли Найса с его тупыми шутками и смехом. И тут он увидел впереди мальчика. Тимоти Риз. Он стоял у края подъездной дороги вместе со своей старшей сестрой. Дэнни узнал его издалека, по вихрастым волосам на темени, торчащим вверх, будто усики жука. Тимоти – один из самых младших, во втором, может, в третьем классе, невысокий. Иногда его провожала экономка, пухлая темнокожая женщина в рабочей блузе, но чаще – старшая сестра, судя по всему, старшеклассница. Забавная на вид девочка, не забавно смешная, а забавно странная, с волосами, выкрашенными в розовый цвет, как у микстуры «Пепто», которую ему мама давала, чтобы живот успокоился, если он слишком быстро поел. С густой черной подводкой глаз, от которой она выглядела, будто зловещая картина в страшном фильме. Такая, у которой глаза двигаются. Наверное, по десятку сережек и гвоздиков в каждом ухе, а еще она часто надевала собачий ошейник. Собачий ошейник! Будто она собака!

Как ни странно, Дэнни думал, что она хорошенькая в своем роде, если бы не все эти странные штуки. Он не общался с девочками ее возраста. Не общался с девочками любого возраста, если по правде, так что ему просто нравилось смотреть, как она ждет автобус, держа брата за руку. Сразу же отпускает, как только увидит автобус, чтобы другие дети не увидели. Она ни разу слова не сказала Дэнни. Он даже не знал, как ее зовут.

Дэнни затормозил у подъездной дороги и двинул рычажок, открывая дверь.

– Эй, – сказал он. Это все, что пришло ему в голову. – Эй, доброе утро.

Похоже, была их очередь что-нибудь сказать, но они не сказали ничего. Дэнни позволил себе мельком оглядеть их лица, но не понял, что за выражение на них. У паровозиков в «Томасе» таких никогда не было. Паровозики в «Томасе» были радостными или грустными, или сердитыми, а у них что-то другое. Будто пустой экран телевизора, когда антенна не работает. У девушки были опухшие и красные глаза, а волосы примялись. У Тимоти текло из носа, и он все время тер его тыльной стороной ладони. Одежда вся мятая и в пятнах.

– Мы слышали, как ты сигналил, – сказала девушка. У нее был хриплый дрожащий голос, будто она давно ничего не говорила. – Мы прятались в подвале. Еда кончилась два дня назад.

Дэнни пожал плечами.

– У меня есть «Лаки Чармз». Но только с водой. Невкусные.

– Кто-нибудь еще остался? – спросила девушка.

– Остался где?

– Остался в живых.

Дэнни не знал, что на это ответить. Слишком сложный вопрос. Может, нет, он видел очень много тел. Но он не хотел этого говорить, когда здесь Тимоти.

Он поглядел на мальчика, который так ничего и не сказал, только продолжал тереть нос запястьем.

– Эй, Тимбо. У тебя аллергия? У меня тоже иногда бывает.

– Наши родители в Теллерайд, – заговорил мальчик. Он смотрел вниз, на кроссовки. – С нами была Консуэла. Но она ушла.

Дэнни не знал, кто такая Консуэла. Сложно, когда люди не отвечают на твой вопрос, а отвечают на какой-то другой, о котором ты даже и не думал.

– О'кей, – сказал Дэнни.

– Она на заднем дворе.

– Как она может быть на заднем дворе, если она ушла?

У мальчика расширились глаза.

– Потому что она *умерла*.

Пару секунд все молчали. Дэнни удивился, почему они до сих пор не сели в автобус. Может, их попросить надо.

– Все должны были отправиться на Майл Хай, – сказала девушка. – Мы по радио слышали.

– А что на Майл Хай?

– Армия. Они сказали, там будет безопасно.

Судя по тому, что видел Дэнни, армия тоже умерла. Но Майл Хай – хоть какое-то место, куда они могут поехать. До сих пор он об этом и не думал. Куда он вообще едет?

– Меня зовут Эйприл, – сказала девушка.

Она действительно выглядела, будто апрель. Смешно, когда некоторые имена так подходят людям. Просто подходят.

– А меня Дэнни, – ответил он.

– Я знаю, – сказала Эйприл. – Можно тебя попросить, Дэнни? Увези нас на хрен отсюда, быстрее.

6

Неправильный цвет, подумала Лайла. Нет, совсем неправильный.

Этот оттенок назывался «сливочным». На образце на витрине он так и выглядел, мягкий, желтоватый, будто старая белая ткань. Но теперь, когда Лайла поглядела на сделанную работу, держа в руке ролик, с которого капала краска, – честно, она так напачкала, почему Дэвид сам этого не сделал? – он выглядел как-то иначе. Как? Лимонный. Как *наэлектризованный* лимон. Может, для кухни и подошел бы, для светлой кухни с большими окнами, выходящими в сад. Но не для детской. Боже мой, подумала она, с таким цветом стен младенец глаз не сомкнет.

Как грустно. Весь ее тяжкий труд насмарку. Тащила стремянку из подвала, по лестнице, тряпками все закрывала, на карачки становилась, чтобы заклеить плинтуса, а теперь придется идти в магазин, а потом начинать все сначала. Она хотела закончить дела в комнате к ланчу, чтобы осталось время краске высохнуть, потом наклеить обойный бордюр с узором в виде рисунков из книг Беатрис Поттер. Дэвид считал, что бордюр – глупости. «Сентиментальный» – так он сказал. Лайле было все равно. Ей нравились рассказы про Кролика Питера, когда она еще ребенком была, когда у отца на коленях сидела или устраивалась в кровати, чтобы в сотый раз слушать про то, как Питер сбежал из сада Мистера Мак-Грегора. Вокруг сада их дома в Уэллесли была живая изгородь из кустов, и долгие годы, когда Лайла уже перестала верить в сказки, она раз за разом смотрела на кусты в ожидании того, что оттуда появится кролик в синей курточке.

Кролику Питеру придется подождать. Ее вдруг захлестнула усталость, ноги не держали. Да и голова кружилась от запаха краски. Может, с кондиционером что-то не так, хотя с того момента, как она носит ребенка, ей все время было как-то жарковато. Она надеялась, что Дэвид скоро вернется домой. В больнице какая-то суматоха. Он позвонил и сказал, что задержится, но с тех пор не звонил больше.

Она медленно спустилась по лестнице на кухню. Полнейший беспорядок. Горы тарелок в раковине, столы в пятнах, пол под ее босыми ногами какой-то липкий. Лайла в недоумении остановилась в дверях. Она до сих пор не осознавала, насколько она все запустила. Кстати, а что с Иоландой? Как давно ее уже здесь не было? Домработница приходила по вторникам и пятницам. А сегодня какой день? Если посмотреть на эту кухню, подумала Лайла, то скажешь, что Иоланды уже не одну неделю не было. Ладно, по-английски она не слишком хорошо говорила, а иногда делала странные вещи. Например, путала чайные ложки со столовыми. Дэвид все ворчал по этому поводу. Могла выкинуть в мусор неоплаченные счета из почтового ящика. По мелочи, но раздражало. Однако Иоланда никогда не прогуливала работу. Как-то зимой она пришла с таким ужасным кашлем, что Лайла со второго этажа услышала. Ей буквально пришлось отнять у Иоланды швабру. «Прошу тебя, Иоланда, позволь тебе помочь, я же врач. Медик», – сказала тогда Лайла на смеси английского и испанского.

Лайла тогда прослушала ей грудь прямо на кухне. Бронхит, конечно же. Выписала Иоланде рецепт на амоксициллин, прекрасно понимая, что у той точно врача личного нет, не говоря уже о медицинской страховке. Ладно, иногда Иоланда могла выкинуть почту, перепутать столовые приборы, положить носки в ящик с нижним бельем, но она работала старательно, без усталости, всегда доброжелательная и пунктуальная. На нее всегда можно было положиться с их-то безумным режимом жизни. А сейчас даже не позвонила.

Да, еще и это. Похоже, телефон не работает, и почту не носят, и газеты. Дэвид сказал ей не выходить из дома ни в коем случае, так что Лайла и не проверяла. Может, газеты уже на асфальте валяются.

Она достала из шкафа стакан и повернулась к раковине. Открыла кран. Гул, шуршание воздуха и... ничего. Еще и вода! А затем она вспомнила, что воды уже некоторое время нет.

Теперь еще и слесаря придется вызывать в довершение ко всему. Вернее, пришлось бы, если бы телефон работал. Вот почему Дэвида нет, когда все летит к чертям собачьим? Одно из любимых выражений ее отца – «к чертям собачьим». Странная фраза, задумалась Лайла. Почему именно собачьим? Чем собачьи черти отличаются ото всех остальных? Есть множество таких фраз, и даже слов, которые внезапно кажутся странными, как будто ты их впервые услышал. Подгузник. Одураченный. Сантехник. Замужняя.

Она правда об этом думала, выйти замуж за Дэвида? Она не могла вспомнить у себя мысли: «Я выйду замуж за Дэвида». А такая мысль *должна* прийти в голову человеку, наверное, прежде чем они возьмут и поженятся. Как странно, в один момент жизнь выглядит так, в следующий – иначе, а ты не можешь вспомнить, что же ты такое сделала, что все это случилось. Она не говорила, что *любит* Дэвида. Он ей *нравился*. Она им *восхищалась* (как же не восхищаться Дэвидом Сентром? Заведующим отделением кардиологии в Центральной больнице Денвера, основателем Института Электрофизиологии штата Колорадо, человеком, бегающим марафонские дистанции и заседающим в высоких комиссиях, с бесплатными абонементом на игры «Наггетс» и в оперу, тем, кто каждый день вытаскивает пациентов едва не с того света? Но могут ли все эти чувства породить любовь? А если нет, должна ли ты выходить замуж за мужчину только потому, что носишь его ребенка – незапланированного, это просто получилось само собой. А Дэвид, проявив характерное для него благородство, заявил, что «поступит правильно». Что значит «поступить правильно»? Что такое «правильно»? И почему Дэвид иногда не похож на самого себя, а выглядит человеком, лишь *напоминающим* Дэвида, *основанным* на Дэвиде, предметом размером с человека, Дэвидообразным? Когда Лайла сообщила своему отцу об их помолвке, она увидела это на его лице. Он знал. В тот раз он сидел за столом у себя в кабинете, окруженный любимыми книгами, и мазал клеем бушприт, чтобы приклеить его на модель корабля. Он сказал ей всю правду еле заметным движением густых бровей.

– Что ж.

Он прокашлялся и умолк, завинчивая колпачок на маленьком тюбике с клеем.

– Как я понимаю, учитывая обстоятельства, тебе этого хотелось. Он хороший человек. Делай как знаешь.

Так он сказал. Так они и сделали. Полетели в Бостон, в метель, накануне весны, спешно все устроив и расставив по местам, пригласив с собой немногих родственников и друзей, тех, у кого получилось сорваться с места в последний момент. Они стояли в гостиной, неловко переминаясь, пока звучали слова клятвы (все заняло меньше двух минут). А потом попрощались, достаточно быстро. Даже ресторатор ушел быстро. Неловкость была даже не в том, что Лайла беременна. Она это знала. Кое-кого не хватало.

Кое-кого будет не хватать всегда.

Ладно, плевать. Плевать на Дэвида, на ужасную свадьбу (если честно, она была больше похожа на поминки), с кучей оставшейся нарезки красной рыбы, с этим снегом и всем остальным. Самое важное – ребенок и она сама. Пусть весь мир катится к чертям собачьим, если ему так хочется. Главное – ребенок. Будет девочка. Лайла видела ее на УЗИ. Малышка. С крохотными ручками и ножками, крохотным сердцем и легкими, плавающая в теплой жидкости у нее в животе. Малышка любила икать. Ик! – делала крохотная девочка. Ик! Ик! Тоже смешное слово. Малышка вдыхала и выдыхала околоплодную жидкость, сокращалась диафрагма, и закрывался надгортанник. Синхронное сокращение диафрагмы, сингултус, от латинского «сингулт», «процесс задержки дыхания во время плача». Когда Лайла учила это в медицинском колледже, то подумала: «Вау». Просто «Вау». И тут же начала икать, конечно же. Половина студентов начала. Лайла слышала, что в Австралии был человек, который икал семнадцать лет подряд, не переставая. Видела его по каналу «Сегодня».

Сегодня. А какой день сегодня? Она пошла в гостиную, постепенно осознавая все вокруг, будто ее сознание привстало на цыпочки, чтобы выглянуть за окно, над подоконником, будто

она отодвинула занавеску, чтобы посмотреть наружу. Ничего, никаких газет. Ни «Денвер пост», ни «Нью-Йорк таймс», ни этой дурацкой местной газетенки, которая обычно сразу отправлялась в мусорку. Через стекло она услышала высокий звон летних насекомых вокруг плодовых деревьев. Обычно видишь в окне проезжающие машины, идущего по кварталу почтальона, который что-нибудь насвистывает сквозь зубы, няню с коляской, но не сегодня.

«Я вернусь, когда буду знать больше. Закрой дверь и не выходи из дома. Ни при каких обстоятельствах».

Лайла помнила, как Дэвид ей сказал эти слова. Помнила, как стояла у окна, дожидаясь, пока увидит, как его машина, одна из этих новомодных «Тойот» на водороде, медленно проедет по дорожке к дому. Боже правый, у него даже машина, и та праведная. Говорят, папа римский на такой же ездит.

Вон там, это не собака? Лайла прижалась лицом к стеклу. Посреди улицы ковылял пес Джонсонов. Джонсоны через два дома живут, одни, дочь замуж вышла и уехала, сын в колледже. В Массачусетском Технологическом вроде? Или в Калифорнийском? В каком-то из них. Миссис Джонсон («Зови меня Сэнди!») первой пришла к ним знакомиться, когда они переехали. С пирогом и приветствиями. С тех пор Лайла видела ее каждый вечер, если не была на вызове, иногда вместе с ее мужем, Джеффом, который выгуливал Роско, большого и довольного жизнью золотистого ретривера, такого услужливого, что он ложился на асфальт пузом вверх, если к ним кто-то подходил. «Извините, что у меня такой эльф долбаный вместо собаки», – обычно говорил Джефф. Да, это Роско, но тут что-то не так. Он выглядел как-то иначе. Ребра торчат, будто пластины ксилофона (на мгновение Лайла с нежностью вспомнила, как играла на гlockеншпиле в школе «Братца Якоба»). И идет он как-то бесцельно, что-то держа в зубах. Что-то... болтающееся. Джонсоны знают, что он потерялся? Может, им позвонить? Телефоны не работают. И она обещала Дэвиду из дома не выходить. Должен же кто-нибудь еще его заметить и сказать, эй, это же Роско, он убежал, наверное.

Проклятый Дэвид, подумала она. Так заикнулся на себе, с другими не считается, занимается бог знает чем, бог знает где, пока она тут одна, без воды, без телефона, без электричества, да еще этот ужасный цвет в детской! И близко не такой, как надо! У нее всего лишь двадцать четвертая неделя, но она чувствовала, как бежит время. Кажется, тебе еще не один месяц остался, и вдруг ты уже протискиваешься через дверь посреди ночи с небольшим чемоданчиком и сломя голову едешь в больницу. Вот ты уже лежишь на спине под ярким светом ламп, пытая и тужась, по тебе волнами прокатываются схватки, овладевая тобой, и больше ничего, пока ребенка не родишь. А потом сквозь туман боли чувствуешь руку в своей руке, открываешь глаза и видишь рядом Брэда, у него такое лицо, ты даже не можешь сказать какое – прекрасное, испуганное и беспомощное. Слышишь его голос. «Тужься, Лайла, уже почти получилось, еще разок, и все получится». Да, точно. Ты погружаешься внутрь себя и находишь силы для последнего рывка и выталкиваешь ребенка. В наступившей тишине и покое он протягивает тебе замотанный в пеленку волшебный подарок, твоего ребенка, слезы счастья рекой текут по его щекам, а ты чувствуешь правильность и глубокий, вечный смысл твоей жизни, понимая, что выбрала этого мужчину среди остальных просто потому, что так должно было быть, что твой ребенок, Ева, теплое маленькое создание вас двоих, была именно этим – сделала вас двоих одним.

Брэд? Почему она думает о Брэде? *Дэвид*. Ее мужа зовут Дэвид, а не Брэд. Папа Дэвид и его Папомобиль. Был ли в истории папа римский по имени Давид? Быть может. Лайла сама из методистов, откуда ей знать.

Ну, подумала она, когда Роско скрылся из виду, хватит. Ей надоело сидеть взаперти, как в ловушке, в грязном доме. Пусть Дэвид поступает, как ему вздумается, а она не видит причины сидеть дома в этот прекрасный июньский день, когда ей совершенно нечего делать. На дорожке

ее ждал старый надежный «Вольво». Где ее сумочка? Ее бумажник? Ее ключи? Вот оно все, на небольшом столике у входной двери. Там, где она их оставила.

Пошла наверх, в ванную. Боже мой, туалет в таком состоянии, она даже *думать* не хотела в каком. Она поглядела в зеркало на свое лицо. Ну, не слишком хорошо. Будто выжившая в кораблекрушении – волосы, как воронье гнездо, глаза запали и поблекли. Кожа бледная, будто она не одну неделю солнца не видела. Она была не из тех женщин, которым нужен час, прежде чем из дома выйти, но все же. Хорошо бы душ принять, но это, конечно же, невозможно. Она взялась мыть лицо водой из одного из флаконов, что стояли на раковине, натерла лицо махровой салфеткой, так, что оно стало розовым. Расчесала волосы щеткой, убрала назад в хвост и стянула резинкой. Подкрасила щеки румянами, слегка подвела ресницы тушью, обвела губы помадой. Из-за жары она была одета в футболку и спортивные штаны, поэтому пошла в спальню, где стояли догоревшие свечи и валялись кучи грязного белья. Взяла из шкафа одну из длинных рубашек Дэвида. Вот с тем, что снизу надеть – проблема. Мало что подойдет. Она нашла свободные джинсы, в них она втиснется, если верхнюю пуговицу не застегивать, и сандалии.

Снова к зеркалу. «Неплохо, – подумала Лайла. – Определенно лучше, чем было». В конце концов, она же не в какое-то особенное место идет. Хотя было бы неплохо зайти куда-нибудь на ланч, когда дела сделает. Она это определенно заслужила, после того как так долго дома сидела. Зайти в какое-нибудь хорошее заведение и поесть. Нет ничего лучше, чем бокал вина и салат на веранде летним днем. Кафе «Де Ами» – то, что нужно. У них отличный патио, украшенный вьющимися растениями с ароматными цветами, и просто прекрасный повар – он однажды подходил к их столику. Учился в «Кордон Блю». Пьер? Франсуа? Он просто чудеса творит со всеми этими соусами, придавая изысканный вкус самым простым блюдам. Курица в вине – умереть, не встать. Хотя больше всего «Де Ами» прославились своими десертами, особенно шоколадными муссами. Лайла в жизни не пробовала такого, просто чудесно. Они с Брэдом всегда брали себе десерт после ужина, один на двоих, и кормили друг друга с ложечки, как подростки, настолько опьяненные чувством, что для них не существовало ничего в этом мире, кроме них двоих. Какие благословенные времена – ухаживания, жизнь, открывающаяся перед ними, словно страницы книги, многообещающая. Как они смеялись, когда она едва не проглотила кольцо на помолвку, которое он спрятал во взбитых сливках с какао, а потом, когда Лайла отправила Брэда на улицу, под проливной дождь, чтобы он купил ей что угодно – «Кит-Кат», «Алмад Джой», да хоть старый добрый «Херши». Проснулась через час и увидела его на пороге спальни, промокшего до нитки, но с уморительной улыбкой на лице и гигантским тап-первэровским контейнером шоколадного мусса, сделанного Франсуа – или Пьером? Столько, что взвод можно накормить было. Вот такой он был, Брэд. Пришел в кафе, которое уже было закрыто, постучал в заднюю дверь, увидев, что внутри еще горит свет, и дождался, пока к нему вышли. Протянул мокрую купюру в пятьдесят долларов. Так здорово это было. «Боже мой, Лайла, – сказал он, когда она набила полный рот мусса, – такими темпами наш ребенок наполовину из шоколада будет, когда родится».

Ну вот, опять. *Дэвид*. Теперь ее муж – Дэвид Сентр. Лайле определенно надо с этим разобраться. Она и Дэвид не только ни разу не ели шоколадный мусс в «Де Ами» – они вообще никогда не делали хоть что-то подобное. У этого человека ни капли романтики в крови. И как только она позволила такому мужчине уговорить ее стать его женой? Так, будто она была всего лишь одним из пунктов в его списке важных дел. Стать знаменитым врачом – сделано. Сделать Лайлу Кайл беременной – сделано. Поступить как полагается – сделано. На самом деле он ее толком-то и не знает.

И она пошла вниз по лестнице. Снаружи все было залито светом летнего солнца, воздух будто наполнился золотистым газом. К тому времени как Лайла дошла до двери, ее охватило совершенное возбуждение. Сладость свободы! Так долго сидеть взаперти – и наконец-то

выбраться наружу! Можно только представить, что скажет Дэвид, когда узнает. «Бога ради, Лайла, я же тебе говорил, что это опасно. Ты должна думать о ребенке». Но она думала именно о ребенке. Ребенок этому причиной. Этого Дэвид не понимал. Дэвид, слишком занятый тем, что спасает мир, чтобы помочь ей с детской. У которого машина ездит то ли на аспарагусе, то ли на ведьмином порошке, то ли на благих помыслах. Который оставил ее здесь одну. Одну! А самое худшее, худшее из всего – Кролик Питер ему даже не *нравится!* Как она могла решиться завести ребенка от мужчины, которому не нравится Кролик Питер? Что это о нем говорит? Что за отцом он станет? Нет, это не его дело, что она решила, пришла к выводу Лайла. Взяла со столика сумочку, ключи и открыла дверь. Какое его дело, что она решила выйти, что она покрасит детскую в фисташковый, пунцовый или красно-коричневый? Пусть хоть сам себя трахнет. Уж это у Дэвида получится.

А краску Лайла Кайл сама купит.

7

В этот день заместителю министра было скверно. Сегодня 31 мая. День Поминовения – пусть это уже и не имело значения – стал днем конца света, что-то вроде.

Колорадо нет, совсем. Колорадо капут. Денвер, Спрингс, Форт-Коллинз. Болдер, Грэнд Джанкшн, Дуранго, тысяча небольших городов вокруг. Последние кадры аэрофотосъемки выглядели как хроника военных действий. Разбитые машины на шоссе, горящие дома, лежащие повсюду тела. В дневные часы никакого движения, только птицы огромными стаями, будто пришел приказ из Главного Штаба Стервятников.

Никто не спросит у них, чья идея была уничтожить весь штат Колорадо?

Вирус распространялся. Распространялся во все стороны, будто рука, из которой росли двенадцать пальцев. К тому времени, когда Министерство Внутренней Безопасности перекрыло все главные шоссе между штатами – эти перепуганные уроды из горящего дома сами бы не выбрались, – лошадь уже выскочила из конюшни. Этим утром ЦКЗ подтвердил случаи в Кирни, штат Небраска, Фармингтоне, штат Нью-Мексико, Стерджисе, штат Южная Дакота, и Ларами, штат Вайоминг. И это лишь те, о которых они уже узнали. В Юте и Канзасе пока ничего, но это лишь вопрос времени. Счет идет на часы. В северной Вирджинии 5:30, три часа до захода солнца, на западе – пять.

Они всегда перемещались ночью.

Совещание в Комитете Начальников Штабов прошло скверно, хотя другого он и не ожидал. Для начала всю проблему создал Отдел Специальных Вооружений. Высоким военным чинам всегда не нравилось, чем в ОСВ занимаются, да и они не всегда знали это. Почему этот отдел вообще находится вне субординации военного министерства, получая деньги, – ради всего святого – от Министерства Сельского Хозяйства. (Ответ: потому что всем по фигу, чем там занимается Министерство Сельского Хозяйства.) Военные привыкли к иерархии и субординации, к тому, что кто выше, тому и плевать на тех, кто ниже. ОСВ ни перед кем не отчитывались, в их составе были сотрудники дюжины разных министерств и частные подрядчики. Более всего они напоминали наперсточников, усевшихся на тротуаре, никогда не угадаешь, где на самом деле шарик. Что до проектов ОСВ, Гилдер слышал прозвища, которые им давали. «Отвлечение от Серьезной Войны». «Отдел Слабоумных Воображал». «Особо Сильно Вумные». И его любимое, «Обувной Склад на Выброс». Он даже начал называть их про себя «Склад».

Так что именно заместителю председателя Хоросу Гилдеру (если где-то еще остались какие-то председатели) пришлось сидеть перед военными Комитета Начальников Штабов (столько звезд и полос, что хватило бы на отряд герл-скаутов) и излагать им официальную оценку ситуации в Колорадо. (Извините, мы тут вампиров случайно сделали, поначалу это казалось хорошей идеей.) По окончании его доклада миновало тридцать секунд гробовой тишины. Все ждали, кто же заговорит первым.

– Позвольте мне убедиться, что я вас правильно понял, – проговорил председатель КНШ и, сложив руки, вытянул их вперед.

Гилдер почувствовал, как из-под мышки скатилась капелька пота.

– Вы решили воссоздать древний вирус, с помощью которого превратили дюжину заключенных в чудовищ, питающихся кровью, которых невозможно уничтожить, и никому об этом не сказали?

Ну, не то чтобы он решил. Гилдер не был в курсе этого проекта ОСВ с самого начала. Он попал на свой пост, когда сменилась администрация и когда в это дерьмо уже вбухали слишком много денег и сил, так что он не смог бы его затормозить, даже если бы попытался. Проект НОЙ был доступен для столь узкого круга, что даже Гилдер не знал, где это придумали.

Возможно, в АНБ, но у него было ощущение, что ниточки могут идти еще выше, даже в Белый дом. Сейчас, когда он сидит перед офицерами КНШ, это не имеет значения. Гилдер три десятка лет проработал в ведомствах с такой секретностью, где, по сути, никто ни за что не отвечал. Казалось, идеи возникают сами по себе. «Что, мы сделали? Нет, мы этого не делали». И все в шредер⁴. Скорее всего с ОСВ так и случится. А может, и с самим Гилдером.

Сейчас же была вина, которую кто-то должен на себя взять. Сопровождение быстро превратилось в соревнование по громкости крика, и Гилдера били словесно раз за разом. Он почувствовал облегчение, когда ему сказали выйти, понимая, что ситуация уже вне его компетенции. Следовательно, военные будут разбираться с проблемой так, как привыкли разбираться со всем – стреляя во все, что увидят.

Оглядываясь назад, Гилдер понял, что мог бы изложить все несколько дипломатичнее. Однако снимки ЦКЗ говорили сами за себя. Три недели, в лучшем случае – четыре, и вирус накроет Чикаго, Сент-Луис и Солт-Лейк-Сити. Шесть недель – и распространится от побережья до побережья.

Христа ради, вампиры. О чем он думал?

О чем *все* думали?

Не было сомнения лишь в том, что Лир чего-то добился. Великий Джонас Лир, которого боялся даже сам Гилдер, биохимик из Гарварда с IQ в миллиард, человек, основавший новую науку, палеовирусологию. Разыскивающий и оживлявший древние организмы, чтобы найти им применение в современном мире. Его коллеги не сомневались, что когда-нибудь Лир обязательно получит Нобелевскую. О'кей, может, идея использовать приговоренных к смерти была не самой лучшей. Тут они лишнего хватили. Совершенно точно, что на последнем этапе Лир был уже немного не в себе. Но надо признать, что сама идея давала определенные возможности. Например, не умирать. Никогда. Вопрос, в котором у Гилдера в последнее время появилась некоторая личная заинтересованность.

Его единственная надежда – девочка.

Эми НЛС. Тринадцатый испытуемый, украденная из монастыря в Мемфисе, штат Теннесси, оттуда, где ее бросила ее мать. Гилдеру было неприятно подписывать приказ об этом. Ребенок, помилуй Бог. Кто-то должен был заметить это рано или поздно. К тому времени как Уолгаст привез ее, девочку искали по всему округу дорожная полиция Оклахомы, федеральные маршалы. А Ричардс, этот безумец, оставил за собой след из трупов в милю шириной. Монахини в монастыре, которых застрелили спящими. Пара полицейских в городах по пути. Шесть человек в кафе, которым не повезло прийти туда позавтракать как раз в тот момент, когда там оказался Уолгаст с девочкой.

Но запрос по поводу девочки шел от самого Лира, и у Гилдера не было возможности отказать. Каждого из заключенных заражали слегка измененным штаммом вируса, но эффект был одинаков. Болезненное состояние, кома, превращение, и вот уже он висит на потолке, потроша кролика. С Эми сделали иначе. Вирус был взят не от Фэннинга, того самого биохимика из Колумбийского университета, который заразился во время злополучной экспедиции в Боливию, организованной Лиром. Этот штамм взяли от группы туристов, с которых все и началось – больные раком в терминальной стадии, развлекавшиеся в джунглях в рамках экотура под названием «Последнее Желание». Все они умерли в течение месяца – инсульт, сердечный приступ, аневризма. Их тела просто разрывало. Но в процессе у них наблюдалось потрясающее выздоровление от основного заболевания. У одного мужчины даже волосы заново выросли на голове. И все они умерли, перед этим избавившись от рака. Пытаться понять, о чем думал Лир, – дохлый номер, но он решил, что этот вариант может дать нужный ответ. Вся задача в

⁴ Аппарат для уничтожения бумаги.

том, чтобы этот подопытный остался в живых. И для этого он выбрал Эми, юную здоровую девочку.

И это сработало. Гилдер знал, что сработало. Поскольку Эми еще жива.

Кабинет Гилдера находился на третьем этаже неприметного малоэтажного здания правительственного агентства в округе Фэйрфакс. ОСВ делил это здание с другими конторами – с Бюро Технологического Анализа, Отделом Энергетической Безопасности Министерства Внутренней Безопасности, Национальным Управлением Океанических и Атмосферных Исследований. И центром ухода за детьми. Дом стоял на Шоссе 66. Понедельник, День поминовения, однако на дороге практически не было машин. Многие уже уехали из города. Гилдер представил себе, как выписывали пропуска. К теще в Нью-Йорк. К другу, у которого домик в горах. Все воздушное сообщение было прекращено, так что далеко не уедешь. В конечном счете это ничего не даст. Нельзя вечно прятаться от сил природы. По крайней мере так сказали Хоросу Гилдеру.

Каким-то образом девочке уже удалось выбраться из Колорадо. Они поймали ее сигнал на юге Вайоминга в самые первые часы. Это означало, что она на машине, и не одна – машину кто-то должен был вести. А потом она исчезла. Передатчик в ее чипе биомонитора имеет небольшой радиус действия, сигнал слишком слабый, чтобы отслеживать его со спутника, только с вышки сотовой связи, за пару-тройку километров, да и то не со всякой. Нужна вышка, имеющая прямую связь с федеральной системой слежения, а не простенькая в сельской местности. А в южном Вайоминге несложно избегать слежки, если не выезжать на основные автотрассы. Сейчас она может быть где угодно. Кто бы там ни был вместе с ней – он умен.

Его мысли прервал стук в дверь. Гилдер развернулся в кресле от окна и увидел Нельсона, главного технического специалиста отдела, который стоял в дверях. Боже, что еще?

– У меня две новости, хорошая и плохая, – объявил Нельсон.

Нельсон, как обычно, был в черной футболке и джинсах, а на его грязных ногах были шлепанцы. Тараторящий, как из пулемета, отучившийся в Оксфорде по стипендии Родса, с двумя учеными степенями Массачусетского Технологического по информационным системам и биохимии. Самый умный парень на милю в округе, и, что неприятно, он сам прекрасно это знает. У него все еще осталось юношеское отношение к окружающему миру как к сплошному набору мелких раздражающих проблем, которые создают люди, менее умные и крутые, чем он сам. Хотя у Гилдера и сложились достаточно теплые отношения с Нельсоном, тот все равно общался с начальником, как со слабоумным папочкой, которого следует уважать, но чье мнение уже не имеет никакого значения. Достаточно неприятно терпеть такое от молодого парня, который волосы расчесывает не чаще пары раз в неделю, хотя и, как признавался себе Гилдер, не лишено основания. В свои пятьдесят семь Гилдер слишком часто ощущал себя безнадежно старым, слушая все то, что объясняет ему двадцативосьмилетний Нельсон.

– Ее где-нибудь обнаружили?

– Не-а, – ответил Нельсон и почесал неряшливую бороду. – Вообще никаких признаков.

Гилдер потер глаза, которые уже резало от бессонных ночей. Надо бы сходить домой, принять душ, переодеться. Он два дня провел на работе, вздремнуть на диванчике удалось совсем немного, а есть приходилось всякую дрянь из торговых автоматов. И с пальцами проблема. Покальвание, онемение.

– Ты вроде сказал, что и хорошие новости есть?

– Это как посмотреть. С общепринятой точки зрения, может, и не самые лучшие, но, судя по всему, кто-то все-таки прикрыл того безумца в Денвере. Я бы предположил, что АНБ, либо кто-нибудь из зверюшек Лира все-таки до него добрался. В любом случае чувак ушел в офлайн окончательно.

Стоящий Насмерть в Денвере. Гилдер видел эти видео. Как и все. Надо отдать должное этому парню – у него стальные яйца. Было много рассуждений насчет того, кто он такой, но в целом все сходились на том, что бывший военный. Спецназ или «морские котики».

– А что плохого тогда?

– Из ЦКЗ новые данные пришли. Похоже, изначальный алгоритм неправильно рассчитывал, сколько этим тварям жрать надо. О чем я бы им сразу сказал, ежели б меня кто спросил. Либо так, либо какой-нибудь практикант запятую в числе переставил, грезя о том, как в последний раз свою подружку поимел.

Иногда разговаривать с Нельсоном было тяжелее, чем уговорить пятилетнего ребенка. Гениального пятилетнего ребенка.

– Давай, говори уже.

Нельсон пожал плечами.

– Судя по всему, исходя из самых последних данных, сроки у нас стали еще более сжатыми. Что-то порядка тридцати девяти дней.

– До того момента, как они выйдут на побережье, ты хочешь сказать?

– Ну, не совсем.

– А что же?

– Распространятся по всему североамериканскому континенту.

Глаза Гилдера закрыла серая пелена, и ему пришлось сесть.

– В центральном командовании уже разрабатывают ответные меры, – продолжил Нельсон. – Полагаю, они попытаются просто все спалить. Сначала самые крупные населенные пункты, а потом все остальное, что останется.

– Боже все милостивый.

Нельсон холодно нахмурился.

– Не слишком большая цена в целом. Я прекрасно знаю, что бы я сам сделал, будь я, скажем, русским президентом. Все, чтобы не дать этой заразе перейти океан.

Он прав, и Гилдер понимал это. Вдруг почувствовал, как дрожит его правая рука. Схватил ее левой, пытаясь унять судороги и в то же время придать этому движению вид естественного.

– Вы в порядке, босс?

Его правая нога тоже задрожала. Он почувствовал неудержимое желание рассмеяться. Может, это стресс? Гилдер с трудом сглотнул, чувствуя во рту привкус желчи.

– Найди эту девочку.

Когда Нельсон ушел, Гилдер сидел в кабинете еще пару минут, пытаясь собраться. Дрожь прошла, но желание смеяться – симптом, обычно завуалированно называемый «неудержанием эмоций», – нет. И он наконец сдался, позволив себе короткий приступ хохота для разрядки. Иисусе, со стороны это выглядело, будто он одержимый. Можно только надеяться, что никто не услышал.

Он вышел из здания, дошел до гаража и сел в свою машину, бежевую «Тойоту Камри». И сразу поехал домой, в таунхаус в Арлингтоне. Хотел вымыться, но внезапно ощутил, что даже это ему тяжело. Включил телевизор и налил себе скотча. По всем каналам, даже по погодному, уже всю говорили о чрезвычайной ситуации броскими словами («Нация в опасности» и тому подобное). У всех ведущих был измученный и невыспавшийся вид, особенно у тех, кто вел репортажи с обочин шоссе, с кукурузными полями на заднем плане и бесконечными колоннами едва ползущих машин на переднем. Сигналили все без перебора. Вся округа ревела, как испорченная коробка передач. Гилдер посмотрел на часы. 8:05. Меньше чем через час во всей округе стемнеет.

Он с трудом оторвал от дивана непослушное тело и пошел вверх по лестнице. Лестница – проблема в будущем. Что он будет делать, когда не сможет подниматься по лестнице? Войдя в ванную, он включил душ и разделся до трусов. Поглядел на себя, пока согревалась вода. Смешно, но он не выглядит особо больным. Может, чуть похудел. Были времена, когда он считал себя человеком спортивного телосложения – даже бегал кроссы в Боудине. Те времена давно прошли. Его работа подразумевала строгий режим секретности, такой, что он даже жениться не мог, но, пока Гилдеру не минуло сорок, он не то чтобы женщин с ума сводил, но и один не оставался. Недолгие увлечения, о которых никто не знал. Гилдер гордился собой за умение все тщательно спланировать, но настало время, когда все это прекратилось. Он смотрел, но на него не смотрели в ответ. Беседы, которые прежде служили лишь прелюдией к чему-то более серьезному, теперь не заканчивались ничем. Это неизбежно, понимал Гилдер без особой радости.

Снова оценивающе поглядел на свое отражение в зеркале. Лицо с массивной челюстью, которое когда-то выглядело мужественным, но давно перестало быть таким – с этими обвисшими щеками. Зачесанные назад редеющие волосы, уже не способные скрыть блестящую лысину. Мешки под глазами, кожистый бурдючок на животе, костлявые худые ноги. Не слишком приятное зрелище, но не настолько, чтобы он не мог принять это как неизбежное следствие предпенсионного возраста.

И не поймешь, глядя на него, что он умирает.

Приняв душ, он оделся в свежий костюм. У него в шкафу практически больше ничего и не было, кроме элегантных костюмов с пиджаками – на две пуговицы темно-синих или серых в еле заметную полоску. Цвета хаки в рубчик для лета. Сорочки – бледно-голубые или ослепительно белые, галстуки, нейтральнее самой Швейцарии. Они настолько ассоциировались у него с самим собой, что без галстука он ощущал себя буквально голым.

Стараясь следить за равновесием, он спустился по лестнице в гостиную, где телевизор продолжал послушно изрыгать потоки плохих новостей. Аппетита не было, но он все равно достал замороженную лазанью и разогрел в микроволновке, стоя рядом, пока таймер отсчитывал секунды. Сев за стол, он попытался заставить себя поесть, но от диазепама еда приобрела металлический привкус, а ощущение сжатого горла не прошло, будто он надел рубашку с воротничком на два размера меньше нужного. Врач советовал ему молочные коктейли, что-нибудь мягкое типа макарон, но Гилдер не смог заставить себя перейти на детскую еду. Все равно все псу под хвост.

Выбросив недоеденную лазанью, он снова посмотрел на часы. Начало десятого. Что ж, что бы там ни происходило сейчас в центре страны, этого не миновать. Если он понадобится, Нельсон позвонит.

Выйдя из дома, он поехал в Маклин. Ему предстояло исполнить эту мрачную обязанность, больше никому. Заведение располагалось в стороне от проезжей части, отделенное от нее широким зеленым газоном. У начала подъездной дороги стоял простенький знак «Реабилитационный центр Шедоудэйл». Гилдер показал дежурной медсестре водительские права, чтобы его зарегистрировали и пропустили внутрь, и пошел по коридору, заполненному больничными запахами и развешанными по стенам картинками с зеленеющими полями и летними закатами. Вокруг было слишком тихо даже для этого часа, обычно в это время по коридору еще ходили санитары, а в комнате отдыха сидели пациенты, те, кто еще был в состоянии оценить компанию других людей. Сегодня там было пусто, как в гробнице.

Он подошел к двери палаты своего отца, тихо постучал и открыл дверь, не дожидаясь ответа.

– Пап, это я.

Отец сидел в кресле-каталке, у окна. У него был открыт рот, а мышцы на лице превратились в желе, будто тесто для блинов. С губы на бумажный нагрудник свисала ниточка слюны.

Кто-то надел на него грязный спортивный костюм и ортопедические ботинки на липучках. Когда Гилдер вошел в палату, тот не проявил никаких признаков, что осознает это.

– Как дела, пап?

Воздух вокруг отца был наполнен едким запахом мочи. Болезнь Альцгеймера уже вошла в ту стадию, когда его отец перестал кого-либо узнавать, но телесные потребности остались. Как ужасно, подумал Гилдер, это полное безмолвие ума. Молчание его отца, ощущение полнейшего отсутствия, не было для него чем-то новым. В жизни – как и теперь в смерти – его отец был человеком практически змеино-хладнокровия. Умом Гилдер понимал, что таким его воспитали – сына фермеров из небольшого городка, который три раза в неделю ходил в церковь и сам резал свиней, – но никак не мог заставить себя забыть свое собственное детство, проведенное в вечной надежде привлечь внимание человека, на это попросту не способного. Он хотел от своего отца сущей малости, чего-то совершенно естественного. Раз уж я родился, относись ко мне как к сыну. Поиграй в салочки вечером, похвали, стоя у края спортивной площадки, хоть как-то прояви интерес к моей жизни. Гилдер все в жизни делал правильно. Хорошие оценки в школе, определенные успехи в учебе и на спортивной площадке, полная стипендия в колледже, быстрое продвижение по службе, когда он вошел во взрослую жизнь. Однако его отец практически ничего не говорил ему. Гилдер и припомнить не мог, чтобы отец хоть раз сказал ему, что любит его, чтобы коснулся его рукой, проявляя хоть какие-то чувства. Ему просто было все равно.

Тяжелее всего от этого было матери Гилдера, общительной от природы женщине, которую одиночество в семейной жизни довело до алкоголизма, который ее и свел в могилу. Позже Гилдер стал задумываться о том, что его мать могла искать утешения на стороне, что у нее были интрижки, возможно, и не одна. После того как он перевез отца в Шедоудэйл, Гилдер принялся убирать в доме в Олбени. Полнейший беспорядок, все ящики и шкафы битком набиты всякой ерундой, но именно тогда он нашел в ящичке туалетного столика матери бархатную коробочку от Тиффани. Заглянув внутрь, он увидел там браслет – браслет *с алмазами*. Стоит такой, наверное, столько, сколько его отец, инженер-строитель, за год зарабатывал. Он никогда бы не смог позволить себе такого. А учитывая, где лежала коробочка, у задней стенки ящика, под кучей заплесневелых перчаток и шарфов, мать ее явно прятала. Видимо, подарок от любовника, решил Гилдер. Кто бы это мог быть? Его мать работала секретарем в юридической фирме. Один из юристов? Или кто-то, с кем она познакомилась еще раньше? Роман молодости, возобновившийся в зрелые годы? Гилдера порадовало, что мать нашла хоть какое-то утешение в своем одиночестве, и в то же время это открытие заставило его погрузиться в депрессию, которая не проходила несколько недель. Мать была единственным лучом света во всех его детских воспоминаниях. Однако ее жизнь, ее настоящая жизнь оказалась тайной.

Эти воспоминания охватывали его всякий раз, как он приезжал к отцу. К тому времени как он отправлялся домой, он обычно либо снова погружался в депрессию, либо его переполняла безмолвная ярость, такая, что он едва мог соображать. Пятьдесят семь лет, а он все еще жаждет хоть капельки признания от родного отца.

Гилдер взял единственный в комнате стул и сел напротив отца. Голова старика, безволосая, как у младенца, упала набок, к плечу, как-то неестественно. Гилдер взял с прикроватного столика тряпку и стер слюну с его подбородка. На подносе у кресла-каталки стояла открытая коробочка с ванильным пудингом. Рядом с ней лежала тонюсенькая металлическая ложка.

– Так как ты себя чувствуешь, папа? Они с тобой хорошо обращаются?

Молчание. Но Гилдер будто услышал у себя в голове голос отца, заполняющий паузы.

Шутишь, что ли? Бога ради, погляди на меня. Я даже поспать нормально не могу. Все со мной говорят, как с младенцем. Сынок, как думаешь, каково мне?

– Я так вижу, ты десерт не съел. Хочешь пудинга? Что скажешь?

Долбаный пудинг! Больше всего меня здесь достало. Пудинг на завтрак, пудинг в ланч, пудинг на ужин. Сопли хреновы.

Гилдер зачерпнул ложку пудинга и сунул отцу меж зубов. Рефлексы еще остались, старик облизнул губы и проглотил.

Погляди на меня. Думаешь, мне здорово? Слюни пускать на себя, сидя в собственном дерьме?

– Не знаю, слышал ли ты последние новости, – сказал Гилдер, засовывая отцу в рот вторую ложку пудинга. – Думаю, тебе бы стоило об этом знать.

Ну? Что еще? Говори и оставь меня в покое.

А что сказать, задумался Гилдер. Я умираю? Все умирают, просто еще не все об этом знают? И зачем нужна такая информация?

И тут он замер. Что станет с его отцом, когда больше никого не будет? Когда сбегут все – врачи, медсестры, санитары? Учитывая все то, что случилось за последнюю пару недель, Гилдер был слишком занят, чтобы задуматься о таком. Город пустеет, и скоро, через считанные недели или даже дни, все побегут отсюда со всех ног. Гилдер помнил, что случилось в Новом Орлеане после ураганов, сначала «Катрины», а потом «Ванессы», о том, как больные старики валялись в собственном дерьме, медленно умирая от голода и обезвоживания.

Сынок, ты меня слушаешь? Не сиди тут с этим тупым лицом. Что такого важного стряслось, что ты пришел?

Гилдер тряхнул головой.

– Ничего, папа. Ничего особенного.

Он выскреб ложкой остатки пудинга, скормил отцу и вытер ему губы тряпкой.

– Отдохни немного, хорошо? – сказал он. – Приеду к тебе через пару дней.

Твоя мать была иллюхой, ты знаешь. Шлюхой иллюхой иллюхой...

Гилдер вышел из палаты. Остановился в пустом коридоре, чтобы перевести дыхание. Это его собственный голос в голове, понятное дело. Но все равно иногда в нем ощущалось нечто большее, будто сознание отца, отделившееся от его тела, существовало у него в голове.

Он вернулся на пост дежурной. Медсестра, молоденькая латиноамериканка, чиркала карандашом в кроссворде.

– Моему отцу надо подгузник поменять.

Она даже взгляда не подняла.

– Им всем надо подгузники поменять.

Гилдер не стронулся с места, и ее глаза мельком посмотрели на него. Очень темные, с густой подводкой.

– Скажу кому-нибудь.

– Будьте добры.

У входной двери он остановился. Медсестра уже погрузилась обратно в кроссворд.

– Так скажите кому-нибудь. Черт побери!

– Я сказала, что прослежу.

Гилдер почувствовал, как его наполняет гнев. Ему хотелось воткнуть этот клятый карандаш ей в глотку.

– Возьмите чертову трубку, если сами не собираетесь этого делать.

С тяжким вздохом медсестра взяла трубку и набрала номер.

– Это Мона, из приемной. Гилдеру в 126-й поменять надо. Да, его сын здесь. О'кей, я ему скажу.

Она повесила трубку.

– Довольны?

Вопрос был настолько абсурден, что он даже не знал, с чего начать.

Гилдеру не было суждено умирать так, как его отцу. Совсем наоборот. БАС, боковой амиотрофический склероз, больше известный под названием болезни Лу-Герига. В первую очередь отказывают основные моторные функции, мышцы сводит судорогой, и начинается их деградация, а затем идет потеря речи и глотательного рефлекса. Неожиданные приступы смеха или плача были загадкой для врачей, никто в точности не знал, почему это происходит. В любом случае он будет умирать под аппаратом искусственного дыхания, с совершенно неподвижным телом, не в состоянии ни пошевелиться, ни говорить. Хуже всего то, что способности мыслить и рассуждать никак не пострадают. В отличие от отца, у которого первым стал отказывать мозг, Гилдеру придется прожить все этапы этой деградации в полном сознании. Живой мертвец в компании какой-нибудь мрачной медсестры.

Он отчетливо понимал, что, услышав диагноз, испытал глубочайший и длительный шок. Это было единственное объяснение перед самим собой за ту глупость, которую он затеял с Шоной. Хотя наверняка это и имя-то не настоящее. Уже два года Гилдер встречался с ней, каждый второй вторник месяца, всегда в квартире, предоставленной ее работодателями. Темнокожая и худощавая, с раскосыми азиатскими глазами, молодая, в дочери ему годится. Однако она привлекла его не этим. Он бы предпочел женщину постарше. Сначала он нашел ее через телефон службы, но после определенного испытательного срока ему разрешили звонить ей напрямую. В первый раз он разнервничался, будто мальчишка-студент. Он уже достаточно долго не общался с женщинами и даже боялся, что не сможет достойно проявить себя. Глупый страх, как оказалось. Девушке быстро удалось добиться того, чтобы он расслабился, взяв инициативу в свои руки. Ритуал был одинаков, каждый раз. Гилдер звонил в дверь, раздавалось пищание замка, он подымался наверх, где она уже ждала его у открытой двери, натянув радостную улыбку на лицо и черное вечернее платье на тело. Под платьем было настоящее сокровище эротики, из кружев и шелка. Несколько приятных фраз, какие могли бы сказать друг другу любовники во время ежедневного свидания, конверт с наличными, украдкой лежащий на полку, и сразу к делу. Гилдер всегда раздевался первым, потом смотрел, как раздевается она, позволяя вечернему платью упасть на пол, будто занавесу, а затем царственно ступая вперед. Она занималась с ним любовью с энтузиазмом, который не выглядел ни искусственным, ни профессиональным, и в эти короткие минуты Гилдер обретал безмятежность ума, сравниться с которой не могло ничто в его жизни. В момент его оргазма Шона произносила его имя, снова и снова, будто теряя голос от убедительно изображаемого женского удовлетворения. Гилдер, казалось, купался в этих звуках и ощущениях, катался, будто серфер, оседлавший волну на пустынном побережье.

«Почему я не могу видиться с тобой чаще, – все время спрашивала она его после. – Тебе нравится, как я все делаю? Может, чего-то еще хочешь? Мне хочется быть твоей единственной, Гилдер».

«Мне очень нравится, – отвечал он, поглаживая ее шелковистые волосы. – Мне ни с кем не было так хорошо, как с тобой».

Он о ней вообще ничего не знал. По крайней мере реальных фактов. Однако в те недели, после того как он узнал свой диагноз, единственным утешением для его ума была абсурдная мысль о том, что он влюблен в нее. Воспоминания об этих моментах заставляли его стыдиться, да и психологический подтекст был вполне очевиден. Он не хотел умереть в одиночестве. Однако в моменты их свиданий он был абсолютно уверен в этой влюбленности. Он был безумно, безнадежно влюблен. Возможно ли, что Шона разделяет его чувства? Правду ли она говорила, что хочет, чтобы он был у нее единственным? Ведь то, что они делали и говорили друг другу, *не может* быть ложью. Они возносились туда, куда могут попасть лишь те, кто действительно связан друг с другом.

Так, раз за разом, пока он не довел себя до такого состояния, что не мог думать ни о чем, кроме Шоны. Решил, что надо ей что-то подарить – знак его любви. Что-нибудь дорогое,

соразмерное его чувствам. Драгоценность. Это должна быть драгоценность. Не какая-нибудь новая штучка из магазина, нет, нечто личное. Браслет его матери, с алмазами. Воодушевленный своим решением, он завернул коробочку от Тиффани в серебристую бумагу и поехал к дому Шоны. Не вторник, но это не имеет значения. То, что он чувствовал, никому не под силу планировать. Он позвонил и стал ждать. Шли минуты, и это было странно. Шона всегда очень быстро отзывалась на звонок. Он позвонил снова. На этот раз в динамике послышался шум, а затем он услышал ее голос.

– Привет?

– Это Хорос.

Пауза.

– У меня тебя нет в списке. Точно? Может, я ошиблась. Ты звонил?

– У меня кое-что для тебя.

Ни звука в динамике.

– Погоди немного, – послышалось после паузы.

Прошла еще пара минут. Гилдер услышал шаги на лестнице. Может, замок не работает. Шона решила спуститься и открыть сама. Однако на улицу вышла не Шона. Мужчина. Лет шестидесяти, лысый, крепкого сложения, с заплывшим лицом русского гангстера, в мятом костюме в полоску и распушенным галстуком. Ситуация была очевидна, но в тогдашнем возбужденном состоянии рассудок Гилдера не осознал ее. Мужчина вышел, едва глянув на Гилдера по пути.

– Везет тебе, – сказал он, подмигивая.

Гилдер быстро пошел вверх по лестнице. Постучал три раза, ждал, с нарастающей тревогой. Наконец дверь распахнулась. На Шоне было не платье, только шелковый халат, стянутый поясом. Волосы всклокочены, макияж смазан. Наверное, он застал ее, когда она прилегла вздремнуть.

– Хорос, что ты здесь делаешь?

– Извини, – ответил он, и у него внезапно перехватило дыхание. – Я знаю, что должен был позвонить.

– Если по правде, то ты совершенно не лучшее время выбрал.

– Я только на минуту. Пожалуйста, можно я войду?

Она скептически оглядела его, но затем ее взгляд смягчился.

– Ладно, хорошо. Только недолго.

Она отошла в сторону, пропуская его. В квартире все выглядело как-то иначе, но Гилдер не мог понять, что именно. Казалось, что здесь грязно, и воздух какой-то спертый.

– И что же это у нас? – спросила она, глядя на коробочку в серебристой обертке. – Хорос, тебе не следовало этого делать.

Гилдер протянул коробочку ей.

– Это тебе.

Ее глаза потеплели, и она развернула обертку. Вынула браслет.

– Как трогательно. Чудесная вещь.

– Это наследственное. Он принадлежал моей матери.

– Это делает его еще более особенным.

Она быстро поцеловала его в щеку.

– Погоди минуту, малыш, я немного приберусь и приду к тебе.

Его захлестнула громадная волна любви. Потребовалось все самообладание, чтобы не обхватить ее руками и не поцеловать в губы.

– Я хочу любить тебя. По-настоящему любить.

Она поглядела на часы.

– Ну, хорошо. Если это то, чего ты хочешь. Но у меня нет целого часа.

Гилдер начал раздеваться, лихорадочно расстегивая ремень и сдергивая подтяжки. Что-то не так. Он чувствовал, что она в задумчивости.

– Ты ничего не забыл? – спросила она.

Деньги. Вот о чем она спрашивает. Как она может думать о деньгах в такой момент? Ему хотелось сказать, что то, что они пережили вместе, невозможно оценить в долларах и центах, и все в этом духе.

– У меня сейчас с собой нет, – только и смог ответить он.

Она нахмурилась.

– Милый, так дело не пойдет. Ты это знаешь.

Однако к этому моменту Гилдер был в таком возбуждении, что едва мог осознать ее слова. Уже стоял перед ней в одних трусах и майке.

– Ты в порядке? Не очень хорошо выглядишь.

– Я люблю тебя, – сказал он.

Она легкомысленно улыбнулась.

– Чудесно.

– Я сказал, я люблю тебя.

– О'кей, все в порядке. Никаких проблем. Кладешь деньги на комод, и я скажу все, что ты захочешь.

– У меня нет этих чертовых денег. Я тебе браслет дал.

Внезапно в ее глазах не осталось ни теплоты, ни даже дружеского расположения.

– Хорос, в этом бизнесе платят наличными, ты знаешь. Мне не нравится то, что ты говоришь.

– Прошу, позволь мне заняться любовью с тобой.

У Гилдера стучал пульс в ушах.

– Ты можешь продать браслет, если захочешь. Он стоит кучу денег.

– Я так не думаю, малыш, – ответила она с нескрываемым презрением. – Жаль говорить тебе, но это стекло. Я не знаю, кто тебе его продал, но ты должен получить деньги обратно. А теперь давай, будь умницей. Ты знаешь правила.

Ему хотелось сказать ей, что он чувствует. В отчаянии он протянул к ней руки, но его ноги стояли, запутанные в упавших брюках. Шона резко вскрикнула, и в следующий момент Гилдер понял, что уже растяннулся на полу. Подняв взгляд, он увидел направленный в его голову пистолет.

– Проваливай на хрен.

– Прошу, – застонал он, хрипло, сквозь слезы. – Ты говорила, что хочешь быть единственной.

– Я много чего говорю. А теперь убирайся отсюда вместе со своим дерьмовым браслетом.

Он с трудом поднялся на ноги. Никогда в жизни он не испытывал такого унижения. И тем не менее все еще чувствовал любовь. Безнадежную, отчаянную любовь, которая пожирала его целиком.

– Я умираю.

– Все мы умираем, малыш, – ответила она, махнув пистолетом в сторону двери. – Делай, как я сказала, пока я тебе яйца не отстрелила.

Он понимал, что больше никогда не сможет встретиться с ней. Как он мог быть таким глупцом? Доехав до дома, он поставил машину в гараж, заглушил мотор и закрыл ворота с пульта. Сидел в машине целых тридцать минут, не в состоянии собраться с силами и пошевелиться. Он умирает. Он выставил себя идиотом. Он больше никогда не встретится с Шоной, поскольку ничего для нее не значит.

И тогда он понял, почему он до сих пор сидит в «Камри». Всего-то просто надо снова завести мотор. Все равно что уснешь. Тогда он уже никогда не будет думать ни о Шоне, ни о

Проекте НОЙ, ни о жизни в тюрьме умирающего тела, ни о необходимости ходить к отцу в Центр Реабилитации. Ни о чем. Все заботы окончатся, вот и все. Повинуясь необъяснимому импульсу, он снял часы и вынул бумажник из заднего кармана. Положил на приборную панель. Так, будто собирался лечь спать. Наверное, обычно в таких случаях пишут записку, но что ему писать? И для кого?

Он трижды пытался заставить себя повернуть ключ. И трижды решимость оставляла его. Он вдруг почувствовал, насколько это глупо – сидеть в машине вот так. Еще одно унижение. Ничего не оставалось, лишь надеть часы, убрать бумажник в карман и идти в дом.

Гилдер ехал домой из Маклина, и тут зазвучал сигнал смартфона. Нельсон.

– Они двинулись.

– Где?

– Везде. Юта, Вайоминг, Небраска. Большая группа собирается на севере Канзаса.

Пауза.

– Но я не поэтому звоню.

Гилдер поехал напрямик на работу. Нельсон встретил его в коридоре.

– Мы зафиксировали сигнал незадолго до заката. С вышки к западу от Денвера, в городке под названием Сильвер Плум. Пришлось повозиться, но я смог попросить об одолжении в Министерстве Внутренней Безопасности, чтобы они немного изменили полетное задание одному из беспилотников и попробовали получить картинку.

Когда они дошли до монитора, Нельсон показал Гилдеру фотографию черно-белую плохого качества. Но не девочки. Мужчины. Стоящего рядом с пикапом на обочине шоссе. Похоже, вылез, чтобы отлить.

– Кто это, черт подери? Один из врачей?

– Один из ребят Ричардса.

Гилдер посмотрел на него в недоумении.

– О чем ты говоришь?

На мгновение у Нельсона сделался смущенный вид.

– Извини, я думал, ты в курсе. Эти ребята под наблюдением за сексуальные преступления.

Одна из идей Ричардса. В целях безопасности весь гражданский персонал для шестого уровня набирался через национальную базу данных.

– Ты мне мозги паришь.

– Ни разу не парю.

Нельсон постучал по изображению пальцем.

– Вот этот – единственный выживший из всего Проекта НОЙ – он педофил долбаный.

8

Пикап накрылся утром, на второй день с того момента, как Грей выехал.

Еще не было и полудня, солнце стояло высоко в небе. После бессонной ночи в «Мотел Сикс», рядом с Лидвиллем, Грей выехал на семидесятую, рядом с Вэйлом, и поехал в сторону Денвера. До самого Голдена шоссе было практически чистым, но когда он добрался до пригородов, с их огромными гипермаркетами и просторными микрорайонами, ситуация начала меняться. Местами шоссе было забито брошенными машинами, и ему пришлось съехать на служебную дорогу. Огромные стоянки вдоль шоссе представляли собой картины застывшего хаоса. Витрины магазинов разбиты, товары разбросаны по тротуарам. И неподвижность здесь стала иной – не просто отсутствие звуков, но нечто более глубокое и зловещее. Множество тел, без голов, как тот мужчина, повисший на дереве у «Ред Руф». Может, Зиро и остальным больше нравились головы, подумал Грей.

Он изо всех сил старался смотреть только на дорогу, так, чтобы видеть картины бойни и разрушений лишь краем глаза. Странная, кипящая внутри энергия, которую он ощутил еще в «Ред Руф», не иссякала. Его мозг гудел, будто струна. Он не спал полтора дня, но не устал. И не проголодался, что было вовсе на него не похоже. Грей привык закидывать в себя еду, но почему-то теперь мысль о пище ничуть не казалась ему привлекательной. В Лидвилле он взял «Бэби Рут» из торгового автомата в вестибюле «Мотел Сикс», решив, что надо попытаться что-то закинуть себе в желудок, но не смог даже поднести батончик ко рту. От одного запаха внутренности скрутило. Он буквально носом чуял все консерванты, мерзкий химический запах, будто промышленное средство для мытья полов.

К тому времени, когда вдали показались высокие здания центра города, Грей понял, что с шоссе придется съехать. Объехать другие машины было уже просто невозможно, и чем дальше, тем хуже. Свернув на стоянку «Сэвен-Илэвэн», он посмотрел на карту. Лучше всего объехать по кругу с юга, решил он. Чистая догадка. Он совершенно не ориентировался в Денвере.

Он свернул на юг, потом снова на восток, пробираясь через ближние пригороды. Везде одно и то же, ни единой живой души. Хорошо бы, хоть радио бормотало, не так одиноко было бы, но он прокрутил весь диапазон и не услышал ничего, кроме треска помех, который он уже полтора дня слушал. Некоторое время он сигналил, подумав, что так, может, привлечет внимание кого-нибудь, оставшегося в живых, но вскоре бросил это дело. Здесь никого не осталось, чтобы услышать его сигналы. Денвер превратился в один большой склеп.

К тому моменту как заглох мотор, Грей уже погрузился в состояние полнейшего отчаяния, такого, что прошло несколько секунд прежде, чем он это заметил. Тишина вокруг была столь тревожной, что он уже подумывал, что больше не увидит ни единой живой души – что весь мир, а не только Денвер полностью лишился человеческих обитателей. И тут вдруг понял, что произошло. Мотор заглох, но пикап еще несколько секунд катился по инерции. Руль тоже заклинило, и Грею оставалось лишь сидеть и ждать, пока машина остановится сама.

«Боже, – подумал он, – только этого мне не хватало».

Он сунул револьвер Игги в карман комбинезона, вылез наружу и поднял капот. У Грея побывало достаточно подержанных машин, и он сразу увидел порвавшийся ремень вентилятора. Логично было бы бросить пикап и просто найти другую машину, у которой есть ключи в замке. Он оказался на широком бульваре, по сторонам которого возвышались огромные прямоугольные здания торговых центров. «Бест Бай», «Таргет», «Хоум Депо». Нешадно палило солнце. На стоянке у каждого здания было много машин, даже несколько пикапов. Но у Грея не хватало смелости заглядывать внутрь, зная, что он там увидит. В конце концов, он не раз сам менял ремень вентилятора. Ему нужны ремень и простейший инструмент, отвертка и пара

ключей, чтобы отрегулировать натяжение. Может, в «Хоум Депо» есть отдел автозапчастей. Стоит посмотреть.

Он перешел дорогу и направился к открытой двери. Решетчатый контейнер с баллонами с пропаном у входа был взломан, и в нем не было ни одного баллона, в остальном повреждений никаких. Шеренга газонокосилок, состегнутых между собой цепью, как и выставленная мебель для патио, уже присыпанная желтой пылью. Вроде все остальное на месте, только на большом дощатом щите на стене написано краской из баллончика: «Генераторов не осталось».

Достав из кармана револьвер, Грей вошел внутрь. Электричества нет, но, судя по тому, что видно от входа, некоторое подобие порядка сохранилось. Многие полки очистили от товаров, но мусора на полу почти нет.

Выставив револьвер перед собой, он осторожно пошел дальше, вдоль витрин, поглядывая на знаки над проходами в поисках указателя «Автозапчасти».

Он прошел почти половину рядов, когда вдруг что-то услышал. И стал как вкопанный. Мгновение было тихо, а потом снова какой-то звук, впереди слева. Тихий шорох и еле слышное бормотание. Сделав два шага вперед, Грей выглянул за угол.

Там была женщина. Она стояла перед витриной с образцами краски. На ней были джинсы и мужская сорочка. Ее волосы, светло-каштановые с более светлыми прядями, были зачесаны за уши, их удерживали дужки темных очков, которые женщина сдвинула на макушку. А еще она была беременна – не так, что ребенок-может-родиться-в-любую-минуту, но достаточно беременная. Грей смотрел, как она вытаскила маленький квадратик с образцом цвета краски. Еще несколько квадратиков она держала в руке. Покрутила его так и эдак, задумчиво хмурясь. А потом поставила обратно.

Это зрелище было для него настолько неожиданным, что некоторое время Грей мог лишь в немом изумлении смотреть на нее. Что она здесь делает? Прошло секунд тридцать, не меньше, а женщина так и не осознала его присутствия, полностью погруженная в свое загадочное занятие. Не желая напугать ее, Грей аккуратно положил револьвер на полку открытого шкафа и осторожно шагнул вперед. И что ему ей сказать? Он никогда не был хорош по части того, чтобы начинать разговор. Вообще не особо с людьми говорил, если честно. И для начала просто прокашлялся.

Женщина бросила на него быстрый взгляд через плечо.

– О, как раз вовремя, – сказала она. – Я уже тут двадцать минут стою.

– Леди, что вы здесь делаете?

Она повернулась к нему, перестав смотреть на витрину.

– Это отдел красок или нет?

Она держала в руках квадратики образцов веером, как игральные карты.

– Я уж думала, может, оттенок «Садовая калитка» подойдет, но не могу понять, слишком темно.

Грей стоял в полнейшем ошеломлении. Она хочет, чтобы он помог ей выбрать краску?

– Наверное, никто вас об этом не спрашивает, понимаю, – добавила она поспешно. Слишком поспешно, подумал Грей.

– Просто «налейте банку и возьмите у меня деньги». Уверена, все так говорят. Но я ценю мнение того, кто разбирается в своем деле. Итак, что вы думаете? С профессиональной точки зрения.

Грей уже стоял меньше, чем в метре от нее. Изящное бледное лицо, еле заметные морщинки в уголках глаз.

– Я думаю, вы ошиблись. Я здесь не работаю.

Она прищурилась, глядя на его лицо.

– Не работаете?

– Леди, здесь никто не работает.

На ее лице появилось недоумение. Но мгновенно исчезло, и ее тонкие черты сложились в гримасу раздражения.

– Ох, могла бы и сама догадаться, – сказала она, отмахиваясь. – Пытаться найти здесь хоть кого-то, кто поможет, – все равно что зубы драть. Ладно. Как я уже сказала, мне нужно понять, какой из этих цветов лучше всего подойдет для детской.

Она застенчиво улыбнулась.

– Полагаю, очевидно, что я в положении.

Грею доводилось раньше встречаться с безумцами, но эта женщина их переплюнула.

– Леди, я не думаю, что вам стоит здесь находиться. Это небезопасно.

Снова короткий отрезок времени, прежде чем она ответила так, будто она сначала воспринимала его слова, а в следующее мгновение меняла их в уме, придавая им иное значение.

– Если честно, вы говорите совсем, как Дэвид. По правде говоря, с меня уже достаточно таких разговоров.

Она тяжело вздохнула.

– Ладно, значит, «Садовая калитка». Мне нужно два галлона полуматовой, будьте добры. Прошу прощения, но я немного спешу.

Грей был окончательно сбит с толку.

– Вы хотите, чтобы я продал вам краску?

– Ну, менеджер вы или нет?

Менеджер? Когда все это случилось? Грей вдруг начал понимать, что женщина не прикидывается.

– Леди, вы знаете, что происходит вокруг?

Она сняла с полки две банки и протянула ему.

– Я скажу вам, что тут происходит. Я покупаю краску, и вы вмешаете мне в нее колер, мистер... кажется, я не знаю вашего имени.

Грей сглотнул. Что-то в этой женщине сделало его абсолютно беспомощным, так, будто его тащила на веревке взбесившаяся лошадь.

– Грей, – ответил он. – Лоуренс Грей.

Она выставила руки вперед и заставила его взять банки. Боже, еще немного, и она заставит его заполнить заявление о поступлении на работу. Если это продлится чуть дольше, он никогда не найдет ремень вентилятора.

– Итак, мистер Грей. Мне нужно два галлона оттенка «Садовая калитка», будьте добры.

– Э, я не знаю как.

– Конечно же, знаете.

Она махнула рукой в сторону прилавка.

– Просто засуньте их в эту-как-ее-там.

– Леди, я не могу.

– Что значит, не можете?

– Ну, для начала нет электричества.

Эти слова, похоже, возымели некий эффект. Женщина задрала голову и посмотрела на потолок.

– Ну, наверное, да, – небрежно ответила она. – Тут действительно несколько темно.

– Это я и пытался вам сказать.

– Ну а почему сразу не сказали? – фыркнула она. – Значит, не «Садовую калитку». Никакого колера, судя по вашим словам. Должна сказать, это меня разочаровывает. Я ведь правда хотела сегодня закончить с детской.

– Леди, я не думаю...

– По правде говоря, этим должен был бы заниматься Дэвид, но нет, он, как обычно, должен был куда-то отправиться спасать мир, а меня оставить торчать дома, как в тюрьме. И, черт

подери, где Иоланда? Прошу прощения. Сами понимаете, после всего, что я для нее сделала, я ожидала в ответ некоторого уважения. Хотя бы позвонила.

Дэвид. Иоланда. Кто все эти люди? Полнейшая путаница и странная, но одно очевидно. Эта несчастная женщина, кто бы она ни была, совершенно одна. Если Грей не найдет способ вытащить ее отсюда, она долго не протянет.

– Может, вам просто белым покрасить, – предложил он. – Уверен, у них достаточно белой краски.

Она скептически поглядела на него.

– И с чего бы мне хотеть покрасить белым?

– Ну, говорят же, что белое со всем сочетается.

Боже милосердный, что он несет, будто один из этих педиков с телевидения. Но это было единственное, что пришло ему в голову.

– С белым можно сделать все, что угодно. Может, поставить в комнате что-то другого цвета. Занавески повесить, все такое.

Она на мгновение задумалась.

– Я не знаю. Белый выглядит слишком простым. С другой стороны, я хочу закончить с покраской сегодня.

– Именно, – сказал Грей. Из всех сил постарался улыбнуться. – Именно это я и хотел сказать. Вы можете покрасить белым, а потом придумать все остальное, когда увидите, как это выглядит. Я бы порекомендовал сделать так.

– А белый сочетается с чем угодно. Насчет этого вы правы.

– Вы же сказали, что это детская, так? Может, позднее решите добавить бордюр, чтобы слегка разнообразить. Сами понимаете, с кроликами, чем-то таким.

– Вы сказали, с кроликами?

Грей сглотнул. Откуда это пришло ему в голову? Кролики были любимой едой «светлячков». Он видел, как Зиро пожирал их, пачками.

– Точно, – с трудом сказал он. – Кролики всем нравятся.

Он увидел, что эта мысль заняла ее. Что ставит следующий вопрос. Предположим, женщина согласится уехать, что тогда? Он не может оставить ее одну. Вопрос еще в том, какой у нее срок. Пять месяцев? Шесть? В этих делах он не разбирался.

– Ну, на самом деле, думаю, у вас здесь есть что-нибудь такое, – сказала женщина, кивая изящным подбородком. – Похоже, у нас схожие вкусы, мистер Грей.

– Просто Лоуренс, – ответил он.

Она улыбнулась и протянула руку.

– Зовите меня Лайла.

Только тогда, когда он уже уселся в «Вольво», принадлежащий Лайле – которая действительно оставила купюры на одной из касс, написав записку, что еще вернется, – Грей понял, что где-то в промежутке времени между тем, как он нес банки к машине и они положили их в багажник, она успешно уговорила его покрасить ей детскую. Он не мог вспомнить, чтобы он выразил согласие словами, это просто случилось, и в следующий момент они уже ехали, женщина вела машину по улицам пустого города, мимо брошенных легковушек и раздувшихся тел, перевернутых армейских грузовиков и еще дымящихся развалин жилых комплексов.

– Действительно, – сказала она, объезжая на «Вольво» обгорелый остов пикапа службы «ФедЭкс» и едва глянув на него. – Можно подумать, у людей ума не хватает вызвать аварийную службу, а не бросать машину посреди дороги.

А еще она продолжала безостановочно трещать насчет детской. Его слова насчет кроликов упали на благодатную почву. Перемежая свои слова едкими замечаниями насчет Дэвида, который, как понял Грей, приходился ей мужем. Судя по всему, он куда-то уехал, оставив ее

дома одну. Если судить по тому, что он видел вокруг, скорее всего он погиб. Быть может, женщина была безумна и прежде, но Грей в этом сомневался. Что-то плохое с ней случилось, очень плохое. Как-то это называется. Пост-травматическое-что-то-там. Женщина знала это, но не осознавала. Ее сознание, охваченное ужасом, защищало ее от страшной правды – правды, которую Грею рано или поздно придется ей рассказать.

Они приехали к ней домой, к большому кирпичному особняку в тюдоровском стиле, будто парящему над землей. Грей уже понял, что женщина не из бедных, судя по тому, как она с ним разговаривала, но тут есть что-то еще. Грей достал вещи из багажника «Вольво» – в дополнение к краске она взяла упаковку валиков, лоток для краски и набор кистей – и пошел вверх по ступеням. Лайла уже возилась с ключами.

– Сейчас, она всегда немного заедает.

Она толкнула дверь плечом, и изнутри хлынула волна затхлого воздуха. Грей вошел в прихожую следом за ней. Он ожидал, что внутри дома будет обстановка наподобие замка, с плотными шторами, вычурной мебелью и канделябрами, однако, напротив, обстановка была больше похожа на офис, чем на место, где живут. Большая арка слева вела в столовую, которую занимал большой стеклянный стол и несколько неудобного вида стульев, справа оказалась гостиная, большое пустое пространство, чей простор нарушали лишь диван с низкими подлокотниками и черное пианино. На мгновение Грей остановился, тупо держа в руках банки с краской и пытаясь собраться с мыслями. Он ощущал запахи. Едкий запах застарелого мусора, идущий из глубины дома.

Молчание затягивалось, и Грей судорожно пытался придумать, что же ему сказать.

– Вы играете? – спросил он.

Лайла положила сумочку и ключи на небольшой столик у двери.

– Играю что?

Грей показал на пианино. Она повернула голову, глянув на музыкальный инструмент с легким испугом.

– Нет, – ответила она, хмурясь. – Это была идея Дэвида. Несколько претенциозно, на мой взгляд.

Она повела его вверх по лестнице. Воздух здесь был еще более спертый и жаркий. Потом Грей пошел следом за ней по застеленному ковром коридору.

– Вот мы и пришли, – провозгласила она.

Комната выглядела непропорционально скромной, учитывая размеры дома. В углу стояла стремянка, пол был застелен пластиковой пленкой, приклеенной к доскам. В лотке с краской, которая уже засохла от жары, лежал валик. Грей прошел чуть дальше. Видимо, изначально комната была выкрашена в нейтральный кремовый цвет, но кто-то – видимо, Лайла – прокатал по стене беспорядочные широкие полосы желтого цвета. Чтобы закрасить это, придется три слоя положить.

Лайла стала в дверях, уперев руки в бедра.

– Вероятно, все и так видно, – сказала она, подмигивая. – Из меня плохой маляр. Уж точно не профессионал, такой как вы.

Опять это, подумал Грей. Раз уж он решил играть по правилам, то нет смысла убеждать ее в том, что он не умеет делать это.

– Вам что-то еще надо, прежде чем вы начнете?

– Думаю, нет, – с трудом сказал Грей.

Она зевнула, прикрывая рот ладонью. Казалось, на нее нахлынула внезапная усталость, так, будто она на глазах медленно сдувалась, как воздушный шар.

– Тогда, полагаю, не стоит вам мешать. Я собираюсь прилечь ненадолго.

И с этими словами она его оставила. Грей услышал щелчок двери в коридоре. Что ж, черт побери, подумал он. В последнюю очередь он мог бы себе представить, что станет красить

детскую в доме какой-то богатой леди, когда очнулся в «Ред Руф». Он прислушался, но больше ничего не услышал. Наверное, самым смешным было то, что Грею было плевать на самом деле. Женщина свихнулась, а еще изрядно командовать любит. Но по сути, он не обманул ее насчет того, кто он такой. Она просто и не спрашивала. Хорошо, когда тебе кто-то доверяет, даже если ты этого не заслуживаешь.

Он принес все из прихожей и принялся за дело. Не то чтобы раньше ему много приходилось красить, но это не ракеты в космос запускать. Он быстро вошел в ритм, а сознание очистилось от мыслей. Он уже почти забыл, как очнулся в «Ред Руф», забыл Зиро и Ричардса, забыл Шале и все остальное. Миновал час, потом другой, он уже прокрашивал углы у потолка, когда в дверях появилась Лайла, с подносом, на котором был бутерброд и стакан воды. Она переделалась в хлопковое платье для беременных, с высокой талией, которое, несмотря на свободный крой, придавало ей еще более беременный вид.

– Надеюсь, тунец вам нравится.

Он спустился со стремянки, чтобы взять поднос. Хлеб был покрыт пушистой зеленой плесенью, от бутерброда исходил запах протухшего майонеза. Желудок Грея дернуло.

– Может, попозже, – выпалил он. – Хочу сначала второй слой положить.

Лайла ничего не ответила, сделав шаг назад, и огляделась.

– Должна сказать, это действительно выглядит лучше. *Намного* лучше. Даже не знаю, почему я раньше насчет белого не подумала.

Она снова поглядела на Грея.

– Надеюсь, Лоуренс, вы не сочтете меня слишком настойчивой и не подумайте лишнего, но вам есть где остановиться на ночь?

Этот вопрос застал Грея врасплох. Так далеко он в мыслях не заходил. Вообще ни о чем наперед не думал, так, будто безумие этой женщины оказалось заразным. Конечно же, она хочет, чтобы он остался. После стольких дней в одиночестве она вряд ли его так просто отпустит. Постарается удержать рядом. Кроме того, а куда ему еще деваться?

– Хорошо. Значит, договорились, – сказала она и нервно усмехнулась. – Должна сказать, что испытываю облегчение. Я чувствовала себя такой виноватой, втравив вас во все это и даже не спросив, есть ли вам куда еще пойти. А вы мне так помогли.

– Все о'кей, – ответил Грей. – В смысле буду рад остаться.

– Не стоит благодарности.

Похоже, разговор был окончен, и Лайла пошла к двери, но остановилась в дверях и сморщила нос с отвращением.

– Простите за бутерброд. Думаю, он не слишком аппетитный. Я все собираюсь выбраться на рынок. Но обязательно приготовлю вам чудесный ужин.

Грей проработал весь день, закончив третий слой, когда солнце уже клонилось к закату и светило в окна. Надо сказать, получилось неплохо. Сложив валики и кисти в лоток, он спустился по лестнице и пошел по коридору на кухню. Как и в остальных комнатах дома, здесь все выглядело современно и утилитарно – белые шкафчики, черные гранитные столешницы, сверкающая хромом кухонная техника. Эффект портили лишь мусорные мешки, лежащие грудями и воняющие испортившейся едой. Лайла стояла у плиты – газовая, похоже, еще работает – мешая что-то в кастрюле при свете свечи. На столе стояла фарфоровая посуда, лежали салфетки и столовые приборы. Стол даже был накрыт скатертью.

– Надеюсь, вам нравятся помидоры, – сказала она, улыбаясь ему.

Лайла отвела его в небольшую комнату, смежную с кухней, где была мойка. Воды, чтобы вымыть кисти, не было, и Грей просто оставил их в раковине. Мысль о томатном супе показалась ему отталкивающей, но придется заставить себя и сделать вид, что ешь. Этого просто невозможно избежать. К тому времени, когда он вернулся на кухню, Лайла уже разливала в

две чашки суп, от которого шел пар. Потом отнесла чашки на стол и выложила на тарелку крекеры «Ритц».

– Приятного аппетита.

От первой ложки его едва не стошнило. Это даже не было похоже на еду. Преодолевая все свои инстинкты, он заставил себя проглотить. Сидящая напротив Лайла, похоже, даже не заметила его проблем, разламывая крекеры. Насыпала их в суп и принялась есть. Усилием воли Грей заставил себя съесть вторую ложку. Потом третью. Он ощутил, как суп улегся внизу его желудка, будто некая инертная масса. Когда он попытался съесть четвертую ложку, живот сдавило, будто тисками.

– Прошу прощения.

Стараясь не бежать, он вышел в подсобку и добрался до раковины как раз вовремя. Обычно его тошнило громко, но не в этот раз. Суп вылетел из него совершенно беспрепятственно. Боже, что же такое с ним? Он ополоснул рот, немного постоял, чтобы прийти в себя, и вернулся за стол. Лайла смотрела на него с тревогой.

– С супом все нормально? – опасливо спросила она.

Он на него даже смотреть не мог. Интересно, в состоянии ли она почувствовать запах рвоты.

– Все в порядке, – с трудом сказал он. – Я просто... не очень голоден, наверное.

Похоже, этот ответ ее удовлетворил. Она долго смотрела на него, прежде чем снова заговорить.

– Надеюсь, что вы не обидитесь, Лоуренс. Вы, случайно, не ищете работу?

– В смысле еще что-то покрасить?

– Ну, наверное, и это. Но есть и другие дела. У меня такое впечатление, простите, если я поспешна в выводах, что вы немного... не у дел. Ничего страшного. Не поймите меня неправильно. С людьми всякое случается.

Она прищурилась, глядя на него.

– Но вы ведь действительно не работаете в «Хоум Депо», не так ли?

Грей покачал головой.

– Я так и думала! Правда, вы нашли меня, когда я там уже некоторое время ходила. В любом случае вы прекрасно выполнили работу. *Прекрасно.* И это лишь подтверждает мои слова. Если понимаете, о чем я. Потому что я хотела бы помочь вам снова стать на ноги. Вы очень мне помогли, и я хочу отплатить вам за это. Господь свидетель, тут очень много нужно сделать, поскольку Дэвида нет, где бы он там ни был. Наклеить бордюры, еще, конечно же, проблемы с электричеством, а еще газон, ну, вы видели газон...

Если он не остановит ее прямо сейчас, понял Грей, то он отсюда никогда не выберется.

– Леди...

– Прошу.

Она подняла руку и тепло улыбнулась ему.

– Лайла.

– О'кей, Лайла.

Грей сделал глубокий вдох.

– Вы не заметили ничего... странного?

Она удивленно нахмурилась.

– Не понимаю, что вы имеете в виду.

Потихонечку, главное потихонечку, подумал Грей.

– Типа, например, электричества.

– А, это, – ответила она и небрежно махнула рукой. – Вы уже упоминали об этом в магазине.

– Вам не кажется странным, что оно до сих пор не включилось? Вы не думали, что все уже должны были починить?

На ее лице появилось еле заметное беспокойство.

– Ни малейшего понятия. Если честно, я не понимаю, к чему вы клоните.

– И Дэвид, вы говорили, что он не звонил. Как долго?

– Ну, он человек занятой. Очень занятой человек.

– Я не думаю, что это причина того, что он не звонил.

– Не думаете, – абсолютно ровным голосом сказала она.

– Нет.

Лайла прищурилась и поглядела на него с подозрением.

– Лоуренс, вы знаете что-то, но не говорите? Поскольку, если вы друг Дэвида, надеюсь, что вы проявите себя достойно и скажете мне.

С тем же успехом Грей мог попытаться муху на лету поймать.

– Нет, он не мой друг. Я просто хочу сказать...

Ничего не подделаешь, придется сказать все как есть.

– Вы заметили, что вокруг нет людей?

Лайла напряженно смотрела на него, скрестив руки поверх выпуклого живота. В ее глазах горела едва сдерживаемая ярость. Потом она резко встала, схватила пустую чашку со стола и понесла к раковине.

– Лайла...

Она резко дернула головой, даже не поглядев на него.

– Я не желаю, чтобы вы так говорили.

– Нам надо выбираться отсюда.

Она с грохотом кинула чашку в раковину и повернула рычаг. Принялась резко дергать его вверх-вниз, без особого эффекта.

– Проклятье, воды нет. *Почему долбаной воды нет?*

Грей встал. Она резко развернулась к нему, сжав кулаки в гневе.

– Как вы не понимаете! Я не могу снова ее потерять! Не могу!

В ее словах не было смысла. Она имеет в виду ребенка? Что она имеет в виду, говоря «снова»?

– Мы не можем остаться.

Он сделал шаг вперед осторожно, так, будто подходил к испуганному животному.

– Здесь небезопасно.

По ее щекам потекли слезы ярости.

– Почему вы сделали это? Почему?

Она принялась молотить его кулаками. И Грей притянул ее к себе, как боксер, входящий в клинч, обхватил ее руками. Это было рефлекторное движение, он просто не знал, что еще сделать.

– Не говорите так, – повторяла она снова и снова, извиваясь в его объятиях. – Не говорите так.

И тут дыхание будто оставило ее, и она повисла на нем.

Они стояли так не одну минуту, неловко обнявшись. Как давно Грей не прикасался к другому человеку? Он и вспомнить не мог. Грей чувствовал ребенка между ними, в ее животе, настойчиво пытающегося привлечь внимание. Ребенок, подумал он. У этой бедной женщины будет ребенок.

Наконец Грей разжал руки и сделал шаг назад. Навязчивой женщины, говорящей отрывисто и снисходительно, той, которую он встретил в «Хоум Депо», больше не было. Вместо нее перед ним стояло хрупкое ранимое создание, едва не ребенок.

– Могу я тебя кое о чем попросить, Лоуренс? – еле слышно спросила она.

Грей кивнул.

– Чем ты раньше занимался?

У него ушла секунда, чтобы понять, что речь идет о работе.

– Убирался, – сказал он, как на исповеди. – Я был уборщиком.

Лайла на мгновение задумалась, глядя на грязный пол.

– Ну, полагаю, в этом ты меня превзошел, – сказала она и вытерла слезы с глаз. – Если по правде, думаю, что я вообще была никем.

В комнате снова воцарилась тишина. Интересно, подумал Грей, что еще она скажет. Никогда в жизни он еще так ужасно не переживал за кого-либо.

– Я уже один раз потеряла ребенка, понимаешь, – сказала Лайла. – Девочку.

Грей ждал.

– В этом не было ничьей вины. Просто так иногда случается.

Как странно. Стоя здесь, в тишине, Грей чувствовал, будто он уже знает все это о ней. Если не в конкретных деталях, то в общем. Все будто разом сложилось, будто в одной из тех картин, которые выглядят бессмысленными вблизи, а потом отходишь назад и все видишь.

– Что ж, – наконец сказала Лайла и протяжно выдохнула. – Полагаю, лучше мне сказать все сразу. Я так понимаю, что ты предлагаешь уезжать завтра же, с утра пораньше. Если я тебя правильно поняла.

– Думаю, так будет лучше всего.

Лайла с тоской поглядела по сторонам.

– Очень плохо на самом деле. Я хотела закончить детскую.

Она снова посмотрела на него.

– Только одно условие. Ты не заставляешь меня думать об этом.

Грей кивнул.

– Мы просто... просто едем на природу. Это понятно?

– О'кей.

Грей ждал, что она скажет что-то еще, но не дождался. Она оставила эту тему так же быстро, как и затронула.

И тут совершенно внезапно ее настроение снова стало хорошим. Ее глаза резко расширились, она едва не смеялась.

– О боже мой, что за сцену я устроила! Поверить не могу!

Ее руки дернулись, касаясь лица и волос.

– Я, должно быть, ужасно выгляжу. Я ужасно выгляжу?

– Думаю, ты хорошо выглядишь, – выпалил Грей.

– Вот приехали, у меня гость дома, а я слезами заливаюсь. Брэда это всегда с ума сводит. Он всегда говорит, Лайла, ради бога, не надо все время столько эмоций выплескивать.

«Снова это имя», – подумал Грей.

– А кто такой Брэд?

Лайла недоуменно нахмурилась.

– Конечно же, мой муж.

– Я думал, твой муж Дэвид.

– Ну да. В смысле Дэвид.

– Но ты сказала...

– Я много чего говорю, Лоуренс. К этому тебе придется привыкнуть. Возможно, ты думаешь, что я просто безумная.

– Я вовсе так не думаю, – солгал Грей.

Она иронически улыбнулась.

– Мы оба знаем, что ты говоришь это только из вежливости. Но я это ценю.

Она снова огляделась и тяжело вздохнула.

– Тяжелый день был, не думаешь? Боюсь, у нас нет подходящей комнаты для гостей, но я тебе на диване постелю. Если не возражаешь, то посуду до утра оставлю и пожелаю тебе доброй ночи.

Грей понятия не имел, что и думать. Будто она на мгновение вышла из транса, а потом рухнула обратно. В дверях она обернулась и снова посмотрела на него.

– Ева, – сказала она.

Грей поглядел на нее.

– Моя дочь, которая умерла, – объяснила Лайла. – Ее звали Ева.

И она ушла. Грей слышал, как она медленно топает по коридору, а потом по лестнице. Убрал со стола тарелки. Хотелось бы их вымыть, чтобы утром она пришла на прибранную кухню, но тут ничего не поделаешь, просто придется сложить в мойку, к остальным.

Взяв со стола свечу, он пошел в гостиную. Но лишь он лег на диван, как понял, что спать он не будет. Мозг пребывал в полной готовности, а еще он до сих пор чувствовал тошноту от супа. Он снова вспомнил то, что произошло на кухне, тот момент, когда он обнял ее. Не обнял по-настоящему на самом деле. Тогда Грей просто хотел, чтобы Лайла не могла дальше колотить его. Но через какое-то время это стало *похоже* на объятия. Это было хорошо. Больше, чем просто хорошо, на самом деле. В этом ощущении не было ничего сексуального, по крайней мере в том смысле, как Грей это помнил. Прошли многие годы с тех пор, как Грей ловил себя на мыслях, хоть отдаленно напоминающих сексуальные. Антиандрогены об этом позаботились. Ко всему женщина еще и беременная, ради всего святого. Что, если задуматься, было, наверное, самым лучшим во всем этом. Беременные женщины не обнимаются направо и налево без причины. Обнимая Лайлу, Грей ощутил, что вступил в некий круг, и внутри этого круга не двое, а трое – ребенок, который тоже был с ними. Может, Лайла безумна, может, и нет. Уж не ему о таком судить. Но он не считал, что это что-то меняет. Она выбрала его, чтобы он ей помог, и он делал именно это.

Грей едва не начал говорить сам с собой, размышляя об этом, и уже почти уснул, когда тишину прорезал звериный визг. Он резко сел на диване, приходя в себя. Звук снаружи. Он быстро подошел к окну.

И только тогда вспомнил про револьвер Игги. Так отвлекся, что оставил его в «Хоум Депо». Как он мог так ступить?

Он прижался лицом к стеклу. Посреди улицы лежал темный комок, размером с лабрадора. И похоже, не шевелился. Грей подождал, затаив дыхание. По верхушкам деревьев скакал какой-то серый силуэт, который вскоре пропал.

Грей понимал, что теперь он всю ночь глаз не сомкнет. Хотя какая разница. Это ощущение будто обдало его холодным душем. Наверху спит Лайла, ей снится мир, которого больше нет, а за стенами дома притаилось чудовищное зло. Зло, частью которого является сам Грей. Перед его глазами снова встала сцена на кухне, Лайла, стоящая у раковины, со слезами отчаяния, льющимися по ее щекам, со сжатыми в гневе кулаками. *Я не могу снова потерять ее, я не могу.*

Он будет сторожить всю ночь, стоя у окна, до утра, а потом, с рассветом, увезет их отсюда к чертям.

Лайла Кайл пребывала в раздумьях в темноте.

Она слышала визг снаружи. Собака, поняла она. Что-то случилось с собакой. Какой-нибудь безмозглый водитель, мчащийся по улице? Наверняка именно это и произошло. Людям нужно лучше следить за своими любимцами.

Не думай, сказала она себе. Не думай не думай не думай.

И Лайла задумалась. Как это, быть собакой. Наверное, в этом есть некоторые преимущества. Существование, полностью лишённое мыслей, в голове ничего, вот тебя еще раз погла-

дили, вот ты погулял по кварталу, вот у тебя еда в животе. Наверное, Роско (потому что это *точно* Роско, его она слышала, бедный Роско) даже не понял, что с ним произошло. Может, совсем чуть-чуть, в самом конце. Только что он шел по улице, все обнюхивая, разыскивая, что съест – Лайла вспомнила, как видела его сегодня утром, когда у него во рту что-то болталось, но тут же выбросила из головы этот неприятный образ – а потом... ну, потом просто не было. Роско отправился в небытие.

А теперь этот мужчина. Этот Лоуренс Грей. О котором, вдруг поняла Лайла, она вообще ничего не знает. Он был уборщиком. Убирался. Что он убирал? Наверное, у Дэвида бы истерика случилась, если бы он узнал, что она пустила в дом совершенно незнакомого человека. Она бы с удовольствием поглядела на лицо Дэвида. Лайла предполагала, что вполне могла и ошибиться в этом человеке, этом Лоуренсе Грее, но ей так не казалось. Она всегда хорошо разбиралась в людях. Конечно, Лоуренс говорил некоторые странные вещи – *очень* тревожные. Насчет выключенного света, пропавших людей, все прочее. (Мертвы, мертвы, все мертвы). Он определенно вывел ее из себя. Но если честно, он прекрасно поработал в детской, а еще, глядя на него, она поняла, что у него сердце не камень. Еще одно любимое выражение ее отца. Что оно может означать? Разве может сердце быть камнем?

«Папа, я же медик, – однажды сказала она ему со смехом. – Говорю тебе, сердце не может быть камнем, не может быть не на месте».

Как тяжело, оказывается, просто думать по-нормальному. А именно это и необходимо. Смотреть на вещи именно так, а не иначе, что бы ни случилось, не отводить взгляд. Иначе мир обрушится, утопит тебя, как волна, и где ты окажешься? Сам по себе дом – не то, о чем она станет тосковать. Она втайне ненавидела его, с того самого момента, как переступила его порог. Показушный размер, слишком много комнат, желтоватое, как от газового фонаря, освещение. Совсем не такой, в каком она и Брэд жили на Мэрибел-стрит – тесном, но очень родном, заполненном всем, что они любили, – как такое может быть? Было дело в доме или в том, кто в нем живет? А здесь чудовищная помпезность, музей небытия. Конечно, это Дэвид придумал. Дом Давидов. Случайно, не из Библии? В Библии много про дома, дом того, дом этого, дом такого, дом сякого. Лайла вспомнила, как маленькой девочкой лежала клубочком на диване и смотрела «Рождество Чарли Брауна». Она любила Снупи не меньше, чем Кролика Питера. Тот момент, когда Линус, умник, тот, что был взрослым, лишь прикидывающимся ребенком, со своим одеялом рассказал Чарли Брауну, по поводу чего вообще Рождество празднуют. *В той стране были на поле пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего. Вдруг предстал им Ангел Господень, и слава Господня осияла их; и убоялись страхом великим. И сказал им Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь.*

Город Давидов, Дом Давидов. Дэвид, Дэвид, Дэвид.

Ребенок, подумала Лайла. Ее мысли должны быть только с ребенком. Не с домом, не со звуками снаружи (там чудовища), не с Дэвидом, который не вернулся домой (мертвый Дэвид), ни с чем иным. Все источники четко свидетельствуют о том неоспоримо, что негативные эмоции влияют на плод. Он думает о том, о чем думаешь ты, он чувствует то, что чувствуешь ты, если ты все время боишься, что тогда? Эти тревожные слова, которые Лоуренс говорил на кухне. Он хотел, как лучше, он просто пытался сделать то, что будет, как он думал, лучше для нее и Евы (Евы?), но должно ли все это быть правдой лишь потому, что он это сказал? Это *теории*. Это его *воззрения*. Не то чтобы она не была согласна. Вероятно, действительно пора уходить. Вокруг стало ужасающе тихо (бедный Роско). Будь здесь Брэд, он бы сказал ей то же самое. Лайла, пора уходить.

Потому что она все время ощущала, что ребенок, которого она носит, – не новый человек в этом мире. С того самого дня, когда она сидела в туалете, зажав меж бедер полоску теста, эта мысль поглощала ее все сильнее. Этот ребенок – не новая Ева, не другая Ева, не замена Еве,

она *и есть* Ева, их маленькая девочка, вернувшаяся домой. Будто мир решил исправить свою ошибку, ужасающую, вселенскую ошибку в виде смерти Евы.

Ей хотелось рассказать об этом Брэду. Больше, чем хотелось. Даже просто произнеся его имя, она ощущала тоску, такую сильную, что на глазах выступали слезы. Она же не собиралась замуж за Дэвида! Зачем Лайла вышла замуж за Дэвида – лицемерного, властного, вечного доброхота Дэвида, – когда она уже замужем за Брэдом? Да еще теперь, когда Ева скоро родится и они снова станут семьей?

Потому что Лайла все еще любила его, вот что. Это самая грустная и печальная загадка во всем этом. Она никогда не переставала любить Брэда, как и он ее, ни на секунду, даже тогда, когда их любовь превратилась в боль, непереносимую для них обоих, когда их маленькой девочки не стало. Они расстались, чтобы забыть это, будучи не в состоянии сделать это, пока они вместе. Скорбная, но неизбежная разлука, как континенты, в незапамятные времена разделившиеся из одного. Они сопротивлялись до самого конца. Лайла вспомнила тот вечер, перед тем как ушел Брэд. Чемоданы в коридоре дома на Мэрибел-стрит, все улажено с юристами, столько слез пролито, что они уже не понимали толком, по ком плачут. Общее состояние, будто ненастье. Мир непрекращающихся слез. Тогда он пришел к ней в спальню, куда уже давно не приходил, залез под одеяло, и еще на один час они снова стали парой, молча двигаясь в темноте, их тела, которые все еще желали того, что уже не могли вынести их сердца. Они не сказали друг другу ни слова. Наутро Лайла проснулась одна.

Но теперь все изменилось. Ева родится! Ева уже почти тут! (Мертвы, мертвы, все мертвы.) Ей надо написать Брэду письмо, вот, она точно это сделает. Конечно, он же должен прийти и увидеть ее, уж такой он человек. На Брэда всегда можно положиться, когда весь мир летит к чертям собачьим. Что, если он придет, а ее здесь нет? Воодушевленная своим решением, Лайла подползла к небольшому столику, не вставая, чтобы ее не было видно в окно. Не сразу нашла в ящичке карандаш и пачку листов бумаги для блокнота. Ну, как же это написать? «Я уезжаю. Я точно не знаю куда. Жди меня, мой дорогой. Я люблю тебя. Скоро здесь будет Ева». Коротко и ясно, изящно и по сути дела. Удовлетворенная, она сложила листок втрое, сунула в конверт, написала снаружи «Брэд» и положила на стол, чтобы не забыть про него утром.

Снова легла. Письмо словно смотрело на нее из другого конца комнаты, светящийся в темноте белый прямоугольник. Закрыв глаза, Лайла провела руками вниз по круто вздымающемуся животу. Ощущение полноты, а потом изнутри еле ощутимый толчок, потом еще один, и еще. Ребенок икал. Ик! Крохотный малыш. Не открывая глаз, Лайла позволила этому ощущению поглотить ее. Внутри ее, ниже ее сердца ожидала своего рождения крохотная жизнь, но, более того: она, Ева, возвращалась домой. Этот день приближается, Лайла понимала это. Ее сознание скользило по волнам сна, будто серфер по волнам океана. В любой момент волна может захлестнуть ее, и она окажется под водой. От прикосновения пальцев к животу Ева успокоилась. «Я люблю тебя, Ева», – подумала Лайла Кайл. И с этой мыслью она уснула.

9

Было уже почти десять утра, когда они добрались до Майл Хай. Проезжая по центру города, Дэнни пришлось лавировать между баррикадами, как в лабиринте. «Хамви», пулеметные точки, обложенные мешками с песком, даже пара танков. Ему много раз приходилось сдавать назад и искать пути объезда, и каждый раз он снова видел, что проезд перекрыт. Наконец, когда утренний туман уже окончательно рассеялся под лучами солнца, он нашел проезд, под развязкой, и выехал к стадиону.

На стоянке, под лучами утреннего солнца выстроились ряды палаток цвета хаки. Стояла зловещая тишина. Палатки окружало кольцо из машин, легковых, «Скорой помощи» и полицейских. Многие выглядели как после аварии – с разбитыми стеклами, оторванными бамперами, сорванными с петель дверьми. Дэнни остановил автобус.

Они вышли и сразу же погрузились в смрад разложения, такой сильный, что Дэнни едва не стошнило. Хуже, чем у мамы, хуже, чем все эти тела, которые он увидел за это утро, пока шел на автостанцию. Этот запах будто сам проникал внутрь, оседая во рту и в носу, чтобы остаться там не на один день.

– Привет! – крикнула Эйприл. Ее голос эхом отдался над стоянкой. – Есть здесь кто-нибудь? Эгей!

У Дэнни скрутило живот от нехорошего предчувствия. От запаха, но и от чего-то еще. Очень хреновое предчувствие.

– Эгей! – снова крикнула Эйприл, сложив руки рупором. – Кто-нибудь меня слышит?

– Может, нам стоит уйти, – предложил Дэнни.

– Здесь должны были быть военные.

– Возможно, они уже ушли.

Эйприл сняла рюкзачок, расстегнула молнию и достала молоток. Взмахнула, будто оценивая его вес.

– Тим, держись рядом со мной. Понял? Никуда не отходи.

Мальчик так и стоял у ступенек автобуса, продолжая тереть нос.

– Но пахнет отвратно, – в нос сказал он.

Эйприл надела рюкзачок на плечи.

– Во *всем городе* пахнет отвратно. Просто смирись с этим. А теперь пошли.

Дэнни тоже никуда не хотелось идти, но девушка была настроена решительно. И он пошел следом за ними, пробираясь между машин. Шаг за шагом, Дэнни начинал осознавать, что он видит перед собой. Машины расставили вокруг палаток в качестве линии обороны. Как во времена пионеров, когда поселенцы ставили в круг фургоны, чтобы обороняться от индейцев. Но Дэнни знал, что тут не было никаких индейцев. И похоже, то, что здесь случилось, уже закончилось давным-давно. Где-то здесь трупы – запах становился все сильнее, по мере того как они шли дальше, но пока они ни одного не увидели. Так, будто все попросту исчезли.

Они дошли до первого ряда палаток. Эйприл откинула клапан, вскинув молоток, готовая ударить. Внутри была мешанина из опрокинутых носилок, стоек для капельниц и мусора – бинтов, шприцев и медицинских лотков. Но ни одного тела.

Они заглянули в другую палатку, потом в еще одну. Все то же самое.

– Так, куда, черт подери, все подевались? – спросила Эйприл.

Оставалось лишь осмотреть сам стадион. Дэнни не хотел идти туда, но для Эйприл ответа «нет» не существовало. Если военные сказали, чтобы все шли сюда, настаивала она, значит, этому была причина. Они начали подниматься по наклонной дороге, ко входу. Впереди шла Эйприл, одной рукой притянув к себе Тима, а в другой сжимая молоток. И тут Дэнни заме-

тил птиц. Огромное черное облако, кружащее над стадионом, пронзительные крики, которые нарушили тишину и в то же время сделали ее еще более отчетливой.

И тут они услышали позади мужской голос.

– На вашем месте я бы туда не ходил.

«Феррари» заглох в тот самый момент, когда Китридж уже подъезжал к стоянке. Машина ехала рывками, будто захромавшая лошадь, из-под капота и по бокам вырывались струи маслянисто-черного дыма. Можно и не гадать, что произошло. Когда Китридж взлетел на выезде из подземного гаража, будто на ракете, взлетел и с грохотом обрушился на асфальт, треснул поддон двигателя. Постепенно масло вытекло, мотор стал перегреваться, а потом поршни просто расширились настолько, что их заклинило в цилиндрах.

Прости за машину, Уоррен. Она была так хороша, пока держалась.

Китриджу потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя после увиденного на стадионе. Боже, какой кошмар. Не то чтобы он такого не ожидал, но увидеть это воочию было слишком. Это потрясло его до глубины души. У него дрожали руки, как от лихорадки. За свою жизнь Китридж всякое повидал, такие ужасы, какие мало кому доводится видеть. Тела в ямах, сложенные штабелями, будто доски на складе. Целые деревни погибших от ядовитого газа, семьями, лежащими прямо там, где застала их смерть; протянутые руки в тщетной попытке в последний миг коснуться своих родных. Обезображенные до неузнаваемости останки мужчин, женщин и детей, которых разорвала на куски взорванная на рынке бомба, та, что принес на своем теле безумец. Но бойни такого масштаба он не видел никогда.

Он сидел на капоте «Феррари», пытаясь решить, что делать дальше. Очевидно, для начала найти машину с ключами в замке. И тут он услышал вдали звук мотора. Нервы Китриджа сразу же вытянулись по стойке смирно. Большой мотор, дизель. БТР? И тут, будто в сюрреалистическом видении, на рампу медленно въехал большой желтый школьный автобус.

«Ну как тебе, а? – подумал Китридж. – Бога душу мать. Долбаный школьный автобус. Экскурсия на тему “Конец света”».

Китридж смотрел на автобус. Машина остановилась, и из нее вышли люди. Девушка с выкрашенными в розовый прядями волос на голове, голенастый мальчишка в шортах и футболке и мужчина в смешной кепке, судя по всему, водитель. «Эгей! – крикнула девушка. – Эгей, есть здесь кто-нибудь?» Немного переговорив, они пошли вперед, в гущу стоящих машин. Девушка шла первой.

Наверное, пора бы что-то сказать, подумал Китридж. Но если он обнаружит свое присутствие, это породит целую кучу обязанностей, а он с самого начала поклялся себе избегать этого. Другие люди не входили в его план. План один – суметь выбраться. Идти налегке, остаться в живых, сколько получится, забрать с собой столько Зараженных, сколько получится, до того момента, когда придет время умирать, а оно наверняка придет. Стоящий Насмерть в Денвере падает в бездну, быстро и ярко, как метеор.

Но потом Китридж понял, что сейчас произойдет. Эти трое шли напрямиком на стадион. Конечно, именно туда. Китридж только что сделал то же самое. Но это *дети*, бога ради. План, не план, нельзя позволить им увидеть то, что увидел он.

Схватив автомат, Китридж спешно пошел наперерез.

Услышав его голос, водитель среагировал настолько бурно, что Китридж замер на месте. У мужчины вырвался крик, и он рванулся вперед, спотыкаясь и одновременно прикрывая глаза согнутой в локте рукой. Двое других отскочили в сторону, девушка дернула мальчишку за руку и прижала к себе инстинктивно и взмахнула молотком, резко разворачиваясь к Китриджу.

– Эй, потише там, – сказал Китридж. Развернул автомат дулом вверх и поднял руки. – Я из хороших парней.

Сейчас Китридж разглядел, что девушка постарше, чем ему сначала показалось. Лет семнадцать, около того, чудные волосы, выкрашенные в розовый цвет, столько сережек и гвозди-

ков в ушах, что они, казалось, прибиты к ее голове. Однако она смотрела на него холодно, без единого намека на страх, и Китридж понял, что она не так проста, как кажется на первый взгляд. Несомненно, она ударит его молотком, хотя бы попытается, сделай он еще хоть шаг. Одета она была в облегающую черную футболку и протертые на коленях джинсы, на ногах кеды «Чак Тейлор», на руках браслеты до самых локтей, кожаные и серебряные. Рюкзачок, желтый, как лента, которой огораживают место преступления. Мальчишка, очевидно, ее брат, – это понятно не только по схожим чертам лиц – маленькому носу, слегка вздернутому, высоким резким скулам, глазам одинакового темно-голубого цвета – но и по тому, как она среагировала, мгновенно прикрывая его, будто мать.

А вот третьего, водителя, оценить было трудно. Что-то с этим парнем не так, это точно. Брюки цвета хаки с белой сорочкой, застегнутой на все пуговицы, светло-рыжие волосы копной, выбивающиеся из-под дурацкой кепки, неровно стриженные, будто ножницами для стрижки овец. Но не это было главным. То, как он держал себя.

Первым заговорил мальчишка. Хохолок у него умора, Китридж в жизни таких не видел.

– Это настоящий АК? – спросил он, показывая на автомат.

– Тихо, Тим, – сказала девушка, еще крепче прижимая к себе брата и вскидывая молоток, готовая ударить. – Кто ты, черт побери?

Китридж все так же стоял с поднятыми руками и делал вид, что воспринимает молоток как реальную угрозу.

– Меня зовут Китридж. Да, это настоящий АК. Только не думай, юноша, что я дам тебе его подержать.

– Это *круто*, – сказал мальчишка и просиял.

Китридж дернул подбородком в сторону водителя, который напряженно смотрел в землю.

– Он в порядке?

– Не любит, когда к нему прикасаются, а так, да, – ответила девушка, продолжая настороженно оглядывать Китриджа. – Сказали, что сюда должны были военные прибыть. Мы по радио слышали.

– Полагаю, так они и сделали. Но похоже, уже смылись. Не расслышал, как вас зовут.

Девушка замешкалась.

– Я Эйприл. Это Тим, мой брат. А второй – Дэнни.

– Рад познакомиться, Эйприл, – ответил Китридж, постаравшись убедительно улыбнуться. – Ты не возражаешь, если я руки опущу? Раз уж мы все друг другу представились.

– Откуда у тебя это оружие?

– «Оутдор Уорлд». Я там продавцом работал.

– Ты оружие продавал?

– Туристическое и рыболовное снаряжение, – ответил Китридж. – Но у них хорошая скидка была. Так что скажешь? Мы теперь в одной команде, Эйприл.

– Что за команда?

– Я бы сказал, команда людей, – ответил Китридж, пожимая плечами.

Девушка снова внимательно оглядела его. Осторожная эта Эйприл. Китридж напомнил себе, что она не просто девушка. Она та, что выжила. Как бы то ни было, она заслужила, чтобы ее воспринимали всерьез. Прошла пара секунд, и она опустила молоток.

– Что на стадионе? – спросил Тим.

– Поверь мне, это не то, на что тебе стоит смотреть, – ответил Китридж и снова посмотрел на девушку. Да, действительно, апрель, воплощенная весна. Смешно, когда людям так подходят их имена. – Как вам удалось уцелеть?

– Прятались в винном погребе.

– А с остальными вашими что?

– Мы не знаем. Они были в Теллерайде.

Боже, подумал Китридж. Теллерайд был эпицентром, местом, откуда все и началось.

– Что ж, правильно сделали. Умно.

Он снова кивнул в сторону Дэнни. Тот стоял метрах в трех, сунув руки в карманы и глядя в землю.

– А что ваш друг?

– Дэнни нас нашел. Мы слышали, как он сигналил.

– Ну, хорошо, что ты это сделал, Дэнни. Я бы сказал, что ты у нас нынче герой.

Парень посмотрел на Китриджа мельком, искоса. Его лицо не выражало ничего, абсолютно.

– О'кей.

– Почему мне нельзя посмотреть на стадион? – снова встрял Тим.

Эйприл и Китридж переглянулись. *Плохая мысль.*

– Забудь про стадион, – сказала Эйприл и снова посмотрела на Китриджа. – Кого-нибудь еще видел?

– Нет, уже некоторое время. Это не значит, что никого нет.

– Но ты так не думаешь.

– Вероятно, безопаснее всего считать, что мы одни.

Китридж понимал, к чему все идет. Еще час назад он мчался мимо домов, спасая свою жизнь. А теперь перед ним перспектива присматривать за двумя детьми и парнем, который ему даже в глаза посмотреть не может. Ситуация такова, какова она есть.

– Это твой автобус, Дэнни? – спросил он.

Парень кивнул.

– Я езжу по синему маршруту. Номер двенадцать.

Было бы лучше иметь средство передвижения поменьше, но у Китриджа возникло ощущение, что парень никуда без него не двинется.

– Может, сможешь увезти нас отсюда?

Лицо девушки стало жестким.

– С чего ты взял, что ты с нами едешь?

Китридж опешил. Ему и в голову не могло прийти, что эти трое не захотят, чтобы он им помог.

– На самом деле, нет, просто твои слова так понял. Мне показалось, ты мне это предложила.

– Почему мне нельзя *посмотреть*? – заныл Тимми.

Эйприл закатила глаза.

– Блин, Тим, заткнись насчет стадиона наконец, а?

– Ты слово нехорошее сказала! Я расскажу!

– И кому ты собираешься рассказать?

Мальчишка едва не расплакался.

– Не говори так!

– Слушайте, – перебил их Китридж. – Время неподходящее. По моим прикидкам, у нас осталось десять часов светлого времени суток. Я не думаю, что нам стоит быть где-то здесь, когда стемнеет.

И тут мальчишка, выбрав момент, резко развернулся и рванул ко входу на стадион.

– Черт, – буркнул Китридж. – Вы оба, стойте тут.

Он побежал, прихрамывая, но был не в состоянии догнать мальчишку сразу. К тому времени, когда Китридж нагнал его, тот остановился в проеме одного из входов на стадион, тупо глядя на поле. Всего пару секунд, но этого хватило. Китридж обхватил его сзади и прижал к

грудь. Мальчишка не сопротивлялся, он просто повис у него на руках, не издав ни звука. Боже, подумал Китридж. Как он мог позволить мальчишке застать его врасплох?

К тому моменту, когда они вернулись к краю рампы, Тим начал издавать звуки, смесь икоты и рыданий. Китридж поставил его на землю, перед Эйприл.

– Что ж ты такое творишь? – спросила она хриплым от слез голосом.

– Я... прости, – запинаясь, ответил Тим.

– Ты не будешь так убегать, *не будешь*.

Она схватила его за руки и тряхнула, и тут же обняла, и прижала к себе.

– Тысячу раз тебе говорила, будь рядом со мной.

Китридж отошел в сторону, к Дэнни, который так и стоял, сунув руки в карманы.

– У них действительно никого не осталось? – тихо спросил он.

– С ними была Консуэла, – ответил Дэнни. – Но она ушла.

– Что за Консуэла?

Дэнни пожал плечами, и его руки безвольно дернулись.

– Она иногда ждет автобус вместе с Тимом.

Больше и спросить-то нечего. Ладно, пусть Дэнни и слегка не от мира сего, по крайней мере он спас двоих беспомощных детей, чьи родители наверняка погибли. Китридж пока что и такого не сделал.

– Так как, друг мой? – спросил он. – Типа завести этот твой автобус и рвануть?

– Куда мы едем?

– Я думал насчет Небраски.

10

Они выехали через час после рассвета. Грей взял с кухни все, что выглядело съедобным – несколько оставшихся банок супа, несвежие крекеры и коробку «Уитиз» – и загрузил в «Вольво». У самого него даже зубной щетки не было. И тут он увидел, как Лайла выкатила в прихожую два чемодана на колесиках.

– Взяла на себя смелость собрать тебе одежду.

Сама Лайла была одета так, будто отправлялась в отпуск, в темных легинсах и длинной накрахмаленной рубашке, а на плечи она накинула яркий шелковый шарф. Умылась, причесалась и даже надела серьги и слегка накрасилась. Поглядев на нее, Грей вдруг понял, какой он грязный. Не мылся не один день, наверное, пахнет не слишком хорошо, и пальцы до сих пор клейкие от краски.

– Мне, может, тоже стоит немного себя в порядок привести.

Лайла напряженно смотрела на него, видимо, ожидая чего-то еще.

– Поскольку нам, сама понимаешь, на природу ехать.

Ее лицо расслабилось.

– Безусловно.

Лайла отвела его в ванную, наверху у лестницы, где, как оказалось, она уже приготовила ему смену одежды, аккуратно сложив ее на крышку унитаза. А на столике под зеркалом лежала зубная щетка, новенькая, в упаковке, и тюбик «Колгейта». Рядом стоял кувшин с водой. Скинув комбинезон, Грей ополоснул лицо и подмышки и принялся чистить зубы, глядя в широкое зеркало. Своего отражения он не видел с самой «Ред Руф» и снова поразился. Он выглядел молодо, с чистой и упругой кожей, на макушке кудрявились густые волосы, глаза поблескивали, как самоцветы. Похоже, он и вес изрядно сбросил – неудивительно, он уже дня два не ел, не меньше, но масштаб его все равно поражал. Он не просто похудел, такое впечатление, что тело само себя перестраивало. Грей повернулся, не отрывая взгляда от зеркала, и провел рукой по животу. Всю жизнь он был пухленьким, а теперь вдруг увидел, что на его теле начали прорисовываться мышцы. Еще немного, и примется руки сгибать, как ребенок, любящая собой. Вы только поглядите, подумал он. Настоящие бицепсы. Будь я проклят.

Он надел одежду, которую оставила ему Лайла – белые трусы, джинсы и спортивного стиля рубашку в клетку. Снова удивился, увидев, что одежда на нем неплохо сидит. Еще раз одобрительно поглядев на себя в зеркало, спустился по лестнице в гостиную. Увидел, что Лайла сидит на диване, листая журнал «Пипл».

– А, вот и ты, – сказала она, оглядывая его с ног до головы. – Выглядишь прекрасно.

Грей покатил чемоданы к «Вольво». Утренний воздух был наполнен туманом, в ветвях деревьев пели птицы. Поездка на природу, подумал Грей, качая головой. Романтические ухаживания. Пусть он и стоял здесь, в одежде другого мужчины, это почти похоже на правду. Такое впечатление, будто он начал новую жизнь – возможно, жизнь того самого другого мужчины, чьи джинсы и рубашка теперь украшали его новое, подтянутое и мускулистое тело. Грей сделал глубокий вдох, разворачивая плечи. Свежий чистый воздух наполнил его легкие. Воздух, наполненный запахами. Запахами травы, зеленых листьев и влажной земли. Казалось, в нем не оставалось ни следа ужасов минувшей ночи, так, будто дневной свет очистил весь мир.

Закрыв заднюю дверь машины, он посмотрел на Лайлу, которая стояла у входной двери дома. Закрыв дверь на замок, она что-то достала из сумочки. Конверт. Потом достала рулон малярного скотча и приклеила конверт к двери. Отошла назад и посмотрела на него. Письмо? И кому бы это? Дэвиду? Брэду? Наверное, одному из них, но Грей понятия не имел, кто из них кто. Казалось, они с легкостью сменяли друг друга в сознании Лайлы.

– Вот, – провозгласила она. – Теперь все.

Подойдя к «Вольво», она отдала ему ключи.
– Ты не против, если ты поведешь машину?
Это Грею тоже понравилось.

Грей решил, что лучше всего будет держаться в стороне от главных магистралей, по крайней мере пока они не выберутся из города. Хотя они это и не обговаривали, видимо, частью их соглашения стало то, что он постарается избегать всего того, что может вывести Лайлу из равновесия. Как оказалось, в этом не было особой надобности. Женщина едва отрывала взгляд от журнала. Грей проехал через пригороды, и ближе к полудню они уже ехали меж пустых полей цвета подгорелого тоста и холмов, в восточном направлении, по узкой асфальтовой дороге местного значения. Город исчез позади, как и Скалистые Горы, голубеющие в утренней дымке. Все вокруг выглядело каким-то пустынным и заброшенным – еле заметные полоски облаков в голубом небе, высохшие поля, шоссе, по которому катились колеса «Вольво». Через некоторое время Лайле надоело читать, и она уснула.

Бесспорно, ситуация странная, но с каждой новой милей и часом в дороге Грей чувствовал, как его сердце наполняется ощущением правильности. Он никогда в жизни ни для кого ничего не значил, если по правде. Попытался вспомнить хоть что-то, что-то, что можно было бы сравнить с нынешним чувством. На ум пришла только история бегства Марии и Иосифа в Египет – детское воспоминание, Грей уже много лет в церковь не ходил. Иосиф всегда казался ему странным чуваком, почему-то заботящимся о женщине, которая носит чужого ребенка. Но теперь Грей увидел в этом свой смысл. В том, как человек может привязаться к другому только потому, что другой этого желает.

А еще штука в том, что Грею нравились женщины, всегда нравились. С мальчиками – совсем другое дело, не то. Не то, чтобы они ему нравились или не нравились, ему просто это было *нужно*, в силу его собственного прошлого, всего того, что случилось с ним самим. Так это объяснял Уайлдер, тюремный мозгоправ. Мальчики – навязчивое желание, говорил ему Уайлдер, для Грея – способ вернуться в тот момент, когда над ним самим надругались, заново проиграть его, пытаясь это понять. Для Грея желание трогать мальчиков не было осознанным решением, не более чем желание почесать там, где чешется. Многое из того, что говорил Уайлдер, казалось Грею полной фигней, но не это, и Грей тогда чувствовал себя несколько лучше, зная, что в происходящем не только он виноват. Не то чтобы это помогло ему соскочить с крючка, Грей и до этого немало ругал себя сам. И на самом деле даже рад был, когда его посадили. Прежний Грей – тот, который часто вдруг осознавал, что опять толчется у детской площадки, или медленно расхаживает у школы в три часа дня, или ноги сами несут его летним днем в раздевалку общественного бассейна – *тот* Грей был человеком, которого Грею нынешнему хотелось больше не видеть никогда в жизни.

Его мысли снова вернулись к тому моменту, к объятиям на кухне. Это не то, что у мальчиков-девочек, Грей понимал это, но и не что-то другое. Грей почему-то вспомнил Нору Чан, девушку, с которой он встречался в старших классах школы. На самом деле она не была ему подружкой, между ними вообще ничего не было. Просто какое-то время они играли в группе – когда Грею очень ненадолго взбрело в голову играть на трубе. Иногда, после репетиций, Грей провожал ее домой. Они даже не прикасались друг к другу, но было что-то в тех прогулках, что-то, что впервые в жизни дало ему ощущение, что он не один на этом свете. Ему хотелось ее поцеловать, конечно, но у него не хватило смелости ни разу, а потом, со временем, они разошлись. «Любопытно, – подумал Грей, – почему я вспомнил это именно сейчас. Даже ее имя мне в голову лет двадцать не приходило».

После полудня они подъехали к границе с Канзасом. Лайла все еще спала. Грей и сам погрузился в полусонное состояние, едва глядя на дорогу. Пока что ему удавалось избегать

мало-мальски крупных городов, но это ненадолго. Скоро им понадобится бензин. Поглядев вперед, он увидел торчащую над полем водонапорную башню.

Городок назывался Кингвуд. С одной-единственной запыленной улицей. Половина витрин заклеены бумагой, по паре кварталов унылых домишек по каждой стороне. Никого, значит, безопасно. Единственное свидетельство того, что здесь хоть что-то происходило, – брошенная перед воротами пожарной части машина «Скорой помощи». Задние двери распахнуты. Однако Грей почувствовал нечто, какое-то покалывание в руках и ногах, будто из темных углов за ними следят. Проехав весь город, он наконец-то нашел заправку, на восточной оконечности городка. Рядом с ним стояла забегаловка с непритязательным названием «У Фрэнки».

Грей заглушил мотор, и Лайла проснулась.

– Где мы?

– В Канзасе.

Она зевнула и, прищурившись, оглядела пустынный город через стекло.

– А зачем мы остановились?

– Бензин нужен. Я быстро.

Грей попытался ткнуть кнопку насоса. Без вариантов. Электричества нет. Придется подсосать через шланг, но для этого нужен шланг и ведро, или канистра. Он зашел внутрь. Мягкий металлический стол со стопками бумаг у переднего окна, рядом старое офисное кресло, откинутое назад на шарнирах, обманчивое впечатление, будто в нем только что кто-то сидел. Грей пошел дальше, открыл дверь, ведущую в мастерские, прохладные и полутемные, пахнущие бензином и маслом. На одном из подъемников висел «Кадиллак Севилль», винтажный, 90-х годов, на втором оказался полноприводный «Шевроле» последней модели с задранной подвеской и массивными колесами, покрытыми грязью. На полу стояла канистра на пять галлонов, а на одном из верстаков Грей увидел кусок шланга. Отрезав метра два, он сунул один конец в горловину бака «Шевроле», приложил другой конец к губам, подсосал топлива и сразу же сплюнул. Опустил шланг в канистру, и бензин потек в нее.

Канистра уже почти наполнилась, когда он услышал какой-то шорох над головой. Каждый нерв его тела будто пронизало огнем, и он замер на месте.

А потом запрокинул голову.

Создание свисало с одной из потолочных балок, головой вниз, согнув колени, будто ребенок на шведской стенке. Меньше, чем Зиро, и больше похожее на человека. Грею пришла в голову безумная мысль насчет того, что это и есть Фрэнки. Их взгляды встретились, и у Грея замерло сердце. Откуда-то изнутри твари раздался высокий, переливчатый звук, как птичья трель.

Тебе не надо бояться, Грей.

Какого хрена?

Грей рванулся назад, но запутался в собственных ногах и рухнул на бетон. Схватил канистру с бензином и ринулся прочь из мастерской, в кабинет, а потом на улицу. Бензин из шланга все тек. Снаружи стояла Лайла, опершись спиной на машину.

– Залезай, – еле слышно сказал он.

– Ты не видел, у них внутри нет торгового автомата? Мне бы хотелось шоколадный батончик или что-то такое.

– Проклятье, Лайла, садись в машину.

Грей распахнул заднюю дверь «Вольво», кинул в багажное отделение канистру и захлопнул дверь.

– Нам надо ехать *сейчас же*.

Женщина вздохнула.

– Ладно, как скажешь. Только не понимаю, зачем надо было так резко говорить.

Они стремительно поехали прочь от города. Проехали больше мили, когда у Грея хоть немного успокоился пульс. Он медленно съехал на обочину, остановил «Вольво», распахнул дверь и, спотыкаясь, вышел наружу. Стоял на обочине, опершись ладонями о колени и тяжело дыша, хватая ртом воздух большими глотками. Боже, эта тварь будто *говорила* с ним. Будто эти щелчки и трели – иностранный язык, который он понимает. Она даже знала его имя. Откуда ей знать его имя?

Он почувствовал, как его плеча коснулась рука Лайлы.

– Лоуренс, у тебя кровь идет.

Он поглядел на локоть. Лоскут кожи болтается, видимо, содрал, когда упал на бетон. Но почему-то ничего не почувствовал.

– Дай посмотреть.

С выражением полнейшей сосредоточенности на лице Лайла аккуратно потрогала края раны кончиками пальцев.

– Как это произошло?

– Наверное, споткнулся.

– Надо было сказать. Шевелить рукой можешь?

– Думаю, да, ага.

– Стой здесь, – скомандовала Лайла. – И не прикасайся к ране.

Она открыла заднюю дверь «Вольво» и принялась рыться в своем чемодане. Достала металлическую коробку и бутылку воды, а затем резко опустила дверь вниз.

– Давай-ка ты сядешь.

Грей забрался на багажник и сел, свесив ноги. Лайла открыла металлический ящик. Набор медика. Достав тампон «Пьюрелла», потерла его меж ладоней, потом достала латексные перчатки и ловко надела их. Снова взяла его за руку.

– У тебя не было случаев чрезмерного кровотечения?

– По-моему, нет.

– Гепатит, ВИЧ, что-нибудь в этом роде?

Грей покачал головой.

– Когда последний раз прививку от столбняка делал? Не помнишь?

Такое впечатление, подумал Грей, что она в совершенно другого человека превратилась.

– С детства не делал.

Лайла снова осмотрела его руку, потом отпустила.

– Что ж, ссадина скверная. Я собираюсь швы наложить.

– В смысле... это, зашивать?

Влажные от пота пряди волос прилипли к ее лбу.

– Доверься мне, я миллион раз это делала.

Она протерла рану спиртом и вынула из ящика одноразовый шприц. Набрала жидкости из крохотного флакона и стукнула по игле указательным пальцем.

– Немного, чтобы обезболить. Обещаю, ничего не почувствуешь.

Укол иглы, и спустя пару секунд Грей уже не чувствовал никакой боли. Лайла расстелила на багажнике салфетку и выложила на нее пинцет, катушку с темной ниткой и крохотные ножницы.

– Можешь смотреть, если хочешь, но большинство предпочитает отвернуться.

Еле заметное тянущее ощущение, и все.

– Вот, все готово, – сказала Лайла.

Вместо краснеющей раны и лоскута кожи у него на локте теперь был плотный ряд черных стежков. Лайла нанесла мазь и сделала повязку.

– Шовный материал сам рассосется за пару дней, – сказала она, с резким щелчком стянув перчатки. – Может немного чесаться, но чесать нельзя. Просто не трогай.

– Откуда ты знаешь, как все это делать? – спросил Грей. – Ты медсестра или что-то вроде этого?

Казалось, вопрос застал ее врасплох. У нее переменялось лицо – на нем появилась сильнейшая неуверенность. Она открыла рот, будто собираясь что-то сказать, и снова закрыла.

– Лайла? Ты в порядке?

Она уже собирала инструменты. Потом убрала ящик в багажник «Вольво» и закрыла его.

– Нам лучше дальше ехать, как думаешь?

Вот так вот. Женщина, которая мгновенно зашила ему рану, как появилась, так и исчезла, как только закончилась ситуация, потребовавшая этого. Грей хотел расспросить ее обо всем, но понимал, чем это чревато. Уговор ясен – можно говорить лишь некоторые вещи.

– Хочешь, чтобы я за руль села? – спросила Лайла. – На самом деле уже моя очередь.

Этот вопрос не был вопросом по сути, и Грей понял это. Совершенно естественно, ее дело предложить, мое дело – отказаться.

– Нет, я сам вполне смогу.

Они снова сели в «Вольво». Грей нажал на газ, а Лайла подняла с пола журнал.

– Если ты не против, я немного почитаю.

Они проехали сто восемьдесят километров на северо-восток по федеральной трассе 76. Китридж тоже начал задумываться насчет топлива. Когда они выехали, у автобуса был полный бак, а теперь осталась лишь четверть.

Им пришлось объезжать заторы всего два раза, в остальном у них получалось ехать по трассе, до самого Форт-Моргана. Убаюканные мерным покачиванием автобуса Эйприл и ее брат уснули. Насчет Дэнни Китридж оказался прав. Вести автобус для парня было счастьем. Он что-то насвистывал сквозь зубы, мелодию, которую Китридж не смог узнать, и играючи двигал рулевым колесом, нажимая на газ или тормоз. Сдвинул кепку на лоб, с лицом и позой капитана в море, ведущего судно навстречу шторму.

Господи, помилуй, подумал Китридж. Как, черт подери, такой человек оказался водителем школьного автобуса?

– О-оу, – сказал Дэнни.

Китридж мгновенно выпрямился. Впереди на их пути выстроилась до самого горизонта вереница брошенных машин. Не просто брошенных, но разбитых. Некоторые лежали на боку или вверх колесами. Повсюду лежали тела.

Дэнни остановил автобус. Эйприл и Тим проснулись и уже глядели вперед, через лобовое стекло.

– Эйприл, убери его отсюда, – приказал Китридж. – Давайте назад оба, быстро.

– Что ты хочешь, чтобы я сделал? – спросил Дэнни.

– Жди здесь.

Китридж вышел из автобуса. Вокруг с жужжанием клубились черные облака мух, стоял невыносимый запах разлагающейся плоти. Воздух был совершенно неподвижен, так, будто у него просто не хватало смелости куда-то двигаться. Единственным проявлением жизни были кружащие над головой птицы, стервятники и вороны. Дыша ртом, Китридж пошел вдоль машин. Это сделали Зараженные, несомненно, и здесь их были сотни, а может, и тысячи. Что же это значит? И почему все эти машины так стоят, будто их вынудили здесь остановиться?

Внезапно рядом с ним оказался Дэнни.

– Кажется, я сказал тебе оставаться с другими.

Парень прищурился, глядя против солнца.

– Погоди.

Он выставил руку.

– Я что-то слышу.

Китридж прислушался. Ничего, только стрекот кузнечиков и сверчков в опустевшем поле. Но потом все-таки услышал. Приглушенный грохот, кулаки по металлу.

Дэнни показал пальцем.

– Это оттуда.

С каждым их шагом звук становился все отчетливее. Потом они различили отдельные его тона, грохот и сдавленные человеческие голоса. *Выпустите нас! Есть здесь кто-нибудь? Прошу!*

– Эгей! – окликнул Китридж. – Вы меня слышите?

– Кто здесь? Помогите, прошу! Быстрее, мы насмерть изжаримся!

Голоса доносились из небольшого полуприцепа с ярко-желтой эмблемой Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям по бортам. Люди лихорадочно барабанили изнутри, а их голоса слились в визгливый неразборчивый хор.

– Держитесь! – заорал Китридж.

Дверь трейлера была перекошена от удара, по диагонали. Китридж огляделся в поисках какого-нибудь рычага и нашел монтировку. Воткнул ее в щель под дверь.

– Дэнни, помоги мне.

Сначала дверь не поддавалась, а потом начала еле заметно сдвигаться. Когда щель стала шире, из нее сразу же высунулись пальцы. Люди внутри пытались приподнять дверь вверх.

– Все вместе, на «раз-два-три». – скомандовал Китридж.

Заскрежетал металл, и дверь поднялась.

Они из Форт-Коллинза. Семейная пара, обоим где-то около тридцати, Джо и Линда Робинсон, с маленьким ребенком, которого они называли Младший, оба в офисной одежде. Дюжий чернокожий мужчина в форме охранника, по фамилии Вуд, и его подруга по имени Делорес, медсестра из детской больницы, говорившая с сильным вест-индским акцентом. Пожилая женщина, миссис Беллами. Китридж так и не узнал ее имени. С подкрашенными в голубой цвет пушистыми волосами и огромной белой сумочкой, которую она держала, крепко прижав к себе. Молодой мужчина, лет двадцати пяти, по имени Джамал, с коротко стриженными волосами и яркими цветными татуировками от запястий до плеч. Последним оказался мужчина лет пятидесяти с жесткими седыми волосами и мощным торсом постаревшего спортсмена. Он представился Пастором Доном. Не пастор на самом деле, объяснил он, по профессии он сертифицированный аудитор, а прозвище осталось с тех пор, как он работал тренером в футбольной ассоциации Папы Уорнера.

– Всегда говорил им молиться, чтобы нам задницу не надрали, – сказал он Китриджу.

Сначала Китридж думал, что все они путешествовали вместе, но потом оказалось, что их свел случай. Все рассказывали одно и то же, на разные лады. Сбежали из города, а на границе с Небраской наткнулись на затор. По цепочке пошел слух, что впереди армейский блок-пост и никого не пропускают. Военные ждали приказа, чтобы пропустить людей. Они торчали тут целый день. Когда стало смеркаться, люди запаниковали. Все только и говорили, что Зараженные идут следом, что их оставили тут на погибель.

Так или иначе, так оно и случилось.

Первые появились сразу после заката, сказал Пастор Дон. Где-то позади. Раздались крики, стрельба и скрежет металла. Мимо них побежали люди. Но бежать было некуда. В считанные секунды Зараженные были уже тут, сотнями, несущиеся через поле и врезающиеся в толпу.

– Я бежал со всех ног, как и все, – сказал Пастор Дон.

Он отошел в сторонку с Китриджем, чтобы поговорить наедине. Остальные сидели на земле, рядом с автобусом. Эйприл носила бутылку с водой, от одного к другому. Пастор Дон достал пачку красных «Мальборо» из кармана рубашки и вытряхнул две сигареты. Китридж

бросил курить, когда ему было двадцать с небольшим, но теперь какая разница? Пастор дал ему прикурить, и Китридж осторожно затянулся. Никотин мгновенно дал по мозгам.

– Даже описать это не могу, – сказал Дон, выпустив клуб дыма. – Эти проклятые твари были повсюду. Увидел прицеп и решил, что это лучше, чем ничего. Остальные уже внутри были.

– Почему же военные вас не пропустили?

Дон философски пожал плечами.

– Ты же знаешь, как там у них все устроено. Наверное, кто-то забыл правильно заполнить бланк приказа.

Он поглядел на Китриджа сквозь дым.

– Служил?

– Немного, было дело.

– Я сам резервист, давно это было. По большей части документацию в каптерке заполнял. Мгновение он молчал.

– У тебя есть кто-нибудь?

В том смысле, есть ли у Китриджа семья. Кто-то, кого он потерял или кого он ищет. И Китридж покачал головой.

– У меня сын в Сиэтле, пластический хирург. Полный комплект. Женился на своей подружке из колледжа, двое детей, мальчик и девочка. Большой дом у моря. Только что кухню отремонтировали.

Он печально покачал головой.

– Последнее, о чем мы с ним говорили. О долбаной кухне.

У Пастора Дона была винтовка калибра 30 и три патрона, у Вуда – пистолет калибра 38 без патронов, а у Джо Робинсона – пистолет калибра 22 с четырьмя патронами. Может, по белкам стрелять и хорошо, но не более.

Дон поглядел на автобус.

– А водитель? У него как все сложилось?

– Немного не в себе он, как-то так. Лучше к нему не прикасаться, а то у него может и припадок случиться. В остальном он в порядке. Ведет автобус так, будто это лайнер «Королева Мэри».

– А двое других?

– Прятались в подвале в доме родителей. Я на них наткнулся, когда они шатались по стоянке у Майл Хай.

Дон последний раз жадно затянулся и раздавил окурок ботинком.

– Майл Хай, – повторил он. – Подозреваю, что там ничего хорошего не увидишь.

С разбитыми машинами ничего нельзя было сделать, и им надо было возвращаться и искать другую дорогу. Они подобрали вокруг все, что могли – бутылки воды, пару работающих фонарей, газовый кемпинговый светильник, набор инструментов, моток веревки, в которой пока не было очевидной надобности, но которая могла пригодиться позже, и сели в автобус.

Когда Китридж встал на нижнюю ступеньку, Пастор Дон коснулся его локтя.

– Может, тебе стоит сказать что-нибудь.

Китридж поглядел на него.

– Кто-то должен быть главным. И это твой автобус.

– Формально это автобус Дэнни.

Дон посмотрел Китриджу прямо в глаза.

– Я не это имел в виду. Эти люди испуганы и вымотаны. Им нужен такой человек, как ты.

– Вы меня толком не знаете.

– Я уже тебя понял куда лучше, чем ты думаешь. Ты подмечаешь малейшие знаки. Я бы сказал, что ты в спецназе служил. Не рейнджером?

Китридж ничего не ответил.

– Ладно, дело твое. Но ты, очевидно, чертовски хорошо знаешь, что делаешь, куда лучше, чем любой из нас, и все это видят. Это твое шоу, друг мой, нравится тебе это или нет.

Китридж понимал, что это чистая правда. Стал в проходе, оглядывая сидящих. Робинсоны сели впереди, Линда посадила Младшего на колени. Прямо позади них сел Джамал, один. Потом Вуд и Делорес. Дон сел через проход от них. Миссис Беллами села сзади, сжимая большую белую сумочку обеими руками, будто игрок, сорвавший банк в казино. Эйприл с братом сели со стороны водителя, позади Дэнни. Когда их взгляды встретились, глаза Эйприл расширились. «Что теперь?» – читалось в них.

Китридж прокашлялся.

– О'кей, слушайте все. Я понимаю, что вы испуганы. Я тоже испуган. Но мы постараемся выгнать вас отсюда. Я пока не знаю, куда именно мы едем, но если будем ехать на восток, то рано или поздно найдем безопасное место.

– А что военные? – спросил Джамал. – Эти уроды нас здесь бросили.

– Мы точно не знаем, что случилось. Но чтобы снизить риск, нам надо избегать основных дорог.

– У меня мама в Кирни живет, – сказала Линда Робинсон. – Мы туда ехали.

– Кирни? – фыркнул Джамал. – В Кирни то же самое, что в Форт-Коллинзе. Я по радио слышал.

В любом стаде найдется паршивая овца, подумал Китридж. Только этого не хватало.

Джо, муж Линды, резко повернулся.

– Закрой свой рот сейчас же, понял?

– Жаль тебе сердце разбивать, но ее мать сейчас скорее всего свисает с потолка и гложет собаку.

Внезапно заговорили все разом. Два дня в фургоне, подумал Китридж. Конечно, они уже друг друга до смерти достали.

– Прошу вас...

– А тебя кто главным ставил? – спросил Джамал, тыча пальцем в Китриджа. – Что, только потому, что ты тут весь при снаряге, и вся хрень?

– Согласен, – сказал Вуд. Китридж в первый раз услышал его голос. – Думаю, нам надо проголосовать.

– Проголосовать насчет чего? – спросил Джамал.

Вуд жестко поглядел на него.

– Для начала не следует ли нам просто выкинуть тебя из этого автобуса.

– Пошел ты на хрен, полицейский в аренду.

Мгновение, и Вуд уже был на ногах. Китридж не успел даже среагировать, а мужчина уже взял Джамала в зажим за шею. Мелькнули руки и ноги, и они покатались по скамейке. Все принялись кричать. В возню встрял Джо Робинсон, пытаясь схватить Джамала за ноги.

Раздался выстрел, и все замерли. Мгновенно обернувшись назад, увидели миссис Беллами, которая держала в руках огромный револьвер стволом в потолок.

– Боже, леди, – бросил Джамал. – Какого хрена.

– Юноша, думаю, выражу общее мнение, если скажу, что мы устали от ерунды, которую ты несешь. Ты так же перепуган, как и все мы. Ты должен извиниться перед людьми.

Полнейший сюрреализм, подумал Китридж. Одна его часть пребывала в ужасе, другой же хотелось хохотать.

– О'кей, о'кей, – прошипел Джамал. – Только уберите эту пушку.

– Я думаю, ты не совсем понял.

– Я прошу прощения, о'кей? Не надо размахивать этой штукой.

Женщина на мгновение задумалась, а затем опустила револьвер.

– Я полагаю, что этого достаточно. Кстати, идея насчет голосования мне понравилась. Вот этот чудесный молодой человек впереди – простите, слух уже не тот, что раньше – как ты сказал, тебя зовут?

– Китридж.

– Мистер Китридж. Мне он кажется вполне надежным. Я за то, чтобы он всем руководил, давайте проголосуем.

Руки подняли все, кроме Джамала.

– Было бы хорошо, если бы решение было единогласным, юноша.

Лицо Джамала запылало от унижения.

– Боже, ты, старая перечница. Что еще ты от меня хочешь?

– За сорок лет работы в муниципальной школе, поверь мне, я пообщалась с такими мальчишками, как ты, куда больше, чем хотелось бы. Ладно, давай. Вот увидишь, насколько легче тебе станет.

Совершенно расстроенный, Джамал поднял руку.

– Так-то лучше.

Она снова посмотрела на Китриджа.

– Мы можем отправляться, мистер Китридж.

Китридж поглядел на Пастора Дона, который едва удержался от смеха.

– О'кей, Дэнни, – сказал он. – Давай разворачивать эту штуку и искать дорогу отсюда.

11

Они его потеряли. Иисусе Христе, как они могли потерять его?

Последнее, что им было известно, – что Грей ехал в Денвер. Там он пропал, конечно же, сеть в Денвере была в полном беспорядке. Спустя день им удалось поймать его сигнал с вери-зоновской вышки в Авроре. Гилдер снова попросил, чтобы в район отправили беспилотник, но лишнего не нашлось. Если Грей будет избегать федеральных трасс, а так, судя по всему, и случилось, и будет и дальше ехать через малонаселенные районы в восточной части штата, то он проедет многие мили, не оставив ни следа.

И никаких следов девочки. Несмотря на все их старания и надежды, континент будто поглотил ее.

Гилдеру было нечего делать, только ждать, пока Нельсон принесет новости, так что у него оказалась куча времени, чтобы покопаться в досье Грея, в том числе в папке психиатров из техасского Управления Исполнения Наказаний. Интересно, о чем Ричардс думал, нанимая таких людей. Отбросы человечества. Хотя, подумал Гилдер, наверное, в этом и был смысл. Как и двенадцать подопытных, Бэбкок, Соуза, Моррисон и все остальные гаденыши, уборщики были такими людьми, которых никто не хватится, если они исчезнут.

Имя: Лоуренс Олден Грей, 1970 г. рождения, Мак-Аллен, штат Техас. Мать – домохозяйка, отец – механик, оба покойные. Отец трижды был во Вьетнаме в качестве военного медика, почетная отставка, «Бронзовая Звезда» и «Пурпурное Сердце» за ранение, но парень сломался. Застрелился, сидя в кабине своего грузовика, а Грей, которому тогда едва шесть минуло, его нашел. Отчимы, один за другим, гражданский брак, один пьяница за другим, судя по внешности, издевательства, и так далее. К тому времени, когда Грею было восемнадцать, он уже жил отдельно, работал чернорабочим на добыче нефти рядом с Одессой, а потом на скважинах в Заливе. Ни разу не был женат. Ничего удивительного, учитывая его психиатрический анамнез, куча проблем, от синдрома навязчивых состояний и депрессии вплоть до травматического расщепления сознания. С точки зрения тюремного мозгоправа, изначально парень был гетеросексуалом, но, учитывая такую кучу заскоков, это не имело значения. Приключения с мальчиками были для Грея способом проиграть заново сцены издевательств, которые он вытерпел в детстве и которые его сознание вытеснило. Его дважды арестовывали, в первый раз за эксгибиционизм, когда ему удалось уйти от уголовного наказания, а второй раз – за сексуальное преступление при отягчающих обстоятельствах. Обычно он просто трогал детей – ничего хорошего, но и не уголовное преступление. Однако, учитывая первую судимость, во второй раз судья вкатал ему по максимуму, от восемнадцати до двадцати четырех лет. Полный срок по таким статьям в последнее время не высиживал никто, и его выпустили под наблюдение после девятиста семи месяцев.

Дальше особо и рассказывать нечего. Он вернулся в Даллас, понемногу работал, то там, то сям, каждые две недели отмечался у инспектора, писал в банку и клялся всеми святыми, что на сотню ярдов не подойдет к детским площадкам и школам. Стандартные антиандрогены по судебному предписанию, осмотр у психиатра каждые полгода. С любой точки зрения Лоуренс Грей стал образцовым гражданином, по крайней мере среди прочих химически кастрированных растлителей малолетних.

Это ничего не говорило Гилдеру о том, как же все-таки Грею удалось выжить. Он каким-то образом сбежал из Шале. Каким-то образом не дал себя убить с того самого момента. Совершенно непонятно.

Новый план Нельсона состоял в том, чтобы переключить трафик данных и звонков в Канзасе и Небраске, на два часа отключить оба штата полностью и попытаться выделить сигнал, идущий от вшитого Грею чипа. В нормальной ситуации для этого потребовался бы ордер из

федерального суда, куча бумаг высотой в десяток миль и месяц времени, но Нельсон использовал свои связи в Министерстве Внутренней Безопасности, где согласились издать особый приказ согласно статье 67 Акта об Усилении Внутренней Безопасности, который в разведывательном сообществе чаще называли «Валяй Все Чо в Голову Взбрело». В чипе в шее Грея стоял маломощный передатчик, работающий на частоте 1432 МГц. Как только вырубится все остальное, а Грей вдруг окажется ближе трех километров от вышки, они смогут вычислить его местоположение методом триангуляции и навести туда спутник, чтобы получить снимки.

Отключение запланировали на восемь утра. Гилдер пришел в шесть и увидел, что Нельсон уже сидит за терминалом и что-то набивает. Из наушников-затычек в его ушах доносился тихий писк музыки.

– Не мешай Моцарту работать, – сказал он, отмахиваясь от Гилдера.

Гилдер держался на кофе и адреналине. Спустился вниз, в комнату отдыха, чтобы поесть еще хоть что-то. В буфете никого не было, остались только торговые автоматы. Он уже заплатил было три доллара за «Сникерс» и тут понял, что глотать для него сейчас будет непосильной задачей. Кинул «Сникерс» в мусорку и взял «Риз», но даже этот батончик, с его липким арахисовым маслом, с трудом лез в глотку. Включил телевизор на CNN. ООН эвакуируют из штаб-квартиры в Нью-Йорке в Гаагу. Объявлено военное положение, войска отзывают из-за океана. Вот это фиаско. По сравнению с ним ящик Пандоры – корзинка для пикника.

В дверях появился Нельсон.

– Позвольте откланяться, – с ухмылкой заявил он. – Хьюстон, у нас растлитель.

Нельсон уже навел спутник в нужную зону. Когда они дошли до терминала, на экране уже начало прорисовываться изображение.

– Где это, черт побери?

Нельсон уже барабанил по клавиатуре, настраивая резкость.

– Запад Канзаса.

На экране появились полосы кукурузных полей, а в центре виднелось вытянутое невысокое здание с несколькими стоянками перед фасадом. На стоянке одна-единственная машина, на взгляд Гилдера – небольшой джип. Из здания вышла человеческая фигура с чемоданом.

– Это тот самый? – спросил Нельсон.

– Я не уверен. Приблизь.

Изображение потемнело, потом снова прояснилось, дав картинку, как с высоты метров в тридцать. Теперь Гилдер убедился в том, что перед ним Лоуренс Грей. В другой одежде, но это он. Грей вернулся в здание, а спустя минуту вышел со вторым чемоданом в руке, который положил в багажник машины. Мгновение стоял, будто в раздумьях. Потом из здания вышел другой человек. Женщина. Немножко полноватая, темноволосая, в легинсах и светлой блузке.

Какого черта?

У них осталось меньше тридцати секунд. Картинка начинала терять резкость. Грей открыл дверь с пассажирской стороны, и женщина аккуратно села в машину. Грей еще раз оглядел стоянку. Будто чувствовал, что за ним следят, подумал Гилдер. А затем сел в авто, и они уехали, за мгновение до того, как изображение исчезло, сменившись полосами помех.

Нельсон оторвал взгляд от экрана.

– Похоже, наш объект нашел себе подругу. Учитывая, что я читал его психологический профиль, я несколько удивлен.

– Выведи последний кадр, где видна женщина. Посмотри, нельзя ли его увеличить.

Нельсон попытался, но результаты оказались весьма скромными.

– Можно выяснить, что это за здание?

Нельсон перекатился в кресле к соседнему терминалу.

– Канзас, Лидо, Мэйн-стрит, 3812. Называется «Энджи Рисорт».

Кто она? Зачем Лоуренсу Грею женщина? Она из «Шале»?

– Куда он поехал?

– Похоже, что четко на восток. В самую гущу. Если хочешь поймать его, нам надо потопрапливаться.

– Погляди наш ближайший объект. За пределами линии карантина.

Снова стук по клавиатуре.

– Ближайший – старая биохимическая лаборатория в Форт-Пауэлл. Военные закрыли ее три года назад, перевезли все в Уайт-Сэндз, но задействовать ее будет несложно.

– Что там еще рядом есть?

– Ничего, только в Мидвест-Стейт, на три мили восточнее. Обычный колледж. Еще арсенал национальной гвардии, какой-то мясокомбинат, да еще фабрика. Еще небольшая гидроэлектростанция, но ее закрыли, когда построили другую, побольше и ниже по течению. Так что наиболее подходящее место – в колледже.

Гилдер призадумался. Про Грея только они знают, по крайней мере пока. Возможно, пора оповестить ЦКЗ и МНИИИЗ.

Но замешкался. Отчасти из-за скверного привкуса во рту после брифинга с КНШ. И что скажут в Центральном Командовании, когда узнают, что чудовищные творения Лира были под надзором у выпущенных под наблюдение насильников? И представить себе трудно.

Но настоящая причина была не в этом.

Исцеление от всех болезней. Разве не так Лир сказал? Разве не с этого начинался весь этот злополучный план? Если Грей инфицирован, но почему-то не перекинулся, возможно ли, что вирус в его крови каким-то образом изменился, дав тот самый результат, на который надеялся Лир? И в этом случае он настолько же ценен, как и девочка? И еще, разве факт состоит не в том, что смерть, являющаяся проблемой для каждого, особенно сейчас, в случае Гилдера была личным и неотложным вопросом – даже более, поскольку ожидающая его участь не оставила ему ни единого шанса? Неужели он не заслужил право сделать все, что в его силах, чтобы выжить? Разве другой поступил бы на его месте иначе?

Мы все умираем, малыши. Коротко и ясно. Но некоторые в большей степени, чем остальные.

Может, Грей – ответ на его вопрос, может, нет. Может, он просто везучий паршивец, который ухитрился выкарабкаться из горящего дома и улизнуть от «светлячков», а потом добраться аж до Канзаса. Однако чем больше Гилдер думал об этом, тем больше сомневался. Слишком уж призрачны шансы. А если он отдаст его военным, вряд ли он еще хоть что-то услышит и о Грее, и об этой загадочной женщине.

Этого не должно случиться. Хорос Гилдер, заместитель директора Отдела Специальных Вооружений, прибережет Лоуренса Грея для себя.

– Ну? И что ты хочешь, чтобы я сделал?

Нельсон уставился на него. Гилдер прикидывал порядок действий. Кто еще ему нужен? Нельсона он не назвал бы своим сообщником, но пока этот человек руководствуется своим личным любопытством, он справится с делом лучше всего. Единственный биохимик в его распоряжении. Рано или поздно он поймет, что затеял Гилдер, и тогда придется принимать решение, но это придется решать в надлежащее время. Что же до захвата, то для таких задач всегда найдется тот, кто действует за пределами инструкций. Один звонок по телефону, и все заработает.

– Пакуй шмотки, – сказал Гилдер. – Отправляемся в Айову.

12

Восход солнца на второй день. Они уже где-то посреди Небраски. Дэнни, ссутулившийся над рулевым колесом, с покрасневшими от бессонницы глазами, вел автобус всю ночь. Заснули все, кроме Китриджа, даже этот несносный Джамал.

Хорошо, что у него снова люди в автобусе. Хорошо чувствовать себя полезным, полезным паровозиком.

Они нашли еще солярки, в небольшом аэропорте в Мак-Куке. Те немногие города, которые они миновали, оказались пустыми и покинутыми, будто в фильме про Дикий Запад. О'кей, может, они и заблудились, вроде того. Но Китридж и другой мужчина, Пастор Дон, сказали, что это не имеет значения, пока они едут на восток. Это все, что надо сделать, сказал Китридж. Дальше ехать на восток.

Он задумался о том, что увидел на шоссе. Это что-то. За последнюю пару дней он видел много тел, но не настолько. Китридж ему нравился, он чем-то напоминал ему мистера Первиса. Не то чтобы он *выглядел* как мистер Первис, вовсе нет. То, как он разговаривал с Дэнни. Как со взрослым.

Пока он вел автобус, то не раз думал о маме, мистере Первисе, Томасе, Перси, Джеймсе, о том, каким полезным он оказался. Как гордились бы им сейчас мама и мистер Первис.

Солнце вставало из-за горизонта, и Дэнни пришлось прищуриться. Остальные еще долго не проснутся. Китридж наклонился к нему, стоя сбоку.

– Как у нас дела с горючкой?

Дэнни посмотрел на шкалу. Всего четверть бака.

– Давай остановимся и дольем из канистр, – сказал Китридж. – А народ пусть ноги разомнет немного.

Они свернули с дороги в лесопарк. Китридж и Пастор Дон проверили кабинки туалетов и дали «добро» остальным.

– Внимание всем, тридцать минут, – объявил Китридж.

Теперь у них уже было побольше припасов – коробки с крекерами, арахисовое масло, яблоки, энергетические батончики, газировка в бутылках, а еще детский фруктовый сок, питание и подгузники для Младшего. Китридж нашел даже коробку «Лаки Чармз» для Дэнни, вот только все молоко в выключенном холодильнике в магазине, конечно же, уже прокисло. Придется ему всухомятку их есть. Дэнни, Китридж и Пастор Дон выгрузили с задней площадки автобуса канистры с соляркой и принялись доливать в бак. По словам Дэнни, объем бака пятьдесят галлонов в точности, а полного бака стандартно хватает примерно на 300 миль пути.

– Ты, парень, очень любишь точность, – сказал Китридж.

Когда они закончили переливать топливо, Дэнни взял пачку «Лаки Чармз», банку теплого «Доктора Пеппера» и сел под деревом. Остальные расселись вокруг стола для пикников, в том числе Джамал. Он особо ничего не говорил, но у Дэнни было ощущение, что остальные решили не ворошить былое. Линда Робинсон меняла подгузник Младшему, тихо воркуя, малыш радостно сучил ручками и ножками. Дэнни раньше никогда не приходилось долго быть рядом с младенцами. Он усвоил, что они всегда много кричат и плачут, но Младший пока что вел себя тихо, как мышка. Бывают младенцы хорошие, бывают плохие, говорила мама, видимо, Младший – из хороших. Дэнни попытался вспомнить, как он сам был маленьким, хотя бы попробовать, получится ли у него это, но его сознание отказывалось уходить столь далеко в прошлое, четко и упорядоченно. Как странно, что есть целая часть твоей жизни, которую ты не можешь вспомнить, за исключением немногих образов. Солнце, сияющее сквозь оконное стекло. Мертвая раздавленная лягушка на подъездной дороге, кусок яблока на тарелке. Интересно, был ли он хорошим младенцем, таким, как Младший?

Дэнни продолжал смотреть на остальных, горстями заталкивая в рот «Лаки Чармз» и запивая «Доктором Пеппером», и тут Тим встал из-за стола и подошел к нему.

– Привет, Тимми. Как дела?

Волосы на голове мальчишки перепачкались и стояли дыбом, от постоянного сна в автобусе.

– Наверное, о'кей.

Он уныло пожал плечами.

– Не против, если я с тобой посижу?

Дэнни слегка подвинулся в сторону.

– Мне жаль, что другие дети иногда над тобой подшучивали, – сказал Тим после долгого молчания.

– Все о'кей, – ответил Дэнни. – Я не обижался.

– Билли Найз реальный придурок.

– Он к тебе тоже цепляется?

– Иногда.

Мальчишка едва заметно кивнул.

– Он ко всем цепляется.

– Просто не обращай внимания, – сказал Дэнни. – Я так всегда делаю.

Прошла еще минута.

– Тебе действительно «Томас» нравится? – спросил Тим.

– Очень.

– Я смотрел. У меня в подвале типа куча игрушек по «Томасу и друзьям». Углепогрузчик, мойка для локомотивов, все такое.

– Хотел бы я все это увидеть, – сказал Дэнни. – Уверен, это здорово.

Снова повисло молчание. Лучи солнца грели Дэнни лицо.

– Рассказать, что я увидел на стадионе?

– Если хочешь.

– Типа тысячу миллионов мертвых людей. Их бульдозерами в кучи сгребли.

Дэнни не знал, что на это ответить. Он понимал, что Тиму надо кому-то рассказать об этом, это не такая штука, которую стоит держать внутри себя.

– Там еще один бульдозер оставался. В его ковше тоже были тела. Просто свисали оттуда. Будто большие куклы.

– Очень жаль, – сказал Дэнни, именно так всегда говорила мама, когда слышала что-то печальное. – Ты говорил Эйприл?

Тим помотал головой.

– Хочешь хранить в тайне?

– А это правильно?

– Конечно, – сказал Дэнни. – Я умею хранить тайны.

Тим снял небольшой комочек земли с корня дерева и растер в пальцах, глядя, как пыль сыплется вниз.

– Ты не слишком-то пугаешься, так, Дэнни?

– Иногда пугаюсь.

– Но не теперь, – заявил мальчишка.

Дэнни задумался. Наверное, ему следовало испугаться, но он просто не испугался. То, что он чувствовал, можно было назвать скорее *интересом*. Что случится дальше? Куда все они *попадут*? Его удивило, насколько легко он, оказывается, приспособился. Доктор Фрэнсис мог бы им гордиться.

– Нет, наверное, нет.

Все принялись собираться в дорогу. Дэнни очень хотелось что-нибудь сказать мальчику, чтобы ему стало легче, чтобы образ того, что он увидел на стадионе, стерся из его памяти. Они уже шли к автобусу, когда ему в голову пришла мысль.

– Эй, у меня кое-что есть для тебя.

Он сунул руку в сумку и достал свою счастливую монетку.

– Держи ее при себе, и, обещаю тебе, с тобой ничего плохого не случится.

Тим поглядел на монетку.

– А отчего она счастливая?

– Я не знаю. Просто она у меня всегда была.

– Ты уверен, что хочешь ее мне отдать?

– Уверен, что уверен. Давай, теперь она твоя.

Малость, но хоть что-то, подумал Дэнни. Хоть на секунду, но на лице у стоящего у автобуса мальчишки появилась улыбка.

– Спасибо, – сказал Тим.

Омаха горела.

Сначала они увидели колеблющееся свечение над горизонтом. Уже смеркалось. Они приближались к городу с юго-запада, по Шоссе 80. На дороге не было ни одной машины, а окна во всех домах были темны. Еще более сильное ощущение заброшенности, сильнее, чем они чувствовали до сих пор. В городе, где живут – вернее, жили – почти полмиллиона человек. Через систему вентиляции стал просачиваться сильный запах дыма. Китридж сказал Дэнни остановить автобус.

– Нам придется как-то перебираться через реку, – сказал Пастор Дон. – Ехать на юг или на север и искать переправу.

Китридж оторвал взгляд от карты.

– Дэнни, как у нас дела с горючим?

У них оставалась всего одна восьмая бака. И канистры пустые. Еще миль пятьдесят в лучшем случае. Ведь они надеялись найти топливо в Омахе.

– Одно точно, – продолжил Китридж. – Здесь нам оставаться нельзя.

Они свернули на север. Следующая переправа должна была быть у города Адэр. Но моста не было, он оказался взорван, с такой силой, что от него ничего не осталось. Перед ними лишь неумолимо текла широкая темная река. Следующая переправа у Декатура, еще тридцать миль на север.

– Мы милю назад школу проезжали, – сказал Пастор Дон. – Это лучше, чем ничего. А горючее можем поискать утром.

В автобусе воцарилась тишина, все ждали, что ответит Китридж.

– О'кей, так и сделаем.

Они вернулись назад, в самый центр небольшого городка. Свет не горел нигде, улицы были пусты. Они подъехали к школе, современного вида зданию в стороне от дороги, у края полей. На огромном плакате у въезда на стоянку было написано жирным шрифтом: «Вперед, Львы! Хорошего всем лета!»

– Все ждите здесь, – сказал Китридж.

Он вошел внутрь. Прошла пара минут, и он вышел. Переглянулся с Пастором Доном, и они кивнули.

– Мы останемся здесь на ночь, – провозгласил Китридж. – Держимся вместе, никто никуда не уходит. Электричества нет, но есть вода и еда в столовой. Если нужно отойти по нужде, идите парами.

В вестибюле их встретили типичные для начальной школы запахи пота, грязных носков, красок и линолеума. У двери, ведущей, по всей видимости, в кабинет, виднелась витрина с

призами, на крашенных стенах из шлакоблока висел коллаж с изображениями людей и животных, вырезанных из газет и журналов. Под каждой картинкой была табличка с возрастом и номером класса ученика, его сделавшего. Венди Мюллер, второй класс. Гевин Джексон, пятый класс. Флоренс Рэтклифф, четвертый подготовительный.

– Эйприл, идите вместе с Вудом и Доном, найдите маты, чтобы лечь спать. В подготовительных классах точно должны быть.

В кладовой за стеной столовой они нашли консервированные бобы и фруктовые коктейли, а еще хлеб и джем, так что можно было сделать бутерброды. Газа, чтобы что-то готовить, не было, так что пришлось есть бобы холодными, расставив банки по подносам. Снаружи уже стемнело. Китридж раздал фонари. Говорили шепотом, все согласились, что Зараженные могут их слышать.

К девяти часам почти все улеглись. Китридж поручил Дону дежурить на первом этаже, а сам пошел вверх по лестнице с кемпинговым светильником в руке. Большинство дверей были закрыты, но не все. Он выбрал кабинет химии, просторный, с множеством столов и стеклянных шкафов, на которых стояли флаконы и колбы. Слегка пахло бутаном. На белой доске виднелась надпись: «Повторение пройденного, главы 8–12. Лабораторные по средам».

Китридж стянул с себя футболку, ополоснулся до пояса, стоя у мойки в углу, а затем сел на стул и снял ботинки. Протез, прикрепленный к левой ноге сразу ниже колена, был сделан из титанового сплава и покрыт силиконом. Внутри был гидроцилиндр с микропроцессорным управлением, работающим от крохотного водородного элемента, который пятьдесят раз в секунду опрашивал датчик угловой скорости в коленном суставе, чтобы имитировать естественную походку. Последнее слово в протезировании. Китридж не сомневался, что армии он обошелся в кругленькую сумму. Закатав штанину, он снял фиксирующий носок, а потом вымыл культю с жидким мылом, которое было в диспенсере в мойке. Хотя кожа в месте контакта с протезом и сильно загорбела, она все равно болезненно реагировала на прикосновение, после двух суток без должного ухода. Тщательно протерев культю, он дал коже еще пару минут побыть на свежем воздухе, а потом снова прикрепил протез на место и опустил штанину.

И дернулся, услышав какой-то звук за спиной. Обернулся и увидел Эйприл, стоящую в дверях.

– Прости, я не хотела...

Он поспешно натянул футболку и встал. И что она успела увидеть? В кабинете царил полумрак, да и один из столов его частично загораживал.

– Ничего страшного. Просто немного себя в порядок привел.

– Я спать не могу.

– Это нормально, – ответил он. – Заходи, если хочешь.

Она неуверенно вошла в кабинет. Китридж пошел к окну, с АК в руке. Мгновенно оглядел пространство снаружи.

– Как там снаружи? – спросила Эйприл, уже стоя рядом с ним.

– Пока что тихо. Как у Тима дела?

– Вырубился, будто выключили. Он крепче, чем кажется. И крепче меня, кстати.

Это признание удивило Китриджа.

– Сомневаюсь.

Эйприл нахмурилась.

– А зря. Если по правде, я так перепугана, что уже вообще ничего не чувствую.

Вдоль окон по всей длине кабинета шел широкий подоконник, и Эйприл забралась на него, прижимаясь спиной к оконной раме и подтянув колени к груди. Китридж сделал то же самое. Они сидели лицом к лицу. Между ними воцарилось молчание, выжидательное, но не неловкое. Она еще юная, но Китридж чувствовал в ней внутренний стержень. Такая штука, которая в тебе либо есть, либо нет.

– У тебя есть приятель?
– Это допрос?
Китридж рассмеялся и покраснел.
– Просто для поддержания разговора, наверное. Ты себя так со всеми ведешь?
– Только с теми, кто мне нравится.
Шли секунды.
– А почему тебя называли Эйприл? Из-за дня рождения?
Это все, что пришло ему в голову.
Эйприл мотнула головой.
– Нет, это из «Бесплодной земли».
Китридж не сказал ничего, и она удивленно приподняла брови.
– Поэма. Т. С. Эллиот.
Китридж знал имя, но ничего более.
– Слышал, но ничего не могу сказать. И как так случилось?
Она медленно отвела взгляд в сторону. Когда она заговорила, в ее голосе было какое-то сильное чувство, такое, что Китридж и названия ему не мог подобрать.

Апрель – жесточайший месяц, гонит
Фиалки из мертвой земли, тянет
Память к желанью, женит
Дряблые корни с весенним дождем.
Зима нас греет, хоронит
Землю под снегом забвенья – не вянет
Жизнь в сморщенном клубне.
Лето ворвалось внезапно – буянит
Над Штарнбергер-Зее
Ливнем; мы постояли на колоннаде,
Прогулялись по солнцу до кафе,
Выпили кофе, поболтали часок.
Bin gar keine Russian, stamm' aus Litauen, echt deutsch⁵.

Мы были детьми, когда гостили у кузена,
Эрцгерцога – он взял меня кататься на санках.
Я так боялась! Он сказал: Мари,
Мари, держись! И мы покатались... У-ух!
Ах горы! Такая свобода внутри!
По ночам я читаю, зимой отправляюсь на юг.

– Вау, – сказал Китридж. – Вот это да.
Эйприл пожала плечами.
– Вот оттуда оно. Автор был депрессивным типом в общем-то.
Она дергала за нитку на драной коленке джинсов.
– Это моей матери в голову идея пришла. До того как встретиться с моим отчимом, она была профессором языка и литературы. А потом мы стали богатыми, и все такое типа того.
– Твои родители развелись?
– Мой отец умер, когда мне было шесть.
– Извини, мне не стоило...

⁵ А я и не русская, родилась в Литве, чистокровная немка (нем.).

– Ладно. Он тоже был не из тех, кого чудесными людьми называют. Последствия тех времен, когда моя мама плохими мальчиками увлекалась. Хорошо набрался и врезался на машине в опору моста. И все тут, сказал Пух.

Она произнесла эти слова безо всяких эмоций, таким голосом, каким могла бы сказать про погоду. Снаружи землю окутывала чернотой летняя ночь. Очевидно, Китридж неправильно оценил ее, но он знал, что так очень часто бывает. Сказка ложь, да в ней намек, и ты всякий раз удивляешься, сколько всего может вынести человек.

– Я тебя видела, ну, ты понимаешь, – сказала Эйприл. – Твоя нога. Шрамы на спине. Ты ведь на войне был, так?

– Почему ты так подумала?

Она недоуменно поглядела на него.

– Я не знаю, но все одно к одному, так? Ты ведь единственный, кто знает, что делать, так? Ты суперпрофессионален со всем этим оружием и прочей хренью, так?

– Я же тебе говорил, я продавец. Туристического снаряжения.

– Ни на секунду не поверю.

Ее прямота была настолько обезоруживающей, что он на мгновение умолк.

– Ты точно хочешь это услышать? В этом нет ничего хорошего.

– Если ты согласишься мне рассказать.

Он посмотрел в окно.

– Ладно, ты права, я служил. Сразу после школы пошел. Не в армии, в морской пехоте. Вскоре после 11 сентября, когда полстраны было готово пойти служить. Дослужился до штаб-сержанта, в военной полиции. Ты знаешь, что это такое?

– Ты копом был?

– Типа того. В основном мы обеспечивали безопасность американских объектов – авиабаз, важной инфраструктуры, в этом роде. Нас гоняли с места на место. Иран, Ирак, Саудовская Аравия. Последнее задание было на авиабазе в Баграме в Афганистане. Обычная работа по распорядку, проверять путевые листы по оборудованию и иностранных рабочих на входе и выходе. Но иногда что-то происходило. Переворот еще не случился, территория контролировалась нами, но по всей стране уже действовал «Талибан», а еще «Аль-Каида» и десятка два местных полевых командиров.

Он помолчал, снова глядя в окно.

– Так что однажды мы увидели машину – обычный ржавый хлам, – когда она ехала по дороге. Блок-посты были хорошо обозначены, все знали, что надо останавливаться, но тот парень не остановился. Он мчался прямо на нас. Мы увидели в машине двоих, мужчину и женщину. Все начали стрелять. Машину понесло в сторону, она пару раз перевернулась и снова стала на колеса. Мы думали, что она уж точно взорвется, но нет. Я был старшим из сержантского состава, так что идти и смотреть должен был я. Женщина погибла, но мужчина еще был жив. Лежал грудью на руле, залитый кровью. А на заднем сиденье оказался ребенок, мальчик. Наверное, не старше четырех лет. Они привязали его к сиденью, вместе с кучей взрывчатки. Я увидел провода, тянущиеся вперед, детонатор был в руке его отца. Тот бормотал себе под нос. «Анта аль-масул», говорил он. «Анта аль-масул». Ребенок плакал и тянул ко мне руки. Маленькие ручки. Я их никогда не забуду. Ему было всего четыре, но, казалось, он знал, что сейчас случится.

– Боже, – сказала Эйприл. На ее лице был ужас. – И что ты сделал?

– Единственное, что пришло в голову. Побежал со всех ног оттуда. Взрыва я не помню. Очнулся в госпитале в Саудовской Аравии. Двое из моего подразделения погибли, еще один получил осколком в позвоночник.

Эйприл уставилась на него.

– Я же говорил тебе, что в этом нет ничего хорошего.

- Он взорвал собственного ребенка?
- Примерно так, ага.
- Но что же за люди способны на такое?
- Тут я пас. Я так и не смог этого понять.

Китридж подумал, не сказал ли он ей лишнего. Если и сказал, то она не подала виду.

- И что случилось потом? – спросила Эйприл.
 - Ничего. Все кончилось.
 - Не знаю, как ты, но меня бы такое с ума свело.
- Китридж пожал плечами.

– Ну, я не свихнулся. По крайней мере мне так не казалось. Полгода провел в госпитале для ветеранов, заново учился ходить, одеваться и есть самостоятельно, а потом мне дали пинка. Война окончена, друг мой, по крайней мере, для тебя. Не настолько плохо, как бывало со многими другими ребятами. Я не ныряю под кровать, когда машина глушителем стрельнет, ничего такого. Что сделано, то сделано, решил я. Примерно через шесть месяцев после увольнения я поехал домой, в Вайоминг. Родители умерли, сестра вышла замуж и уехала с мужем в Британскую Колумбию, от нее вестей не было, но там остались несколько человек, которых я знал, – мальчишки, с которыми я в школу ходил. Уже не мальчишки, конечно. Один из них решил закатить крутую вечеринку в честь моего приезда, возвращения домой, все такое. У них всех уже были семьи, жены, дети, работа, но в конечном счете все они любили хорошенько выпить. Хороший повод зажечь, вот и все, но я решил, что в этом нет ничего плохого. Ладно, сказал я, давай напьемся. Он так и сделал. Там было полсотни человек, не меньше, половина тех, кто учился в моем выпуске. Над крыльцом повесили большую растяжку с моим именем, даже группу играть позвали. Вот тогда меня и прошибло. Стою во дворе, слушаю музыку. Ладно тебе, говорит мне приятель, есть женщины, которые хотят с тобой познакомиться. Не стой тут, как дурак последний. Он завел меня в дом, там их было трое, вполне хорошенькие. Одну я даже знал немного, с прежних дней. Они о чем-то болтали, обсуждали телешоу, сплетничали, как обычно. Нормальные, повседневные дела. Я попивал пиво, слушая их, и вдруг понял, что я понятия не имею, о чем они говорят. Не в смысле, слова. А их *значение*. Так, будто эти слова не были связаны друг с другом, будто существовали два мира, – мир снаружи и мир внутри, не имеющие друг к другу никакого отношения. Уверен, мозгоправ нашел бы нужный термин. А потом я очнулся на полу, а вокруг меня все стоят. Мне пришлось на четыре месяца в лес уйти, чтобы быть снова в состоянии находиться среди людей.

Китридж снова замолк, сам себе удивляясь.

- Если честно, это я уже никому не рассказывал. Ты первая будешь.
- Похоже на обычный день в старших классах школы.
- В яблочко, – сказал Китридж и рассмеялся.

Их взгляды снова встретились. Как странно, подумал он. Минуту назад ты был один, наедине со своими мыслями, и тут вдруг появляется кто-то, кто, похоже, понимает тебя до глубины души, тот, кто может читать тебя, будто книгу. Сложно сказать, как долго они смотрели друг на друга. Это длилось и длилось, в этом не было ни усилия воли, ни отваги, ни даже желания. Сколько же ей? Семнадцать? Она не выглядит на семнадцать. У нее будто вовсе нет возраста. Стара душой. Китридж где-то слышал эти слова, но никогда не понимал их значения. Вот что особенного в этой Эйприл. Она стара душой.

В знак доверия между ними Китридж достал из нагрудной кобуры один из «глоков» и протянул ей.

- Знаешь, как им пользоваться?
- Эйприл неуверенно посмотрела на него.
- Позволь угадать. Совсем не так, как в кино.

Китридж отщелкнул обойму и передернул затвор, чтобы выбросить патрон из патронника. Потом вложил пистолет ей в руку и обхватил ее пальцы своими.

– Не жми на крючок суставом, пуля уйдет ниже. Подушечкой пальца, вот так.

Отпустил ее руку и постучал себя пальцем в середину грудины.

– Один выстрел, сюда. Этого достаточно, но промахнуться нельзя. Не спеши, прицелься и стреляй.

Он кивнул в сторону пистолета.

– Можешь оставить себе. И патрон должен быть в патроннике, как я показал.

Она криво улыбнулась.

– Ого, спасибо. А у меня для тебя ничего нет.

– Может, в другой раз.

Шли секунды. Эйприл крутила оружие в руке так и сяк, разглядывая его, будто какой-то непостижимый для нее артефакт.

– Что там отец сказал, «Анта-что-то там»?

– Анта аль-масул.

– Ты узнал, что это означает?

Китридж кивнул.

– «Ты это сделал».

Снова молчание. Эйприл смотрела на пистолет.

– Ты поступил правильно, ты знаешь это, – сказала она. – Ты тоже мог погибнуть.

– Всегда есть выбор, – ответил Китридж.

– Что же ты мог сделать?

Вопрос риторический, она не ждала ответа. Что же еще ты мог сделать? Но Китридж знал ответ. Знал его с тех самых пор.

– Я мог взять его за руку.

Он был на страже у окна всю ночь. Для него не было проблемой не спать, он умел отдыхать быстро, вздремнув совсем недолго. Эйприл лежала на полу, свернувшись калачиком. Китридж снял куртку и укрыл ее. Света не было нигде. Из окна мир казался умиротворенным, в небе сияли россыпи звезд. Когда горизонт начал светлеть, он позволил себе закрыть глаза.

И мгновенно проснулся от шума моторов. По дороге ехала армейская колонна, два десятка машин. Китридж мгновенно достал второй пистолет и отдал Эйприл, которая тоже проснулась, сидела и терла глаза руками.

– Держи.

Сам Китридж быстро спустился вниз по лестнице. Когда он выскочил наружу, колонне оставалось всего на несколько десятков метров до съезда. Китридж побежал вперед, размахивая руками.

– Стой!

Головной «Хамви» резко остановился в паре метров от него. Сидящий на крыше повел в его сторону стволом пулемета пятидесятого калибра. Нижняя половина его лица была закрыта белой медицинской повязкой.

– Стоять на месте.

Китридж поднял руки.

– Я безоружен.

Солдат передернул затвор.

– Я сказал, не подходи.

В напряжении прошли пять секунд, казалось, он готов стрелять. Затем открылась дверь машины с пассажирской стороны. Вышла крепко сложенная женщина и пошла навстречу

Китриджу. Ее лицо было обветренным и морщинистым и было покрыто пылью. Офицер, но не из тех, что по кабинетам сидят.

– Майор Порчеки, девятый батальон обеспечения, национальная гвардия Айовы. А ты кто, черт побери?

У него был единственный козырь.

– Штаб-сержант Бернард Китридж. Первый батальон военной полиции Корпуса Морской Пехоты, рота «Чарли».

Ее глаза прищурились.

– Ты морпех?

– Уволен по состоянию здоровья, мэм.

Женщина поглядела мимо него, на школу. Китриджу не надо было глядеть по сторонам, чтобы понять, что остальные смотрят на них из окон.

– Сколько у тебя внутри гражданских?

– Одиннадцать. У автобуса горючее почти кончилось.

– Больные, раненые?

– Все устали и перепуганы, не более того.

Она оглядела его с ничего не выражающим лицом.

– Кодуэлл! Вальдез!

Подбежали два капрала, тоже в медицинских масках. Такие маски были у всех, кроме майора Порчеки.

– Подгоните заправщик, посмотрим, сможем ли заправить этот автобус.

– Мы берем с собой гражданских? Можем ли мы делать такое сейчас?

– Я спрашивала вашего мнения, капрал? И санитаря позовите.

– Да, мэм. Виноват, мэм.

Они убежали выполнять приказ.

– Благодарю, майор. Идти отсюда пешком далековато было бы.

Порчеки сняла с ремня фляжку и хлебнула воды.

– Вам очень повезло, что вы нам попались. С топливом проблемы. Мы едем обратно в арсенал Национальной Гвардии в Форт-Пауэлл, туда сможете доехать с нами. ФАЧС там устроило центр для беженцев. Оттуда вас, вероятно, эвакуируют в Чикаго или Сент-Луис.

– Если позволите, нельзя узнать, какие новости?

– Позволю, но не знаю, что тебе и сказать. Эти проклятые твари в какой-то момент могут быть повсюду, а в следующий их никто найти не может. Они предпочитают деревья, но пользуются любым укрытием. В Центральном Командовании говорят, что на границе Канзаса и Небраски собирается большая стая.

– Что значит, «стая»?

Она снова отпила из фляжки.

– Так они называют группы Зараженных, стаями.

Подошел санитар. Беглецы начали выходить из здания школы. Китридж объяснил, что происходит, а солдаты уже организовали охранение. Санитар осмотрел всех, меряя температуру и заглядывая в рот. Когда все были готовы, Порчеки встретила Китриджа у двери автобуса.

– Еще одна вещь. Лучше держите при себе, что вы из Денвера. Лучше говорите, что вы из Айовы, если кто-нибудь спросит.

Китридж вспомнил выстроившиеся на дороге машины.

– Передам всем.

Китридж забрался в автобус и сел позади Дэнни, поставив автомат между ног.

– Черт возьми, – сказал Джамал, ухмыляясь от уха до уха. – Армейская колонна.

Китридж, беру все свои слова назад.

Он ткнул большим пальцем назад, в сторону миссис Беллами, которая протирала лоб платком, достав его из рукава.

– Черт, даже не жалко, что эта старая кошелка в меня едва не пальнула.

– Слово не обух, юноша. Слово не обух.

Он обернулся и поглядел на нее через проход.

– Очень хотел спросить. Почему все пожилые леди сопливчики в рукаве носят? Вам это не кажется негигиеничным?

– Это я слышу от юноши, у которого в руках столько чернил, что хватит копировальный аппарат заправить.

– Копировальный аппарат. Вы из какого века?

– Когда на тебя смотрю, на ум одно слово приходит. Слово «желтуха».

– Боже, хватит, вы оба, – застонал Вуд. – Вас и правда отдельно закрыть надо.

Колонна тронулась.

13

План заработал. Команда готова, на рассвете за ними прилетит самолет. Гилдер связался со своим человеком в «Блэкберд», все было согласовано. Информацию с сервера и жестких дисков на складе стерли. «Отправляйтесь по домам, – сказал он сотрудникам. – Будьте дома, со своими родными».

Уже было за полночь, когда он подъехал к своему дому по тихой, умытой дождем улице. По радио непрекращающийся поток плохих новостей. Хаос на дорогах, военные перегруппировывают войска, за границей шумят. Из Белого дома заверяют, что все под контролем, что лучшие умы работают над решением проблемы, но это никого не обманет. Считанные часы, и по всей стране будет объявлено военное положение. CNN сообщило, что корабли НАТО полным ходом идут к берегам Америки. Дверь на североамериканский континент будет захлопнута. Мир имеет право презирать нас, подумал Гилдер, но что они будут делать, когда нас не станет?

По дороге он все время внимательно смотрел в зеркало заднего вида. Он не был склонен к паранойе, просто так обстояли дела. Раздастся визг колес, перед его машиной остановится грузовик, выйдут люди в темных костюмах. «Хорос Гилдер? Поедете с нами». Поразительно, подумал он, что этого до сих пор не случилось.

Он заехал в гараж и закрыл ворота. Поднялся в спальню и собрал небольшой чемодан. Одежду на пару дней, предметы гигиены, лекарства. Спустился вниз. Забрал из кабинета ноутбук, положил в микроволновку и включил. Полетели искры, и внутренности компьютера поджарились. От наладонника он уже избавился, выбросив его из окна своей «Камри».

Потушил свет в гостиной и открыл шторы. Сосед напротив грузил чемоданы в открытый багажник внедорожника. Его жена стояла у двери дома, прижимая к груди спящего малыша. Как их зовут? Гилдер то ли забыл, то ли не знал вовсе. Женщину он время от времени видел, когда она катала маленькую девочку в яркой пластиковой детской машине. Сейчас, глядя на них троих, Гилдер вдруг вспомнил Шону – не ту их последнюю встречу, ужасную, а прежние, когда они лежали после близости, ее тихий, шепчущий голос, щекочущий ему грудь. «Тебе нравится, как я делаю? Я хочу быть твоей единственной». Слова, не более чем игра, дешевый театр в завершение рабочего часа. Каким же глупым он был.

Мужчина взял ребенка у женщины и осторожно положил на заднее сиденье. Они сели в машину. Гилдер представил себе, о чем они могли говорить сейчас. «С нами все будет в порядке. Мы просто неделю-другую побудем у твоей матери, пока все не кончится».

Гилдер услышал, как завелся мотор, а затем машина поехала. Он проводил их взглядом, пока габаритные огни машины не исчезли в конце квартала. Удачи вам, подумал он.

Подождал еще пять минут. На улице стояла тишина, все окна темные. Убедившись, что за ним не следят, он понес чемодан в «Камри».

В начале третьего он добрался до Шедоудэйла. Стоянка была пуста, свет горел только у входа. Гилдер вошел внутрь и увидел, что на дежурном посту никого нет. У стола стояло кресло-каталка, второе стояло в коридоре. Тишина, ни звука. Возможно, камеры наблюдения еще работают и снимают, но кто теперь станет записи просматривать?

Его отец лежал на койке, в темноте. В палате пахло просто ужасно, здесь уже многие часы никого не было, а может, и целый день. На подносе у койки отца кто-то оставил с десяток банок герберовского детского питания и графин с водой. Судя по опрокинутой чашке, отец пытался попить, но к еде не прикоснулся. Баночки он не смог бы открыть, даже если бы постарался.

Времени у Гилдера было не слишком много, но и спешка не подходила ситуации. Глаза отца были закрыты, а его голос – укоризненный голос – умолк. Лучше так, подумал Гилдер.

Время разговоров прошло. Он попытался вспомнить хоть что-то хорошее об отце. И не вспомнил ничего лучшего, чем тот случай, когда отец повел его в парк, когда Гилдер еще маленький был. Обрывочные воспоминания, образы. Может, этого вообще никогда не было, но это лучшее, что у него есть сейчас. Зимний день, пар изо рта перед лицом, деревья без листьев, поднимающиеся и опускающиеся, отец подталкивает его в спину, качая на качелях, большой ладонью. Больше Гилдер ничего не смог вспомнить. Ему, наверное, лет пять было.

Он вытащил подушку из-под головы отца, и у того задрожали веки, но глаз он не открыл. Вот он, край пропасти, смертельное мгновение, подумал Гилдер. Деяние, которое не повернуть вспять. Он вспомнил слово «отцеубийство». Себя убить ему смелости не хватило, но теперь, когда он положил подушку на лицо отца, он не ощутил колебаний. Ухватив подушку за края, он прижал ее сильнее, так, чтобы воздух не мог достичь носа и рта отца. Миновала минута, Гилдер отсчитывал секунды про себя. Лежащая поверх одеяла рука отца дернулась. Сколько времени на это потребуется? Как ему понять, что все кончено? А если подушка не поможет, что тогда? Он снова поглядел на руку отца, но она больше не шевелилась. И постепенно до него дошло, что неподвижность тела под его руками означает лишь одно. Что его отец больше не дышит.

Он убрал подушку. Лицо отца осталось почти таким же, как будто переход из жизни в смерть был для него едва заметным изменением в состоянии. Осторожно сунув руку под голову отцу, Гилдер положил подушку обратно. Он не пытался скрыть свое преступление – просто хотел, чтобы у отца под головой была подушка, особенно теперь, когда, судя по всему, ему предстоит еще очень долго так лежать. Гилдер думал, что нахлынут эмоции, боль и сожаление, так долго сдерживаемые. За его ужасное детство. За одиночество его матери. За все его существование, без любви и участия, за утешение, полученное лишь у продажной женщины. Но ощутил лишь облегчение. Это было самое серьезное испытание в его жизни, и он его выдержал.

В коридоре было все так же тихо, ничего не изменилось. Неизвестно, что творится за закрытыми дверями палат, скольким еще семьям придется делать такой же жестокий выбор. Гилдер посмотрел на часы. С того момента как он вошел в здание, прошло десять минут. Всего десять минут, и как все изменилось. Изменился он сам, изменился мир. В нем более не было отца. И на его глазах выступили слезы.

Он быстро пошел по коридору, мимо пустующей комнаты отдыха, мимо сестринского поста, на котором никого не было, и дальше, навстречу начинающемуся утру.

14

К концу второго дня, когда они подъезжали к границе Миссури, Грей заметил впереди препятствие. Они находились в сущей глухомани, в милях от ближайшего населенного пункта. И он остановил машину.

Лайла оторвала взгляд от журнала, который читала. На этот раз – «Счастливые родители». Грей нашел ей целую стопку журналов в мини-маркете в Лидо – «Семейная жизнь», «Младенец и ребенок», «Карапуз». За сегодняшний день ее отношение к нему изменилось. Наверное, в силу всех его попыток поддерживать иллюзию того, что они отправились в совершенно обычную поездку. Она разговаривала с ним все более нетерпеливо, так, будто он – несговорчивый супруг.

– Только посмотри на это, – сказала она, бросив журнал на колени. На обложке была розовощекая девочка в малиновом комбинезоне. Заголовок, «Если назначенная встреча пошла не так».

– *Что это?*

– По-моему, танк.

– Что он здесь делает?

– Может, потеряли, что-то типа того.

– Я не думаю, что они берут и *теряют* танки, Лоуренс. Типа, извините, вы не видели, мы тут танк потеряли? Он где-то здесь должен был быть.

Она тяжело вздохнула.

– Кому вообще в голову пришло танк на дороге вот так поставить? Они должны его убрать.

– Ты хочешь сказать, что я должен их попросить, – уточнил Грей.

– Да, Лоуренс. Именно это я хочу сказать.

Ему не хотелось, но отказать было невозможно. Уже смеркалось. Он остановил машину.

– Привет? – крикнул он. – Привет?

Поглядел на Лайлу, которая смотрела на него, высунув голову в открытое окно.

– Мне кажется, там нет никого.

– Может, они просто тебя не слышат.

– Давай развернемся. Можем найти другую дорогу.

– Это дело принципа. Они не могут вот так просто перекрывать дорогу. Проверь люк. Я уверена, внутри кто-то должен быть.

Грей в этом сомневался. Танк, похоже, бросили. Но и спорить не хотелось. Он забрался по наружным ступенькам и залез на башню. Наклонился к люку, но внутри было темно и ничего не видно. Лайла уже стояла у борта танка с фонариком в руке.

– Не уверен, что это хорошая мысль, – сказал Грей.

– Это всего лишь танк, Лоуренс. Честно. Иногда вы, мужчины, ведете себя совершенно одинаково, знаешь?

Она дала ему фонарик. Ничего не поделаешь, придется заглянуть внутрь. Грей включил фонарь и осветил внутрь.

Срань господня.

– Ну? Что там?

Грею показалось, что их там было двое. Разглядывать подробнее совсем не хотелось. Выглядело так, будто внутри танка бросили гранату, и она разорвала солдат на части. Но это наверняка была не граната.

Ты видишь, Грей?

Он дернулся, как от удара током. Голос. Не такой, как в гараже. Этот голос был внутри его головы. Голос Зиро. Лайла смотрела на него, стоя у борта танка. Грей попытался хоть что-то сказать, но из его рта не вырвалось ни звука.

Ты... голоден, Грей?

Да, он голоден. Не просто голоден – умирает от голода. Это ощущение охватило его целиком, каждую его клетку, каждую молекулу его тела, будто все крохотные атомы его тела зажужжали. Никогда в жизни он не ощущал такого сильного голода.

Это мой дар тебе. Дар крови.

– Лоуренс, в чем дело?

Он сглотнул.

– Я... я сейчас.

Он нырнул в люк. Выронил фонарь, но это не имело значения. Внутреннее пространство танка будто осветилось в его глазах, все поверхности сверкали, покрытые великолепной, прекрасной кровью. Чудовищная жажда захлестнула его, и он прижался лицом к холодному металлу, слизывая кровь.

– Лоуренс! Что ты там делаешь?

Он стоял на карачках, вылизывая пол, зарываясь лицом в липкие останки. Как чудесно! Будто он не ел год, десять лет, столетие и лишь теперь попал на лучший в мировой истории пир! Все радости плоти слились в одно чистейшее удовольствие!

Но очарование разрушил громкий удар. Его пальцы были во рту, его лицо было покрыто кровью. Что он делает, черт подери? И что это за звук, будто гром?

– Лоуренс! Иди быстрее!

Снова грохот, еще сильнее. Он бегом вскарабкался по лестнице. С небом что-то не то, все будто озарил яркий свет. Лайла стояла у борта танка.

Глянула на его лицо и закричала.

Над их головами пронеслись два самолета, низко, с грохотом рассекая воздух. Небо снова залил яркий белый свет, а потом Грею ударила волна горячего воздуха, сбросившая его с башни. Он упал ничком, и у него вышибло дыхание. Над головой пролетели другие самолеты, а небо на востоке сверкало вспышками света.

Лайла пятилась от него, закрывая лицо руками.

– Убирайся прочь от меня!

Времени объяснять не было, да и что бы он сказал? Теперь понятно, что происходит. Они оказались в гуще войны. Грей схватил ее за руку и потащил к машине. Она брыкалась, орала и билась, пытаясь вырваться. Ему кое-как удалось открыть дверь и засунуть ее внутрь, но он тут же понял, что просчитался. Оказавшись внутри, Лайла мгновенно нажала кнопку блокировки дверей.

Он принялся молотить по стеклу.

– Лайла,пусти меня!

– Убирайся,убирайся!

Надо найти что-то тяжелое. Грей огляделся, но ничего не увидел. Еще мгновение, и Лайла догадается, что делать дальше. Сядет за руль и уедет.

Нельзя это допустить.

Став у двери с водительской стороны, Грей замахнулся, сжимая кулак, и ударил в окно. Ждал, что руку пронзит боль, что сломаются все кости, но этого не случилось. Его рука прошла сквозь стекло так, будто его не было, и во все стороны полетели мелкие сверкающие осколки. Прежде чем Лайла успела что-то сделать, он открыл дверь и плюхнулся на сиденье. Включив заднюю, развернул машину и вдавил педаль газа. Но время было упущено. Они оказались в самой гуще событий. Над головами проносились все новые самолеты, и перед ними взметнулась стена огня. Грей резко свернул вправо, и они поехали через кукурузное поле. Колеса

буксовали в мягкой земле, стебли и толстые зеленые листья хлестали по стеклам. Они уже выезжали с поля, когда Грей увидел кювет, но слишком поздно. «Вольво» рухнул вниз, потом подлетел вверх, оторвавшись от земли, и с грохотом рухнул на колеса. Лайла вопила-вопила-вопила, и тут Грей увидел дорогу. Резко дернул руль и снова вдавил педаль в пол. Они поехали параллельно кювету. Солнце садилось за горизонт, поля погружались в чернильную темноту, а небо все взрывалось вспышками огня.

И не просто огня. Внезапно машину озарил ярчайший свет.

– Остановите машину.

Сквозь лобовое стекло он увидел огромный темный силуэт, будто летящую на них громадную черную птицу. Грей резко нажал на тормоз, и они дернулись вперед. Вертолет садился на дорогу, и Грей услышал звон разбивающегося стекла. Что-то упало ему на колени. Баллон, размером с жестянку для супа, издающий шипение.

– Лайла, беги!

Он распахнул дверь, но нервно-паралитический газ уже был в его легких, пронизывая голову, сердце и легкие. Он пробежал метра три и не выдержал. Земля будто волной поднялась перед ним и ударила его в лицо. Казалось, время остановилось, все вокруг расплылось и уходило вдаль. В лицо дул мощный ветер. Краем глаза он увидел, что к нему неуклюже идут люди в скафандрах, похожих на космические. Двое других тащили Лайлу к вертолету. Она висела в их руках, обмякшая, лицом вниз, ее ноги волочились по земле.

– Не делайте ей больно! – сказал Грей. – Не навредите ребенку!

Но его слова ничего не решали. Фигуры в скафандрах уже стояли, склонившись над ним, лица были едва видны сквозь стекла, они будто плавали в воздухе, лишённые тел, будто призраки. Звезды перед глазами Грея стали гаснуть.

Призраки, подумал Грей. На этот раз я действительно умер. И он почувствовал их руки, которые схватили его.

15

Они ехали весь день, и колонна остановилась лишь к вечеру. Из головного «Хамви» вышла Порчеки и быстро пошла к автобусу.

– Здесь мы вас оставим. Часовые на воротах скажут вам, что делать.

Они очутились на сборном пункте, что-то вроде этого. Грузовики с припасами, бронетранспортеры, заправщики и даже артиллерия. Китридж прикинул, что здесь не меньше пары батальонов. Рядом раскинулся огромный палаточный лагерь, огороженный колючей проволокой.

– А вы теперь куда? – спросил Китридж. Интересно, где сейчас идут бои.

Порчеки пожала плечами. Куда пошлют, туда и отправимся, было написано на ее лице.

– Удачи вам, сержант. Только не забудь, что я тебе сказала.

Колонна поехала дальше.

– Давай вперед, Дэнни, – сказал Китридж. – Потихоньку.

У ворот лагеря стояли двое солдат с М-16 в руках и медицинскими масками на лицах. На колючей проволоке была закреплена большая табличка. «ЦЕНТР ПРИЕМА БЕЖЕНЦЕВ ФЕДЕРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА ПО ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ СИТУАЦИЯМ. ВЫХОД ЗАПРЕЩЕН. ПРОНОС ОРУЖИЯ ЗАПРЕЩЕН».

За пять метров до ворот солдаты приказали им остановиться. Один из них подошел к окну с водительской стороны. Мальчишка, лет двадцать, не больше, с обильной россыпью прыщей по коже.

– Сколько?

– Двенадцать, – ответил Китридж.

– Из какого города?

Номера они уже давно с автобуса сняли.

– Де-Мойн.

Солдат сделал шаг назад и что-то заговорил в рацию, пристегнутую к ремню на его плече. Второй так и стоял у закрытых ворот, с винтовкой стволом вверх.

– О'кей, глушите мотор и оставайтесь по местам.

Спустя несколько секунд солдат вернулся с брезентовым вещмешком и поднял его к окну.

– Все оружие и мобильные сюда, потом передадите вперед.

Запрет на оружие Китридж понимал, но вот мобильные? За прошедшие дни им ни разу не удалось поймать сеть.

– Народу очень много, местная сеть упадет, если все попытаются ими пользоваться. Извини, таковы правила.

Объяснение показалось Китриджу натянутым, но делать нечего. Взяв вещмешок, он прошел по проходу. Когда дошел до миссис Беллами, та резко прижала сумочку к животу.

– Юноша, я без него даже в салон красоты не хожу.

Китридж попытался улыбнуться.

– Вы совершенно правы. Но здесь мы в безопасности. Даю вам слово.

С явной неохотой она вытащила из сумочки огромный револьвер и положила к остальным вещам. Китридж отнес вещмешок вперед и положил на нижнюю ступеньку. Солдат тут же протянул руку и схватил его. Затем им приказали выйти с вещами и отойти от автобуса. Санитар в медицинской маске осмотрел каждого из них, а солдат тем временем обыскал багаж. Китридж увидел за воротами огромный навес, под которым собралось множество людей. Вдоль заграждения ходили солдаты с оружием.

– О'кей, – сказал часовой, когда досмотр был окончен. – Можете заходить. Подойдете к центру регистрации, они вас запишут.

– А что с автобусом? – спросил Китридж.

– Все средства передвижения и топливо реквизируются на нужды армии США. Обратной дороги нет.

Китридж увидел на лице Дэнни беспокойство. Один из солдат забрался внутрь, чтобы отогнать автобус.

– Что с ним? – спросил часовой.

Китридж повернулся к Дэнни.

– Все нормально, они о нем позаботятся.

Увидел в глазах парня напряжение, но потом Дэнни кивнул.

– О'кей, – сказал он.

Под навесом было множество людей, они стояли, выстроившись в очереди к длинному столу. Семьи с детьми, старики, семейные пары, слепой с собакой-поводырем. Вдоль очередей ходила туда-сюда девушка в футболке Красного Креста с темно-рыжими волосами, убранными назад, с наладонником в руке.

– Дети без сопровождающих есть? – спросила она. Как и Порчеки, она ходила без медицинской маски. У нее были покрасневшие от бессонных ночей глаза.

Посмотрела на Эйприл и Тима.

– А эти двое?

– Он мой брат, – ответила Эйприл. – Мне восемнадцать.

Девушка с сомнением поглядела на нее, но ничего не сказала.

– Нам хотелось бы остаться вместе, – сказал Китридж.

Девушка уже что-то набирала у себя в наладоннике.

– Я не уполномочена это делать.

– Как вас зовут? – спросил Китридж. Всегда хорошо хотя бы имя знать.

– Вера.

– Патруль, который нас подобрал, сказал, что нас эвакуируют в Чикаго или Сент-Луис.

Из щели в корпусе наладонника полезла лента. Вера оторвала ее и отдала Китриджу.

– Мы все еще ожидаем автобусы. Уже недолго осталось. Покажете это сотруднику за столом.

Им отвели палатку и выдали пластиковые жетоны на получение еды. Они пошли через лагерь, наполненный шумом и разнообразными запахами – дым, биотуалеты, запах множества человеческих тел. Под ногами было грязно, валялось много мусора, люди готовили еду на кострах, сушили белье на растяжках палаток, стояли у колонок, ожидая своей очереди налить ведро воды, сидели на складных стульях, будто на пикнике, с ошеломленными и усталыми лицами. Контейнеры для мусора были переполнены, над ними кружились тучи мух. Припекало летнее солнце. Китридж не увидел никаких машин, только армейские грузовики. Похоже, что беженцы шли сюда пешком, бросив машины, когда кончился бензин.

В их палатке уже были двое, пожилая пара, Фред и Рита Уилкс. Родом из Калифорнии, были в гостях у родных в Айове, на свадьбу приехали, когда эпидемия началась. Они провели в лагере уже шесть дней.

– Насчет автобусов ничего не слышали? Что люди говорят? – спросил Китридж. Джо Робинсон пошел узнать насчет пайков, Вуд и Делорес отправились за водой. Эйприл позволила брату играть с другими детьми у соседней палатки, сказала, чтобы далеко не уходил. Вместе с ним пошел и Дэнни.

– Завтраками кормят, как всегда, – ответил Фред Уилкс, подтянутый мужчина лет семидесяти, голубоглазый. На жаре он снял рубашку, обнажив заросшую густыми седыми волосами грудь. Насколько он был худощав, настолько его жена была фигуристой – Джек Спрат с женуш-

кой. Они играли в джиг-рамми, сидя друг напротив друга на койках и используя в качестве стола пустую картонную коробку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.